

**Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки**

На правах рукописи

Румак Наталья Григорьевна

**Теоретические и практические проблемы межъязыковых соответствий
(на примере перевода оноματοпоэтической лексики в японском языке)**

Специальность 10.02.22

Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и
Австралии

(индо-иранские языки; синитические языки; алтайские языки; афразийские и нигеро-
конголезские языки)

**Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент Е. В. Стругова**

Москва - 2007

	2
Введение	4
I. Общие вопросы	8
1.1 Оноματοпоэтическая лексика японского языка.....	8
1.1.1 Обзор литературы.....	8
1.1.2 Определение понятия.....	12
1.1.3 Функции японской ономатопоэзии.....	17
1.1.4 Выводы.....	20
1.2 Проблемы перевода.....	21
1.2.1 Обзор существующих концепций.....	21
1.2.2 Функциональная эквивалентность при переводе японской ономатопоэзии.....	29
1.2.3 Понятие единицы перевода и перевод оноματοпоэтических слов..	39
II. Особенности оноματοпоэтических единиц японского языка	41
2.1 Структурные особенности оноματοпоэтических единиц.....	41
2.1.1 Фонетический состав и форма слова.....	41
2.1.2 Суффиксы и служебные элементы.....	47
2.2 Грамматические и синтаксические особенности оноματοпоэтических единиц.....	49
2.2.1 Классификация оноματοпоэтических единиц по частям речи.....	49
2.2.2 Лексикализация оноματοпоэтических единиц.....	51
2.3 Семантические особенности оноματοпоэтических единиц.....	53
2.3.1 Оноματοпоэтические слова в устойчивых сочетаниях и значение оноματοпоэтических единиц.....	53
2.3.2 Значение оноματοпоэтических единиц и выбор эквивалентов.....	55
2.3.3 Структура значения оноματοпоэтических слов и метод компонентного анализа.....	58

III. Подбор эквивалентов для оноματοпозитической лексики и оценка адекватности перевода.....	62
3.1 Способы перевода.....	62
3.1.1 Критерии выбора текстов для анализа.....	62
3.1.2 Заимствования и формальные эквиваленты.....	64
3.1.3 Замена на уровне части речи: употребление звукоподражательных глаголов и существительных.....	70
3.1.4 Опускания.....	78
3.1.5 Описание и добавления.....	83
3.1.6 Компенсация.....	87
3.1.7 Другие способы перевода.....	91
3.1.8 Компонентный анализ и описание значения ОС.....	96
3.1.9 Роль контекста при переводе.....	106
3.2 Определение единицы перевода для оноματοпозитических слов.....	110
3.3 Оценка адекватности перевода.....	118
Заключение.....	126
Источники и их сокращённые наименования.....	130
Использованная литература.....	131
Список работ диссертанта.....	138
Приложение.....	139 (i-xxv)

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа связана с теоретическими, а также с практическими аспектами перевода. В ней анализируются способы нахождения русских эквивалентов для оноματοпоэтических единиц японского языка.

Это – первая работа, посвящённая собственно проблеме перевода японской ономатопоэзии на русский язык и поиска переводных эквивалентов для единиц этого слоя лексики. До сих пор данная проблема подробно не анализировалась.

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования являются оноματοпоэтические единицы японского языка и их переводы на русский язык. Предмет исследования составляют семантика единиц этого лексического слоя, семантические связи между ними, а также соответствия этим единицам и связям в русском языке.

По признаку наличия или отсутствия эквивалентов в текстах на ПЯ (языке перевода) для слов текстов на ИЯ (исходном языке) рассматриваются случаи, обычно выделяемые в практике перевода: это - полное соответствие, неполное соответствие, а также отсутствие соответствий японским оноματοпоэтическим словам в русском языке. Нами будут проанализированы различные способы передачи японской ономатопоэзии в языке перевода - русском.

Цели и задачи исследования.

Целью настоящего исследования является описание и систематизация практических способов перевода на русский язык японской ономатопоэзии, поиск универсальных способов перевода оноματοпоэтической лексики. На примере перевода японской ономатопоэзии мы предпринимаем попытку возможного уточнения понятия "адекватный перевод" - одного из центральных понятий современной науки о переводе, а также понятия межъязыковой эквивалентности.

В нашу задачу входит анализ переводов японских художественных текстов с точки зрения способов передачи на русский язык японских

ономатопоэтических слов - единиц, которые обладают специфической формой и содержанием. Содержание и объём описываемого материала задан рамками словаря, но нам придётся уточнить для этого значение входящих в этот объём лексических единиц. Одним из практических результатов исследования является "Словарь эквивалентов ономатопоэтической лексики японского языка".

Методы исследования.

Методы исследования основаны на компонентном анализе, предполагающем возможность разложения значения единицы на минимальные семантические составляющие и установления между ними отношений, основанных на признаках «доминантность – дополнительность». Кроме того, мы анализируем связь формальной структуры единиц с их значением, а также проводим сравнение различных способов и приёмов перевода.

Отдельные положения работы были апробированы на научных конференциях МГУ («Ломоносовские чтения», 2001-2005 гг.), а также межвузовских научных конференциях «Языки мира. Мир языка» и «Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе» (2005 г.). По теме диссертации были опубликованы статьи и тезисы докладов.

Актуальность проблемы и практическая значимость исследования.

Исследование осуществлялось в общем контексте исследований российских и зарубежных авторов, связанных с теорией и практикой перевода, и таким образом, призвано осветить наиболее актуальные проблемы, в частности, проблему описания значения единиц, проблему выделения единиц перевода и проблему адекватности перевода.

Данная работа позволит внести уточнения в существующие положения переводоведения по указанным вопросам. Полученные выводы могут быть использованы как в теории, так и в практике перевода, а также в лексикографии.

Представленная как выводы типология соответствий ономатопоэтической лексики в языке перевода может служить основанием для заключения об универсальности некоторых соответствий.

Краткий обзор литературы и источников.

В своей работе мы опираемся на фундаментальные исследования в области теории перевода российских и зарубежных авторов.

Для решения поставленных задач необходимо представить краткий обзор различных концепций теории перевода – ситуативной, информационной, концепции уровней эквивалентности, концепции функциональной эквивалентности, теории закономерных соответствий и др.

В работах японских и российских исследователей нас, прежде всего, интересуют различные семантические и формальные классификации ОС, употребление ономатопоэтических единиц в литературных произведениях, проблемы значения этих единиц.

Проблемы передачи ономатопоэтической лексики средствами русского языка лишь затрагивались в некоторых работах, но подробно нигде не рассматривались. Нами будут учтены и проанализированы также проблемы перевода японской ономапии на другие языки, которым посвящено ограниченное количество работ.

В качестве фактического материала использованы толковые и двуязычные словари ономатопоэтической лексики японского языка, а также художественные произведения на японском языке: фольклорные произведения (сказки), поэзия (хайку), произведения современных авторов и их переводы на русский язык.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и источников и приложения («Словаря эквивалентов ономатопоэтической лексики японского языка»).

Во введении даётся краткий обзор работы, указаны цели, задачи, методы исследования, а также описание использованной литературы и источников.

Первая глава посвящена обзору и анализу существенных для нашего исследования семантических и переводоведческих концепций. Мы используем рабочее определение оноματοпоэтической единицы, описываем её функции. Обсуждается также понятие единицы перевода и понятие функциональной эквивалентности.

Во второй главе описываются структурные и семантические особенности японской ономапии, релевантные с точки зрения перевода, приводятся различные классификации этого класса лексики для уточнения существующих структурных моделей.

В третьей главе рассматриваются проблемы поиска переводных эквивалентов для оноματοпоэтических слов: проводится анализ конкретных способов и приёмов перевода с точки зрения теории переводоведения, а также дается оценка адекватности существующих переводов.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, делаются теоретические выводы.

В приложении даны примеры из «Словаря эквивалентов оноματοпоэтической лексики японского языка», составленного автором на основе материала японских и японско-английских словарей оноματοпоэтических слов.

Примеры из японского языка даются в латинской транскрипции. В использовании транскрипции и делении текста на слова мы следуем «Учебнику японского языка» (Головнин 2003, с. 25).

II. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

1.1 Ономатопоэтическая лексика японского языка.

1.1.1 Обзор литературы

Мы не претендуем на общий обзор исследований, посвящённых ономатопоэтической лексике японского языка, а хотим остановиться лишь на тех работах, которые потребуются нам при анализе переводов ОС. Все исследования по этой теме можно разделить на несколько групп.

Во-первых, это общие обзорные работы, всесторонне описывающие ономатопоэтические слова: их происхождение, структуру, значение, употребление в речи, изображение на письме, классификацию и т.п., а также посвящённые ономотопее как проявлению звуко-символизма, например, монографии Х. Ооцубо (Ооцубо 1989), С. Хамано (Хамано 1998), И. Тамори (Тамори 1991, 2002), учебное пособие А. Подшибякиной (Подшибякина 2003), диссертация С. Чиронова (Чиронов 2004).

Во-вторых, это исследования (монографии, сборники статей, статьи в научных изданиях), посвящённые отдельным проблемам в изучении ономатопоэтических слов японского языка. И, в-третьих, - толковые и двуязычные словари японских ономатопоэтических слов.

Основное внимание в работах японских и зарубежных лингвистов уделяется описанию структурных моделей ономатопоэтических единиц, также в этих работах проводится классификация ОС: К. Идзуми (Идзуми 1976), Х. Киндаити (Киндаити 1978), Э. Х. Джордан (Джордан 1982), И. Тамори (Тамори 1991, 2002, 1993) и др. Мы будем опираться на эти классификации при анализе зависимости способов и приёмов перевода ономатопоэтических слов от их типа.

В ряде работ феномен ономатопоэтической лексики рассматривается в сопоставлении с подобными классами в других языках, что необходимо для определения существующих в различных языках функциональных соответствий для этого слоя лексики. Авторы сравнивают структуру и функционирование японских ономатопоэтических слов с английскими – Т.

Мурата (Мурата 1993, 1990), И. Тамори и Л. Шойруп (Тамори-Шойруп 1999), с английскими и китайскими – К. Кадоока (Кадоока 1993), Х. Мацумото и Х. Като (Мацумото-Като 1993), с ОС в языках Западной Африки (эве, хауса, йоруба и др.) – С. Мацусита (Мацусита 1993).

Об употреблении оноματοпоэтических единиц в речи пишут И. Тамори (Тамори 1991, 1993, 2002), Л. Шойруп (Шойруп 1993), Х. Киндайти (Киндайти 1978). В качестве основы мы выбираем концепцию А. А. Потебни о том, что именно в речи реализуется значение лексической единицы, поэтому будем опираться на результаты упомянутых исследований (см., например, Потебня 1993).

Употреблению ОС в литературе посвящены статьи Х. Кобаяси (Кобаяси 1933, 1965), К. Кодзима (Кодзима 1965, 1972), Х. Касиваги (Касиваги 1993), Х. Какэхи (Какэхи 1993b), И. Тамори (Тамори 2004). Эти данные необходимы для нашего анализа функций ОС, кроме того, эти данные могут дать критерии отбора литературных произведений для анализа.

С точки зрения поиска функциональных соответствий при переводе интересны также статьи Л. Шойрупа, посвящённые разбору присущих оноματοпоэтическим единицам функций (Шойруп 1993a, 1993b).

Психологическое восприятие звуков носителями языка, описанное, например, в статье Х. Мацумото и Х. Като (Мацумото-Като 1993), а также психологический аспект восприятия оноματοпоэтических единиц в речи, исследуемый в монографии Н. Осака (Осака 1999), представляют самостоятельную проблему, решаемую в русле исследований, посвящённых звуковому символизму. Мы будем обращаться к этим работам в тех случаях, когда нам потребуется проанализировать звуковой символизм оноματοпоэтических единиц.

Типам сочетаний оноματοпоэтических единиц посвящены статьи Х. Какэхи (Какэхи 1993a, 2001). Эта проблема крайне важна для нашего исследования, так как именно в сочетаниях реализуются значения ОС, а типы

сочетаний, по нашему мнению, тесно связаны с приёмами перевода этих единиц.

Существуют также статьи, в которых рассматриваются проблемы перевода оноματοпоэтических слов на другие языки. Вопросами перевода ОС на английский язык занимались М. Хаясэ (Хаясэ 1978), С. Мория (Мория 1987 – тж. французский), Х. Какэхи (Какэхи 1993b), Х. Сайто (Сайто 1993), Т. Аоки (Аоки 2003). Переводы ОС на французский язык также рассматриваются в статьях К. Такэути (Такэути 1993) и Ё. Утида (Утида 1996), на шведский – в работе М. Фликсе (Фликсе 2002).

Из исследований переводов оноματοпоэтических единиц на азиатские языки нам встретились статья Т. Ямамото (Ямамото 1991) о поиске эквивалентов в тайском языке, статья К. Кадоока (Кадоока 1993) о китайских соответствиях для японских ОС, и работа Д. Хандаяни (Хандаяни 2002) о переводах на индонезийский.

В этих статьях анализируются и классифицируются способы и приёмы перевода ОС, затрагиваются некоторые особенности оноματοпоэтической лексики при переводе. Однако, на наш взгляд, только М. Фликсе и Т. Аоки сделали попытку связать приёмы перевода с особенностями самих оноματοпоэтических единиц.

Создано множество словарей, предлагающих объяснения и примеры использования ОС, например, Я. Аманума (Аманума 1974), Ц. Асано (Асано 1978), Ю. Мито и Х. Какэхи (Мито-Какэхи 1984), Ё. Хида и Х. Асада (Хида-Асада 2002). Словарь Э. Чена рассматривает ОС по категориям (Чен 1990), в словарях С. Фудзита и С. Акихо (Фудзита-Акихо 1984), Х. Оно (Оно 1984), Х. Какэхи, И. Тамори, Л. Шойрупа (Какэхи-Тамори 1996) предлагаются также английские эквиваленты для ОС. Мы используем материалы словарей прежде всего для определения принадлежности лексической единицы к классу ОС, а также для уточнения их значений.

Отечественные лингвисты, в частности, О. Плетнер и Е. Поливанов (Плетнер-Поливанов 1930), Н. Конрад (Конрад 1937), К. Черевко (Черевко

1964, 1971), В. Алпатов (Алпатов 1979), О. Фролова (Фролова 1988) занимались проблемой выделения японских оноματοпоэтических единиц как категории части речи и их синтаксическими функциями, а также предлагали классификации ОС. Т. Коршикова рассматривала, в том числе, проблемы звукового состава и описания лексического значения ОС (Коршикова 1987, 1988).

Оноματοпоэтические слова как компоненты устойчивых словосочетаний рассматриваются в работе С. А. Быковой (Быкова 1985), а функционирование единиц этого слоя лексики в языке подробно описано в диссертации С. Чиронова (Чиронов 2004).

1.1.2 Определение понятия

Объектом данного исследования являются оноματοпоэтические слова японского языка, которые можно считать заданными списком (например, в специальных словарях). Этого недостаточно для нашего исследования, так как мы планируем рассматривать и окказиональные образования, в словари не включаемые, поэтому чтобы иметь возможность уточнить принадлежность единиц к классу оноματοпоэтических слов, необходимо дать определение ОС.

Словарь «Языкознание» дает следующее определение звукоподражания: «Звукоподражание (оноματοпея) и, шире, звуко-символизм – это явления, при которых в основу номинации положена закономерная не произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым или незвуковым признаком денотата» (Языкознание 1998, с. 165, 166).

Исходя из практики перевода и опыта пользователя словарями, мы полагаем, что значение оноματοпоэтического слова связано с явлением звукового символизма, но определяется, прежде всего, его употреблением.

Определения оноματοпоэтических единиц, встречающиеся в литературе, делятся на три группы: связанные с понятием звукового символизма, семантические и функциональные.

Определения, связанные со звуковым символизмом, указывают на тесную связь значения оноματοпоэтических единиц с их звучанием. Некоторые источники и исследователи акцентируют внимание на обязательности и произвольности этой связи (Нихон 1976, Идзуми 1976, Тамори-Шойруп 1999, Тамори 2002). Л. Шойруп дает самое краткое определение явлению оноματοпеи: «[*Гисэйго/гитайго*] прямо передают значение посредством звуков» (Шойруп 1993а, р. 48).

Семантические определения очерчивают область значений оноματοпоэтических единиц и определяют *гисэйго* (звукоподражания) как слова, изображающие звуки или голоса (Нихон 1976, том 5, р. 587), а *гитайго* (образоподражательные, звукоизобразительные слова) – как слова, описывающие состояние вещей, не имеющее непосредственного отношения к звукам (Нихон 1976, т. 5, р. 602).

Более детально *гисэйго/гитайго* описываются как «слова, выражающие звуки и явления внешнего мира, голоса людей и животных, состояния вещей и душевные состояния непосредственно через ощущения» (Хида-Асада 2002, р. V; см. тж. Чен 1990, р. V, Асано 1978, р. 1 и др.).

Функциональные определения характеризуют оноματοпоэтические слова с точки зрения той роли, которую они играют в языке, и объясняют цель их употребления в речи. Общим для всех исследователей является указание на конкретность ОС, их экспрессивность, лаконичность и живость, а также подчеркивание того факта, что ОС служат для выражения нюансов значений и создания «эффекта присутствия» (Шойруп 1993b, Какэхи 1993b, Кадоока 1993, Тамори 2004 и др.).

Термин «лаконичность» требует пояснения. Например, Э. Чен утверждает, что ОС «обеспечивают средства для краткого выражения, когда [в языке] отсутствует глагол, обладающий достаточной описательностью

(*sufficiently descriptive verb*). Они придают языку живость. Они мгновенно вызывают образ в мозгу носителя языка, производя тем самым синестетический эффект» (Чен 1990, р. v).

К. Кадоока добавляет, что ОС «выражают нюансы значений, детально описывают чувства и движения вещей; обладают непосредственностью и эффективностью; уточняют смысл глаголов с широким значением» (Кадоока 1993, р. 161-162).

Представляется, что к лаконичности, наряду со способностью «мгновенно вызывать образ», можно также отнести ёмкость ОС, позволяющую сочетать в значении одной единицы не только множественные характеристики действия или состояния, но и эмоции, которые эти действия или состояния вызывают у носителей языка.

Л. Шойруп указывает на употребление оноματοпоэтических единиц для создания ритма и структуризации текста (особенно в детской литературе). Основными характеристиками ОС наряду с лаконичностью и конкретностью он называет неформальность (*informality*), нарочитость и демонстративность (*ostentatiousness*) (Шойруп 1993b, р. 98). Он также делает замечание о том, что «... японская ономатопея употребляется для называния (*токутэй*) звуков, действий, состояний... Японские оноματοпоэтические слова ... [выполняют] не столько функцию описания, сколько называния» (Шойруп 1993a, р. 48-55).

Отметим, что в японской лингвистической традиции используются разные термины для обозначения оноματοпоэтических единиц. Это звукоподражания - *гионго* («подражание звуку») и *гисэйго* (букв. – «подражание голосу»). При подробной классификации эти термины дифференцируются по признаку «подражание голосу живого существа», чаще же они используются как взаимозаменяемые. Например, толковый словарь «Нихон кокуго дайджитэн» определяет *гионго* как «то же самое, что *гисэйго*» (Нихон 1976, т. 5, р. 485).

Существует и более подробная терминология в классификациях,

предлагаемых, например Х. Киндайти, И. Тамори и др. В литературе также встречаются устаревшие или менее употребительные термины: более подробно различные классификации и терминологию рассматривает С. Чиронов (Чиронов 2004, с. 19-21).

Кроме этого, для обозначения всего класса оноματοпоэтической лексики японские лингвисты употребляют термин *ономатопэ* (иногда *ономатопиа*). В англоязычной литературе наиболее часто встречающиеся термины – *onomatopoeia* и *mimesis* (для *гионго/гисэйго* и *гитайго* соответственно), то есть в западной лингвистической традиции принято строже разграничивать эти явления (Миллингтон 1993, Хамано 1998, Чен 1990, Фукуда 1993, 2003 и др.).

Некоторые исследователи, например, Ё. Хида и Х. Асада (Хида-Асада 2002, р. VII-VII) считают одним из критериев определения оноματοпоэтической единицы форму слова. Мы предпочитаем не ограничивать исследование рамками структурной классификации, хотя и будем на неё опираться, пользуясь, например, подходом С. Чиронова, который в качестве одного из формальных критериев соответствия предлагает «наличие структуры, сопоставимой с другими единицами класса» (Чиронов 2004, с. 10).

Таким образом, мы собираемся следовать следующему рабочему определению. Оноματοпоэтические единицы - это слова японского языка, непосредственно передающие звуки живой и неживой природы, физические и эмоциональные ощущения, описывающие действия и состояния предметов. Эти единицы характеризуются наличием ряда формальных (в первую очередь, структурных) признаков, записываются обычно слоговыми азбуками (хираганой или катаканой) и употребляются в речи для лаконичного и эмоционального описания, оживления повествования и создания «эффекта присутствия».

Для обозначения всего слоя оноματοпоэтической лексики японского языка мы будем пользоваться как синонимами терминами «ономатопея»,

«ономатопозэтические слова» (ОС) и «ономатопозэтические единицы» (ОЕ).

1.1.3 Функции японской ономатопеи

В данной работе мы рассматриваем один из аспектов проблематики изобразительных (звукоизобразительных, образоподражательных) слов, а именно – специфичность употребления их в японском языке и связанную с этим сложность передачи на русский.

Специфичность ономатопозэтических единиц японского языка, на наш взгляд, заключается, в первую очередь, в частоте их употребления. Если в русском и в большинстве европейских языков звукоподражания (а тем более звукоизобразительные слова), по утверждению, например, Ф. де Соссюра (Соссюр 1998), находятся на периферии языковой системы, то в японском языке ономатопозэтические выражения, по словам Х. Какэхи, «не являются периферийными, но составляют значительную долю языка» (Мито-Какэхи 1984, р. XIII).

Как утверждает Н. Осака, ономатопозэтические слова встречаются в повседневной речи, в художественной литературе и комиксах манга, в газетных статьях, в рекламе, даже в инструкциях по употреблению товаров, привлекая внимание и способствуя запоминанию названий (Осака 1999).

Таким образом, перед нами стоит задача найти адекватное средство для передачи на русском языке тех значений, которые имеют ономатопозэтические единицы в японском языке. Для этого, исходя из постулатов теории функциональной эквивалентности, рассмотрим подробнее те функции, которые ОС выполняют в речи.

Как отмечают многие исследователи, основная функция ономатопеи – экспрессивная. Ономатопозэтические слова не только изображают звуки либо состояние вещей, но и выражают чувства носителя языка, передают его ощущения и эмоции. При этом важную роль играет непосредственная передача чувств, эмоций и ощущений (благодаря явлению синестезии) в отличие от описания, создаваемого при употреблении других единиц

лексики.

Ономатопозитические единицы, по утверждению, например, Л. Шойрупа (Шойруп 1993b), играют также важную роль в создании ритма и структуризации текста, что особенно важно при переводе поэтических произведений. Также надо принимать во внимание лаконичность, характерную для сочетаний с ОС, и ёмкость значений этих единиц.

Не менее важная функция японской ономатопеи состоит в уточнении и сужении широкого или обобщающего значения некоторых глаголов. В русском языке существует большое количество глаголов, у которых конкретное значение выражено отдельной лексемой. В японском же языке конкретный оттенок значения глаголу часто придаёт то или иное ономатопозитическое слово, сочетающееся с данным глаголом.

Многие исследователи и авторы литературных произведений считают, что ономатопозитические слова – не единственный способ украсить и оживить повествование, и что те же самые значения могут быть выражены другими лексическими единицами. Более того, некоторые писатели сознательно отказываются от употребления ОС, полагая их слишком просторечными и снижающими стиль произведения (см., например, Мория 1987, р. 111 - о Ю. Мисиме).

Л. Шойруп (Шойруп 1993b) отмечает резкое снижение количества ОС в научной литературе и официальных сообщений из-за требований к стилю (но не по причине каких-либо запретов на употребление ономатопозитических единиц в речи). Отсюда можно сделать вывод, что ОС – важное средство выразительности японского языка.

Е. Д. Поливанов утверждал, что японские ономатопозитические слова «отлично можно не переводить, просто опуская», так как «всё нужное для смысла оказывается выраженным другими словами». Правда, в этом утверждении он делал оговорку: «исключения составляют такие комплексы, ... значение которых уже настолько обточилось и сузилось, что не представляет отличий от значений обыкновенных слов» (Поливанов 1968, с.

304).

Мы полагаем, что смысл в данном случае понимается лишь как лексическое значение единицы. Автор, очевидно, имеет в виду только один из типов оноματοпоэтических единиц, связанных в своём значении с главным словом сочетания, а не их образную и эмоциональную составляющую.

Перед нами встаёт также проблема выбора единиц перевода, так как упоминаемые Е. Д. Поливановым «комплексы», очевидно, являются устойчивыми сочетаниями, о которых пишет С. А. Быкова, классифицируя сочетания оноματοпоэтических наречий с глаголами как фразеологические комплексы, где «оба (выделено нами – Н.Р.) компонента обладают значением, играющим роль в образовании значения цельного устойчивого словосочетания» (Быкова 1985, с. 23)

1.1.4 Выводы

Мы упомянули те работы отечественных и зарубежных лингвистов, на которые будем опираться в процессе исследования. Для выделения дополнительного материала мы предложили рабочее определение японских оноματοпоэтических единиц, обозначив их отличительные признаки, а также описали функции ОС. Параллельно мы обозначили проблемы, которые нам предстоит решать во время анализа.

1.2 Проблемы перевода

1.2.1 Обзор существующих концепций

Данная работа ставит не только практические, но и теоретические задачи. Анализируя и систематизируя конкретные способы перевода на русский язык японских оноματοпоэтических единиц, мы предполагаем уточнить тем самым понятие адекватного перевода.

В современной теории перевода большое место уделяется именно проблеме адекватности - причём как способам достижения адекватного перевода, так и теоретическому обоснованию данного понятия.

Н. К. Гарбовский (1998) пишет: «Понятие адекватности заимствовано теорией перевода, по всей вероятности, из теории познания, где термином «адекватное» обозначается верное воспроизведение в представлениях, понятиях и суждениях объективных связей и отношений действительности. Для теории перевода в качестве такой действительности выступает оригинальный текст как стройная система связей и отношений между составляющими его элементами. Задачей же перевода является *верное воспроизведение* этой системы связей и отношений средствами другого языка».

В. Н. Комиссаров предлагает следующее толкование термина «эквивалентность», близкого к понятию «адекватность»: «Понятие эквивалентности перевода подразумевает передачу в переводе содержания оригинала, [которое рассматривается как вся] совокупность информации, содержащейся в тексте, включая эмотивные, стилистические, образные, эстетические и тому подобные функции языковых и речевых единиц. Таким образом, эквивалентность - понятие более широкое, чем «точность перевода», под которой обычно понимается лишь сохранение «предметно-логического содержания» оригинала, то есть указание на идентичную ситуацию. Иначе говоря, норма эквивалентности означает требование максимальной ориентированности на оригинал» (Комиссаров 1980, с. 152).

Релевантность разных сторон упомянутой «системы связей и отношений» между элементами исходного текста напрямую связана с целью каждого вида перевода.

Как считает В. Н. Комиссаров, «осуществляя акт речи, Источник преследует какую-то цель, выполняет определённое намерение... От цели, преследуемой Источником (назовем её *целью коммуникации*), во многом зависит содержание «порождаемого» текста, поскольку это содержание должно обеспечить достижение поставленной цели. Иначе говоря, эта цель присутствует в содержании текста, извлекается из него Рецептором, составляя часть передаваемой информации» (Комиссаров 1973, с. 64).

Р. К. Миньяр-Белоручев пишет: «Нельзя неизменно оценивать перевод с точки зрения передачи всех деталей исходного речевого произведения. Перевод есть вид речевой деятельности, условия которой многообразны... Именно объективно существующая обстановка подсказывает, в чем заключается информационная ценность речевого произведения, то есть то, что **должно быть обязательно передано адресату** (выделено нами – Н.Р.). В художественном переводе, например, необходимо передать особенности стиля автора, в синхронном же переводе иногда можно ограничиться ключевой информацией» (Миньяр-Белоручев 1976, с. 21).

Большинство теоретиков при этом соглашаются с утверждением о том, что в коммуникативном процессе, одним из видов которого является и перевод, неизбежна потеря части информации, надо лишь определить, какая это может быть часть.

Например, по мнению В. Н. Комиссарова, при переводе отдельных слов, «как правило, одновременная передача всей информации, содержащейся в слове, оказывается невозможной, и сохранение в переводе некоторых частей семантики слова может быть достигнуто лишь за счет других её частей. При этом любой компонент значения слова может выступать в роли доминантного, передача которого необходима и достаточна для обеспечения эквивалентности данного типа» (Комиссаров 1973, с. 96-97).

Представляется, что это положение может быть с равным успехом отнесено и к прагматическим компонентам значения единиц текста.

Этот же автор замечает: «Полная передача информации необязательна для осуществления процесса языковой коммуникации. Источник и Рецептор, как правило, выделяют основную часть информации, соответствующую цели общения, считая другую часть содержания менее важной, нерелевантной. Особенно часто оказывается несущественной информация, связанная с выбором определённых элементов языкового кода» (там же, с. 17), то есть формой, планом выражения.

Одной из особенностей ономастопозитических единиц японского языка является их морфологическая структура (редупликация, наличие некоторых формантов, характерных только для этого класса, и т.п.). Соответствие этой структуре является одним из признаков класса ОС. Нас интересует вопрос, имеют ли эти формальные признаки (включая различные маркеры) какое-либо особое значение, которое должно воспроизводиться при переводе на русский язык.

Во многих работах по теории перевода утверждается, что в большинстве случаев формой приходится жертвовать ради передачи содержания. Однако мы говорим о сохранении не формы как таковой, а того воздействия, которое она оказывает на реципиента текста на ИЯ, то есть о сохранении её функций.

Центральное место в обсуждении проблемы эквивалентности занимает понятие функциональной или динамической эквивалентности (например, в работах А. Швейцера, Я. де Варда и Ю. А. Найды), то есть проблема реакции Рецептора на получаемую информацию. При этом на первый план выходит вопрос «сохранения и передачи коммуникативного эффекта оригинала», так как перевод рассматривается, в первую очередь, как коммуникативный процесс.

Огромную важность имеет тезис о том, что «любой вид перевода... должен быть нацелен на нахождение наиболее близкого естественного эквивалента (*the closest natural equivalent*) той информации, которая

содержится в тексте на языке источника (ИЯ). Другими словами, перевод должен осуществлять общение. Это означает не только эквивалентный контекст сообщения, но, по возможности, также эквивалентность формы. Чтобы достичь эквивалентности, в контексте или по форме, необходимо сфокусироваться на задействованных функциях» (Найда-Ваард 1986, р. 10-11, цит. по Саванобори-Браннен, 1988).

По мнению Ю. Найды и Я. де Варда, «основополагающие проблемы теории перевода в значительном числе случаев сводятся к конфликту между формальным соответствием и функциональной эквивалентностью текста перевода (ТП) тексту оригинала (ТО)... В задачу переводчика... должно входить нахождение функционально, а не формально, эквивалентного набора форм, с помощью которых возможна наиболее полная передача смысла текста на ПЯ» (там же).

Понятие «адекватного» или «эквивалентного перевода» большинство исследователей связывает с различными аспектами языка. Например, по мнению Л. Латышева, в перевод должен входить не только эмотивный, но также и выделяемые Р. Якобсоном референциальный, поэтический, фатический и металингвистический аспекты (Латышев 1981, с. 11).

По мнению Х. Саванобори и Н. Браннена, необходимо ориентироваться на дискурс, отвечая при этом на вопросы «В каком стиле переводить?» и «Кому адресован перевод?» (Саванобори-Браннен, 1988, р. 167) То есть, перевод должен выполнять те же функции, что и исходный текст, а именно: передавать не только фактическую информацию, но и другие значимые для данного текста аспекты: настроение, ритмику, аллюзии и т.п.

Мы рассматриваем процесс перевода художественных текстов, поэтому, по нашему мнению, упомянутые аспекты (поэтический, эмотивный и др.) крайне важны для достижения уровня адекватного перевода, то есть для верного воспроизведения системы связей и отношений исходного текста.

Если при изложении на ПЯ, например, технических текстов главной задачей является точность в передаче фактической информации, то при

переводе художественной литературы необходимо также иметь в виду все используемые автором способы воздействия на Реципиента, то есть не только содержание, но и форму (способы выражения).

Здесь нужно остановиться ещё на некоторых понятиях теории перевода. Основные положения переводческих теорий различаются в зависимости от ориентированности переводного процесса. Кроме уже упомянутой теории функциональной (динамической) эквивалентности существуют денотативная (ситуационная) теория, трансформационная теория, семантическая теория, теория закономерных соответствий, теория уровней эквивалентности.

В своей работе мы собираемся учесть и использовать различные подходы: анализ описания ситуации и осуществляемых переводческих трансформаций, сохранение общих сем в содержании, обеспечение эквивалентности на разных уровнях содержания и т. д., поэтому кратко назовем особенности каждой из этих теорий.

Ситуативная теория, сформулированная В. Гаком, утверждает, что процесс перевода состоит в описании изложенной на языке оригинала ситуации средствами языка перевода.

Согласно трансформационной теории Ю. Найды, базирующейся на постулатах порождающей грамматики Хомского, процесс перевода сводится к поиску эквивалентных ядерных структур в ИЯ и ПЯ. При этом цель перевода – вызывать у получателя реакции, аналогичные реакциям получателя текста на языке оригинала (что, в целом, совпадает с основными положениями теории функциональной эквивалентности А. Швейцера).

Семантическая теория, основные положения которой изложены Л. Бархударовым, предлагает определять элементарные смыслы единиц языка и добиваться совпадения максимально возможного количества сем для единиц ИЯ и ПЯ.

Созданная Я. Рецкером теория закономерных соответствий определяет процесс перевода как поиск установившихся эквивалентов или совершение некоторых переводческих трансформаций.

И, наконец, теория уровней эквивалентности В. Комисарова предполагает установление эквивалентных отношений не между единицами текстов, а между уровнями содержания, отличающимися «по характеру информации, передаваемой от Источника к Рецептору» (Комиссаров 1973, с. 62).

Обратимся к определению перевода, которое предлагает А. В. Фёдоров: «Перевести - значит выразить точно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы» (Фёдоров 1958, с. 11). Мы полагаем, что необходимо определить понятия «точность» и «полнота», то есть, критерии установления адекватности перевода. Например, Л. Латышев предлагает установить иерархию реализуемых в речи функций и определять функциональную доминанту для передачи её в переводе (Латышев 1981, с.11).

Кроме этого, как нам кажется, возникает проблема неразрывного единства содержания (семантики) и формы (в том числе структурной её реализации). Необходимо определить, возможна ли в принципе передача выраженного на одном языке (с учётом способа этого выражения), особенно если принимать во внимание ту информацию, которую язык-источник, по словам Фёдорова, «не может не выразить», и которую язык перевода не может выразить своими средствами.

Впрочем, то, что язык «не может не выразить» есть, по словам Дж. Граймза, «механическая составляющая языка, процесс, благодаря которому результат выбора говорящего выражается в удобной для общения форме» (цит. по Ларсон 1984, р. 31). Значение¹ же реализуется в противопоставлении, в выборе.

Как утверждает Дж. Граймз, «существует то, что говорящий может выбирать и то, чего он выбрать не может. Первое и есть значение (meaning): как указывают многие лингвисты, значение появляется только тогда, когда

¹ Мы будем пользоваться термином «значение», подразумевая лексическое значение слова как «совокупность понятийного ядра и прагматических коннотаций» (БЭС «Языкознание», с. 262).

говорящий может выбрать взамен что-то иное» (там же). Использование оноματοпоэтических слов в речи есть результат выбора при возможности использования других лексических средств (как, собственно, и выбор любой лексической единицы), поэтому переводчик обязан тем или иным способом это значение передать.

К. Кодзима настаивает на том, что одним из важных условий использования оноματοпоэтических единиц в тексте является их «обязательность» - невозможность опустить оноματοпоэтическое слово, так как в результате снизится выразительная ценность предложения (текста) и может нарушиться даже его структура (цит. по Ооцубо 1989). На наш взгляд, речь в подобных случаях может идти о передаче прагматического, а не семантического значения ОС, то есть о роли оноματοпоэтических слов в передаче эмоциональности и выразительности текста.

1.2.2 Функциональная эквивалентность при переводе японской ономатопоэзии

Таким образом, необходимо отметить, что ключевым понятием адекватного перевода становится «функциональная эквивалентность», под которой подразумевается соответствие между функциями, выполняемыми единицами в речи. В японском языке основными функциями оноματοпоэтических слов, как отмечают многие авторы, являются а) сужение значения лексических единиц (обычно глаголов) с довольно широкими значениями и б) экспрессивность, эмоциональная окраска. Рассмотрим эти два случая.

Л. Шойруп, К. Кадоока (Какэхи-Тамори 1993), Э. Чен (Чен 1990, р. V), Х. Сайто (Сайто 1993, р. 46-47) и др. лингвисты утверждают, что японский язык беден лексически, то есть количество лексем (в первую очередь, глагольных) в нём меньше по сравнению, например, с западными языками. Отсюда этими исследователями делается вывод, что японский язык «нуждается» в большом количестве оноματοпоэтических слов, позволяющих компенсировать

недостаток отдельных лексем добавлением оттенков значения, которых лишены единицы с более широким смыслом.

Мы предполагаем, что одним из универсальных приёмов перевода будет поиск конкретных лексических единиц ПЯ с узким лексическим значением, соответствующим лексическому значению сочетания ОС и глагола в целом (как фразеологического комплекса по классификации С. Быковой – Быкова 1985, с. 22), либо использование глагола с уточняющим наречием или обстоятельственным сочетанием.

Иногда оноματοпоэтические слова могут дополнять лексическое значение определяемого слова и даже дублировать его. В подобных ситуациях при переводе ОС часто опускается, так как «всё нужное для смысла выражено другими словами» (Поливанов 1968, с. 304).

Однако здесь нельзя забывать о второй функции оноματοпеи – эмоциональной. Мы считаем, что в этом случае допустимо употребление «образных» единиц (просторечий, фразеологизмов и т.п.), либо приёма компенсации. При этом необходимо руководствоваться общим стилем изложения, так как излишняя эмоциональность перевода, по нашему мнению, может нарушить стилистическую окраску текста.

В русском языке, по-видимому, употребление звукоподражаний типа японских (то есть характеризующихся определённой структурой) маркирует, главным образом, детскую либо неформальную разговорную речь, поэтому использование таких единиц будет снижать стиль повествования в целом.

При универсальности содержания оноματοпоэтические единицы в японском и русском языках выглядят по-разному как в плане структуры, так и в плане прагматического значения. Кроме того, для русского языка (как и для других европейских языков), на первый взгляд, характерно использование в большей степени именно звукоподражаний (по сравнению со звукоизобразительными единицами), что создает дополнительные трудности при поиске эквивалентов для перевода этого слоя лексики на русский язык.

В ряде статей, посвящённых проблемам поиска переводных эквивалентов для японских ономастических слов, классифицируются способы их передачи на ПЯ при переводе (в первую очередь, на английский и французский, а также на шведский, китайский, индонезийский и другие языки). Эти исследования представляют для нас особый интерес, поэтому остановимся на них подробнее.

К. Такэути (Такэути 1998) утверждает, что во французском языке практически отсутствуют звукоизобразительные слова. Поэтому основные сложности возникают именно при переводе на французский язык японских *гитайго*.

Автор демонстрирует на примерах, что для перевода *гитайго* используются обычно наречия, наречия с глаголами, т.н. наречные (обстоятельственные) конструкции либо описания. Кроме того, в статье отмечаются случаи опущения японских ономастических единиц при переводе и рассматриваются расхождения, возникающие при переводе ОС на французский язык.

Для звукоподражаний К. Такэути приводит несколько способов поиска эквивалентов. Первый из них – это использование французских звукоподражаний (хотя есть примеры и заимствований при переводе японских сказок).

По К. Такэути, во французском языке нет такого количества звукоподражательных лексем, которые отражали бы все оттенки, передаваемые многочисленными японскими *гисэйго*. Поэтому многие французские звукоподражания одновременно являются эквивалентами для разных *гисэйго*. Мы полагаем, что этот феномен (генерализация) характерен и для русского языка.

Следующий способ – т.н. способ “avec”, то есть употребление глагола (обычно обозначающего движение) и описывающего звук существительного с предлогом «с», например, *avec bruissement* «с грохотом» и т.п. Нам представляется, что в русском языке также возможно использование этого

способа для передачи японских звукоподражаний.

Распространено, по наблюдениям автора статьи, и употребление оноματοпоэтических (звукоподражательных) глаголов, каждый из которых соответствует обычно сочетанию японского *гисэйго/гионго* с глаголом, например, *craquer* («трещать»), *crisser* («скрипеть»), *gronder* («рычать, ворчать») и т.п. Этот способ тоже, вероятно, встретится нам в практике перевода на русский.

К. Такэути предпринимает попытку сгруппировать японские ОС в зависимости от фонетической структуры, предполагая наличие общих семантических компонентов у членов этой группы, и анализирует возможные варианты перевода, основываясь на методе компонентного анализа. Интересным представляется предлагаемый автором способ «обратного перевода», когда найденный эквивалент проверяется, в том числе, переводом на японский язык.

Переводу японских «символических слов» (*сё:тё:го*) на французский язык посвящена также статья Ё. Утида (Утида 1996). Этот автор, анализируя переводы произведений Акутагавы Рюноскэ и Миядзавы Кэндзи, выделяет те же способы передачи японских *гисэйго/гитайго* на французском языке: заимствования, использование звукоподражаний, использование глагола и существительного с предлогом, оноματοпоэтического глагола или существительного, наречия или обстоятельственной конструкции, глагола с наречием, прилагательного, описательного перевода. В статье отмечаются также случаи опущения ОС при переводе.

Ё. Утида приходит к выводу, что количество приёмов перевода японских оноματοпоэтических единиц ограничено, и что переводчик должен выбирать наиболее подходящий способ в зависимости от контекста и от выполняемой ОС в этом контексте функции.

М. Хаясэ (Хаясэ 1978) анализирует английские переводы японских художественных произведений, рассматривая и классифицируя те случаи, когда японское оноματοпоэтическое слово в переводе опущено.

Он выделяет следующие категории: 1) когда ОС могло быть переведено; 2) когда ОС имеет функцию усиления, не релевантную в английском языке; 3) когда часть японского предложения с ОС отсутствует в переводе; 4) когда структура английского предложения отличается от структуры японского; 5) когда передача всех оттенков значения японского ОС привела бы к описательному переводу и неоправданному удлинению английской фразы. Таким образом, автор лишь называет некоторые причины отсутствия эквивалентов японских ОС в английском переводе.

Более подробный обзор способов перевода на английский язык японских ОС (по произведениям Миядзавы Кэндзи) предлагает в своей статье Т. Аоки (Аоки 2003). Отмечая характерные особенности ономатопоэтических единиц, этот автор анализирует эквивалентность предлагаемых переводов с точки зрения их соответствия тем функциям, которые данная единица выполняет в определённом контексте.

Т. Аоки выделяет следующие приёмы перевода ОС на английский язык: использование звукоподражаний, замены части речи (в том числе употребление способа «авес», звукоподражательных глаголов и звукоподражательных существительных), описательный перевод и опущения. Он также подчёркивает большую роль контекста при поиске эквивалентов для японских ОС.

Статья М. Фликсе (Фликсе 2002) посвящена переводу японских ОС на шведский язык, для чего автор анализирует переводы произведений Миядзавы Кэндзи, сравнивая их также с английскими переводами. Основное внимание М. Фликсе уделяет предложенной Х. Какэхи категории *goika* (*lexicalization* у Фликсе, «лексикализация» у С. Чиронова), то есть степени включения ономатопоэтических единиц в словарный состав языка.

Автор показывает, что наименее лексикализованные единицы - окказионализмы часто переводятся на шведский язык заимствованиями либо собственными звукоподражаниями, так как создаются заново или из существующих в японском языке единиц самим автором и не входят в общий

лексический состав языка, но при этом оживляют повествование.

Единицы среднего звена лексикализации, употребляемые в устойчивых сочетаниях либо отдельно (например, с вербализатором *суру*), представляют наибольшую трудность для перевода, так как шведский язык не имеет того богатства ономапии, которое наблюдается в японском языке. В качестве примеров эквивалентов для таких единиц автор приводит ономапоэтические глаголы и глаголы с обстоятельственными конструкциями.

Свободно употребляемые ономапоэтические единицы чаще всего являются определяющими глаголы наречиями и переводятся на шведский язык также наречиями (не ономапоэтическими единицами).

Единицы же четвертого уровня не воспринимаются носителями как ономапоэтические (хотя и имеют ономапоэтическое происхождение), поэтому обычно имеют устоявшиеся эквиваленты в ПЯ.

В статье Т. Ямамото (Ямамото 1991) анализируются примеры перевода на тайский язык японских звукоподражаний (*гисэйго* и *гионго*). Классификация примеров в работе отсутствует, однако можно отметить употребление звукоподражаний языка перевода, которыми, как указывает Т. Ямамото, богат тайский язык (в том числе окказионализмов, легко, по замечанию автора, образуемых в тайском языке), а также глаголов (в том числе звукоподражательных), звукоподражательных существительных, описательных переводов и опущений. Эквивалентность перевода оценивается автором, как правило, адекватностью передачи звуко-символических значений единиц языка перевода, а также сочетаемостью лексем в тайском языке.

Д. Хандаяни (Хандаяни 2002) отмечает, что при переводе японских ОС на индонезийский язык встречаются опущения, описательный перевод (потому что «индонезийский язык не так богат ономапоэтическими словами, как японский» - с. 182), «перевод на индонезийский язык "как есть"» (термин не совсем ясен; вероятно, имеются в виду существующие в

языке перевода звукоподражания). Кроме того, приводятся примеры контекстуальных соответствий («употребление разных лексем в ПЯ в зависимости от единиц, сочетающихся с одним и тем же ОС» - с. 182).

Таким образом, можно говорить о существовании некоторых универсальных способов перевода японских ОС. Это, очевидно, верно как для родственных языков, так и для языков, принадлежащих разным языковым семьям. Представляется, что к универсальным можно отнести такие приёмы перевода ОС, как заимствования ², употребление существующих в языке перевода звукоподражаний, замена части речи (употребление глаголов и существительных, в том числе звукоподражательных и т.п.), описательный перевод, а также опущения. Кроме того, некоторыми авторами отмечается употребление одной лексемы ПЯ для передачи значений разных японских ОС. Мы относим этот приём к генерализации.

Упомянутые статьи, в основном, ограничиваются перечислением и описанием конкретных способов и приёмов перевода оноματοпоэтических единиц на разные языки. Однако мы собираемся частично воспользоваться методами Т. Аоки и М. Фликсе при анализе переводов японских ОС на русский язык.

1.2.3 Понятие единицы перевода и перевод оноματοпоэтических слов

Ещё одним важным для наших целей понятием теории перевода является «единица перевода», то есть, согласно определению В. С. Гривнина, «то минимальное сочетание на языке оригинала, для которого можно подобрать эквивалент на языке перевода» (Гривнин 1999). Единицей перевода может быть фонема (при транслитерации), морфема (при калькировании), слово, словосочетание, предложение и даже текст.

Нам представляется, что понятие «единица перевода» необходимо при классификации способов перевода оноματοпоэтических слов. Поэтому

² По крайней мере, для некоторых западноевропейских языков.

рассмотрим все возможные варианты.

Перевод на уровне фонем (единица перевода – фонема) означает заимствование. Ономатопоэтические слова можно рассматривать как одну из реалий японского языка и японской культуры, не имеющих соответствия в русском языке. В этом случае заимствование представляется адекватным приёмом перевода, служащим сохранению национального колорита текста на ИЯ (например, в фольклорных произведениях), либо ритмического рисунка (например, в поэзии).

Структура ОЕ может быть лишь формально отражена в русском языке, поэтому перевод ОС на уровне морфем вряд ли возможен. Единицы ПЯ, сходные с японскими ОЕ по морфологическому строению и уровню лексикализации (в большинстве своем звукоподражания – например, «диндон», «кукареку» и т.п.), мы будем называть «формальными эквивалентами».

Единицей перевода может выступать и отдельное слово. В этом случае слово-эквивалент должно выполнять те же функции в русском тексте, что и ономатопоэтическое слово в японском: быть конкретным и эмоциональным, описывать звук или образ, чувства или состояния. Возможно также, это слово будет определять глагол, то есть выступать зависимым компонентом в глагольном словосочетании.

Мы предполагаем, что при этом возможно чисто формальное соответствие – в переводе японскому ономатопоэтическому слову будет соответствовать одно русское слово, однако часть функций будет выражена в других единицах (произойдёт перераспределение компонентов значений ОС). В этом случае, очевидно, единицей перевода становится уже не слово, а словосочетание, либо целое предложение. Кроме того, на уровне сочетания возможен перевод одним словом сочетания ОС, например, с глаголом.

Мы предполагаем, что основной единицей при переводе ономатопоэтического слова окажется сочетание, так как именно в сочетании реализуется лексическое значение ОС (согласно С. Быковой, «ономатопоэтическое наречие – единственная группа знаменательных слов в

японском языке, приобретающая свое значение только в сочетании с другими словами – глаголами», Быкова 1985, с. 24).

Теоретически возможен и перевод на уровне текста (единицей перевода выступает текст). Например, в случае, если существует текст на японском языке, полностью (насколько это возможно) состоящий из ономатопоэтических единиц, вероятно, придётся прибегнуть к доступным для русского языка средствам, чтобы выразить, например, комический эффект или возникающую игру слов. Но перевод на этом уровне связан с разного рода стилистическими характеристиками текста, а не только и не столько с ОС, поэтому здесь сложно говорить об однозначном соответствии.

II. ОСОБЕННОСТИ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

2.1 Структурные особенности онома topoэтических единиц

2.1.1 Фонетический состав и форма слова

Рассмотрим подробнее классификации онома topoэтических слов. Кроме семантической классификации существуют также структурная (по фонетическому составу и форме) и классификация по частям речи, которые, в основном, совпадают у разных авторов (Х. Киндайти, Э. Х. Джордан, И. Тамори и др.).

Для простоты можно свести упоминаемые в литературе структурные модели к следующим основным группам (Тамори-Какэхи 1996, Чиронов 2004): односложные ядра CV(V), двусложные ядра CVCV (простые), повторы (в том числе редко встречающиеся повторы формы VCV), а также различные сочетания ядер с формантами – геминатой, назальным N, суффиксом *-ri* CV(Q/N)CVri, CV(CV)Q/N. Кроме этого, существует некоторое количество комбинированных форм и другие нерегулярные формы.

Для нашего исследования имеют значение не сами структурные образования, а употребление их в оппозиции (так как именно в оппозиции проявляется дифференциация значений): например, употребление сочетания с геминатой при существовании варианта без геминаты, употребление сочетания с суффиксом *-ri* при существовании повтора без этого суффикса и т.п.

Об оттенках значения, которые приобретают ОС в зависимости от своей структуры (в первую очередь, благодаря употреблению в этих структурах тех или иных формантов), писали С. Хамано (Хамано 1998), Х. Ооцубо (Ооцубо 1989), Т. Атода и К. Хосино (Атода-Хосино 1995), И. Тамори (Тамори 1991, 1996) и др. В диссертации С. Чиронова приводится наиболее подробное описание значений отдельных формантов, основанное на работах указанных авторов (Чиронов 2004, с. 67-99). С. Чиронов также указывает на значение,

присущее структуре самих ядер, и уточняет значение формантов в тех или иных структурных моделях.

Для уточнения значений оноματοпоэтических единиц нам необходимо владеть информацией о зависимости их значения от структуры, поэтому кратко приведем сделанные в работе С. Чиронова выводы.

Односложное ядро «указывает на явление в принципе, без уточнения его характеристик». Универсальные значения редупликатов, противопоставленные значениям односложных ядер, – указание на повторяемость действия или события, множественность событий, интенсивность признака, разбросанность или протяжённость в пространстве, продолжительность во времени.

Кроме этого, редупликативные структурные модели японских ОС указывают на динамически развивающееся действие, придают оттенок обычно совершающегося (постоянного или многократного) действия. Особо необходимо выделить функцию ритмической организации, на которую также указывает автор диссертации (Чиронов 2004, с. 79).

Серединная гемината указывает на «сдерживаемый динамизм» и некую «застопоренность действия». В значениях интенсивности, усиления действия совпадает с серединным назальным N (впрочем, в отношении носового сонанта в середине слова С. Хамано (Хамано 1998) отмечает, что отсутствие противопоставляемых форм без этого звука делает невозможным вывод о его смысловой нагрузке³), однако противопоставляется ему при описании глухих и звонких звуков соответственно.

В конце слова геминация может указывать на начало действия, быстроту и стремительность действия, резкое завершение или резкое, мгновенное протекание действия, а также на отсутствие резонанса при ударе (противопоставляясь при этом конечному назальному N).

³ Так как единицы типа *бонъяри*, *хинъяри* обычно не имеют оппозиций без носового сонанта в середине (*бояри*, *хяри*).

В редупликатах, помимо обозначения прилагаемого усилия, геминация может также указывать на ритмичность действия на протяжении некоторого времени без указания на его завершенность; конечная гемината при этом указывает на множество дискретных действий.

Назальный N часто употребляется для изображения резонирующего, эластичного, упругого, для описания натяжения. Может указывать на «затухание», плавное окончание действия (противопоставляясь в этом геминации). В некоторых случаях указывает на эмоции человека (по ассоциации с резонирующей при произношении грудной клеткой). Может также противопоставляться геминате как указание на состояние или качество в отличие от указания на действие.

Формант *-ри* (И. Тамори отказывает ему в принадлежности к звуковым символам, называя морфемой), как пишет С. Чиронов, передает оттенок созерцательно-умозрительного отношения к действительности, указывает на единовременное, но не обязательно моментальное совершение действия. В противопоставлении геминате и назальному N, выражает такое символическое значение, как «медленное, расслабленное действие», может также указывать на «незаметное, тихое окончание действия», плавность и мягкость. Кроме того, *-ри* ослабляет интенсивность значения, заложенную в ядре (Чиронов 2004, с. 73). В словаре Т. Атода и К. Хосино (Атода-Хосино 1995) также упоминается значение законченности, уверенности, фиксации.

В редупликатах *-ри* выполняет функцию ритмического стабилизатора, а также может означать многократное совершение дискретных действий, либо множественность (в отличие от многократности) действия (Чиронов 2004, с. 81).

Удлинение гласного, которое С. Чиронов тоже рассматривает как один из формантов, указывает на длительность явления, его больший пространственный охват либо силу признака. В моделях с редупликацией может означать статичность или плавность, иногда также указывает на редкость повторения движения (там же, с. 74, 83).

С. Чиронов также рассматривает в качестве отдельных структурных моделей трипликаты и квадрупликаты, закрепляя за ними значение множественности либо длительности действия. При этом конструкции, заканчивающиеся на геминату, приобретают признак большей стремительности, *-ри* на конце добавляет оттенок лёгкости прохождения действия, а назальный N указывает на конечность действия (там же, с. 87).

Для неправильных форм ОС в работе отмечается, в основном, значение стремительности и силы действия, а у редупликатов с чередованием, по мнению автора, «основную роль в формировании символического значения имеет само чередование», указывая на отсутствие единства и наличие противоречий (там же, с.90).

Отдельно рассматриваются в диссертации и структурные модели с конечным *-ри* в сочетании с серединной геминацией, которые описывают случаи тесного соположения предметов. В качестве одной из особенностей моделей этой группы (наряду с моделями, сочетающимися с конечным *-ри* серединный назальный N) называется тенденция к описанию свойств предмета, в отличие, например, от аналогичной формы без геминаты, описывающей динамические явления (там же, с. 77-78).

Также противопоставляются друг другу редупликаты односложных ядер с конечной и серединной геминацией. Автор отмечает, что в первом случае единица указывает на стремительное продолжающееся действие, в то время как во втором случае речь идет о стремительном однократном движении. Кроме того, по словам С. Чиронова, модели с серединной геминацией не употребляются для изображения звука (там же, с. 86).

Таким образом, опираясь на описанные противопоставления, мы можем предсказать, по крайней мере, некоторые элементы значения каждого из членов оппозиции в зависимости от формы, в которой они употреблены в каждом конкретном случае.

Здесь же необходимо упомянуть о значениях некоторых фонетических категорий, реализуемых также в противопоставлениях. Существуют

исследования, посвящённые психологическому восприятию отдельных фонем носителями языка. В этих работах описываются эксперименты по оценке фонем с точки зрения заданных списком субъективных характеристик (хороший, плохой, светлый, тёмный, быстрый, медленный и т.п.), после чего фонемам присваиваются некоторые значения (как эмоционального, так и физического характера)⁴.

Р. Хории (Хории 1986) упоминает такие универсальные значения, как описание гладкого продвижения, характерное для фрикативных согласных, резких изменений или резкого движения для геминаты, вибрации для сонорного [r], ощущение светлости и лёгкости для гласных переднего ряда и тяжести или темноты – для гласных заднего ряда.

Х. Киндайти (Киндайти 1978) отмечает, что звук [e] часто придает ономатопозитическим словам неприятное, вульгарное, негативное значение, звук [i] часто ассоциируется с небольшим размером и скоростью, а звуки [o] и [a] – наоборот, со значительной величиной и медлительностью, широтой.

Х. Ооцубо (Ооцубо 1989) описывает ещё некоторые ощущения, бессознательно получаемые носителями языка от звуков речи: [a] – ощущение светлого и большого, [i] – маленького, острого, пронзительного, [u] – мрачного, тусклого, [e] – ясного, бессмысленного, распущенного, [o] – мягкости, глубины.

Что касается согласных, то взрывные воспринимаются как сильные, твёрдые, обладающие внутренней энергией; фрикативные обозначают трение; [r] связан с ощущением ровного вращения, в повторениях играет роль «смазочного материала», обеспечивающего гладкость процесса; носовые звуки ассоциируются с мягкостью, округлостью, клейкостью (см, например, Ооцубо 1989, р. 118-119).

Нас интересуют дополнительные оттенки значений ономатопозитических единиц, возникающие при реализации противопоставлений различных

⁴ Наиболее подробно символические функции отдельных звуков рассмотрены у М.Свадеша (1972). Существуют работы, анализирующие так называемые фонестемы (комбинации фонем и значений) и значения отдельных кластеров (сочетаний звуков) в конкретных языках и/или описывающие звуко-символические универсалии (например, Шислер 1997, Абелин 1999 и др.)

категорий, таких, например, как звонкие и глухие согласные, закрытые и открытые звуки и т.п. По замечанию В. Скалички, «формальные, звуковые отношения ономатопоэтических слов, родственных по значению, отнюдь не хаотичны, а упорядочены в соответствии со строгими правилами» (Скаличка 1967, с. 299).

В сходных по значению ОС, различающихся только по звонкости-глухости входящих в их состав согласных, наблюдаются, как указывают, например Х. Ооцубо (Ооцубо 1989), И. Тамори (Тамори 1989) и др., следующие закономерности. Ономатопоэтические единицы со звонкими согласными описывают, как правило, а) более громкие звуки, б) большие по размеру предметы, в) большее количество, г) большую активность, д) большую степень выраженности признака; иногда они также приобретают негативный оттенок значения по сравнению с глухими согласными, воспринимаются как более тёмные, мутные, грубые, тяжёлые.

Противопоставление смычных и фрикативных согласных также может быть значимо для дифференциации оттенков значения. Если первые выражают активность, высоту, широту, разнообразие, то вторые – погружение, исчезновение, мягкость, беспорядок, разрушение (Атода-Хосино 1995).

Х. Киндайти считает, что палатализованные согласные придают слову просторечный оттенок в сопоставлении с их твердыми аллофонами, то же самое можно сказать о противопоставлении звуков [p] и [h] (в отличие от противопоставления звонкого-глухого [b/p]) (Киндайти 1978, р. 20). Х. Ооцубо указывает также, что палатализация может ассоциироваться с мягкостью, податливостью, тяжестью, наличием изгибов в отличие от ощущения прямоты и лёгкости при восприятии на слух твердых согласных (Ооцубо 1989, р. 120).

Гласные противопоставляются, в первую очередь, по закрытости-открытости. Поэтому, по мнению И. Тамори, ОС, содержащие звук [a], выражают большую широту, открытость (а иногда и нескромность,

несдержанность), ясные звуки, активность, энергичность, а ОС, содержащие звук [o], - закрытость (скромность, сдержанность), неотчетливые и неясные звуки, отсутствие активности (Тамори 1989). Например, в *Giongo-gitaigo tsukaikata jiten* («Словаре употребления звукоподражательных и звукоизобразительных слов») именно так разграничиваются значения двух ОС, обозначающих постукивание: «*kachikachi* – звук, распространяющийся вширь; *kochikochi* – звук, раздающийся внутри» (Атода-Хосино 1995, р. 154).

Более подробно характеристики и символические функции отдельных звуков (в том числе в зависимости от места расположения в лексической единице) рассматриваются у С. Чиронова (Чиронов 2004).

Таким образом, на основе имеющейся у нас информации о дифференцирующих признаках, мы можем выбирать релевантные для перевода компоненты значения, содержащиеся в ономатопоэтической единице.

2.1.2 Суффиксы и служебные элементы

В разделе 2.1.1 мы описали значения суффикса *-ри*, так как этот суффикс участвует в образовании некоторых фонетических форм ономатопоэтических слов. Кроме суффикса *-ри* с ономатопоэтическими словами употребляются также служебные элементы *то* и *ни*. Опишем их употребление в тех аспектах, которые представляются нам релевантными для перевода этих единиц.

Одна из функций служебного элемента *то* – маркировка цитирования. Окказиональные образования и звукоподражания часто на письме передаются азбукой катакана и/или в кавычках и оформленные элементом *то* с глаголами говорения (*кут-то наку* – «издать звук, курлыкнуть» (о птице), *гутёгутё-то (ю:) ото-о татэру* – «хлюпать», *буцубуцу-то цубуяку* «бормотать»). По нашему мнению, это «прямое цитирование» подчёркивает связь ОС с природными звуками, поэтому эти звуки и в переводе должны, по возможности, передаваться звукоподражаниями.

Ещё одной функцией служебного элемента *то* можно назвать выделение, усиление онома topoэтической единицы, её обособление от глагола. Для некоторых ОС употребление *то* является факультативным, например, для звукоподражаний-редупликатов, для двусложных звукоподражаний, оканчивающихся на *N*, *-ri*, а также для звукоизобразительных наречий образа действия (см., например, Какэхи-Тамори 1996).

По нашему мнению, такое употребление *то* позволяет говорить об эмфатическом подчёркивании (например, *юккури – юккури-то*). В этом случае при переводе можно предложить использование эмфазы – употребление наречий степени («очень», «сильно» и т.п.), изменение порядка слов и т.п.

По классификации О. Фроловой (Фролова 1988), единицы, оформленные служебным элементом *то*, относятся к наречиям (и переводятся наречиями), в то время как не обособляемые единицы относятся к глаголам (и переводятся глаголами). Ю. Миядзи также считает, что у некоторых ОС (одно- и двусложных редко встречающихся форм – «несамостоятельные основы», по К. Ямагути - Ямагути 1976) *то* входит в состав слова, т.к. отдельно эти единицы не встречаются (Миядзи 1978).

Т. Нисио (Нисио 1983) пишет, что у наречий образа действия *то*, кроме значения цитирования, может также обозначать процесс, подвижность, в отличие от элемента *ни*, который употребляется как маркер наречий результата (например, *барабара-то кудзусу* «разбирать на части» – *барабарани кудзусу* «разобрать на части») и обозначает неподвижность, статичность (р. 164, 169, см. также Судзуки 1977, Судзуки 1980, Сааги 1986). Мы полагаем, что в переводе, по крайней мере, в некоторых случаях нужно соблюсти эту разницу употреблением либо разных видовых форм глаголов, либо другим указанием на результат действия (возможно, даже описательным).

2.2 Грамматические и синтаксические особенности онома topoэтических единиц

2.2.1 Классификация ономатопоэтических единиц по частям речи

Как отмечает О. Фролова (Фролова 1988), «в связи с тем, что [ономатопоэтические] слова не обладают морфологическими показателями, свои грамматические свойства они реализуют в синтаксических связях». В этом случае единицы, имеющие одинаковую форму, причисляются автором к разным частям речи на основании того, что их синтаксические связи выражены разными способами.

Так, например, на основе дифференциации по признаку использования служебных элементов автор считает единицы, отделяемые от глаголов элементами *то* и *ни*, наречиями, а сочетания глагола и ОС без таких элементов - лексикализованными (т.е. целиком относит их к глаголам). К прилагательным этот же автор относит как образования на *-сии*, так и ОС, выступающие определениями к именным частям речи и оформляющиеся родительным падежом *-но*.

Большинство исследователей относят ономатопоэтические единицы японского языка к наречиям (например, Черевко 1971, Алпатов 1979, Миядзи 1978, Тамори 1991 и др.): «Мы... называем наречиями лишь лексемы, не способные сочетаться в одной синтаксеме с какими-нибудь граммемами, включая и связочные... Сюда же попадают ономатопоэтические лексемы. ...Эти лексемы резко отличаются от всех прочих как своим строением (наличие редупликации или особой морфемы *-то*, иногда – фонологические особенности), так и характером связи с обозначаемым...» (Алпатов 1979, с. 80-81). Среди наречий - ономатопоэтических слов - И. Тамори выделяет наречия образа действия, результата, степени, частотности (Тамори 1991).

Кроме этого, ономатопоэтические слова могут употребляться в речи и в качестве глаголов. Значительная часть этих единиц сочетается с вербализатором *-суру*. И. Тамори отмечает также глаголы, образованные при помощи суффиксов *-мэку*, *-цуку*, *-кэру*, *-ру*. Для нас имеет значение тот факт, что глаголы на *-цуку* часто имеют семантический компонент «начало

действия» и негативные коннотации, у остальных глагольных образований нет общих чётко выраженных коннотаций (Тамори 1991).

Существительные могут быть образованы по принципу метонимии – когда одним и тем же словом называется действие (звук) и предмет, который его производит. Это явление, как замечает И. Тамори, характерно больше для детской речи, что в процессе перевода будет для нас маркером стиля и/или регистра. При этом ОС, называющие признак, могут выполнять адъективную и предикативную функцию (Какэхи-Тамори 1996).

Кроме того, И. Тамори приводит примеры отглагольных существительных: это существительные – отглагольные имена, которые образуются от глаголов на *-мэку* и *-цуку*. Ещё один способ образования существительных – это слияние ономатопоэтического слова или его части и существительного.

Предикативные прилагательные, как считает И. Тамори, образуются присоединением *-и* или *-сии* к ономатопоэтическому слову, либо присоединением ономатопоэтического слова (или его части) к прилагательному. Важным является тот факт, что все подобные прилагательные имеют негативный оттенок значения.

Полупредикативные прилагательные образуются путем присоединения *-яка* к части ономатопоэтического слова. Все они имеют положительный оттенок значения (Тамори 1991).

Таким образом, И. Тамори определяет принадлежность к той или иной части речи как по синтаксическим, так и по структурным признакам.

Интересно отметить, что своей классификацией О. Фролова, в некотором роде, задаёт способы определения русских переводных эквивалентов. Так, например, для перевода сочетаний *тэкутэку аруку*, *гягя наку* или *уроуро суру* автор предлагает отдельные глаголы («тащиться», «визжать», «слоняться» соответственно; очевидно, на основании лексикализованности этих сочетаний и отнесения их к классу глаголов), а в сочетаниях *хэтохэто-ни цукарэру* «устать до смерти», *ойой-то наку* «горько

рыдать» или *кудэнкудэн-ни ёу* «опьянеть до чертиков» - выделяет ОС в качестве наречий и переводит их наречиями или обстоятельственными конструкциями (Фролова 1988). Таким образом, у этого автора переводные эквиваленты определяются классификацией по частям речи.

Мы согласны не со всеми пунктами классификации О. Фроловой (а также не со всеми предлагаемыми этим автором эквивалентами). Однако сам способ использования переводных эквивалентов как некоего семантического метаязыка (см., например, Вежбицкая 1999) представляется нам заслуживающим внимания.

2.2.2 Лексикализация оноματοпоэтических единиц

Ещё один способ классификации оноματοпоэтических слов находим у Х. Какэхи (Какэхи 1993а). Этот автор предлагает делить все оноματοпоэтические единицы по принципу «лексикализации», которая определяется употреблением лексической единицы в речи, включением её в специальные словари и наличием или отсутствием изменяемых форм.

Х. Какэхи выделяет 4 степени лексикализации: 1) окказионализмы, не фиксируемые в словарях; 2) практически не изменяемые формы, употребляемые с *то* в качестве маркера цитирования (присоединяющие *то* обязательно или факультативно); 3) изменяемые формы, употребляемые без маркера *то* (чаще всего с вербализатором *суру*); 4) произошедшие от оноματοпоэтических единиц, но не отличающиеся от обычных слов [по своему грамматическому употреблению – Н.Р.] (Какэхи 1993а, р. 38-45).

Х. Какэхи описывает разницу в функционировании единиц 2 и 3 групп следующим образом. Единицы, относящиеся к 3 группе (с вербализатором *суру* или связкой *да/датта*), не могут быть оторваны от этих грамматических показателей, т.е. составляют с ними единое целое. Напротив, единицы,

принадлежащие 2 группе, отделяются от единиц, которые они описывают, и могут быть вынесены в отдельную фразу⁵ (Какэхи 1993а).

Одним из характерных признаков единиц, относящихся к 4 группе, как считает Х. Какэхи, является не только их отсутствие в словарях оноματοпоэтической лексики, но также их способность, в свою очередь, присоединять оноματοпоэтические слова. Например, глагол *одороку* («удивляться, пугаться») является синонимом *биккури суру*, однако если первый присоединяет к себе ОС (*хатто одороку* - «вздрогнуть от испуга»), то сочетание *хатто биккури суру* не является нормой употребления в речи (хотя мы и не можем полностью отрицать возможность существования такого сочетания).

Так как основным признаком оноματοпоэтического слова для нас является семантический (непосредственное изображение звуков, ощущений и состояний), мы не считаем необходимым разграничивать оноματοпоэтические единицы по принципу лексикализации и будем рассматривать все встречающиеся в литературе и источниках случаи употребления ОС, включая окказионализмы (категории 1-3 по классификации Х. Какэхи). Однако мы полагаем, что употребление единицы в речи, т.е. её функционирование в системе грамматических связей позволяет определить единицу перевода а, следовательно, будет влиять на способ перевода.

В классификации Х. Какэхи нам представляется важным выделить первую и четвертую категории. Окказионализмы, воспринимаемые носителями языка как единицы с отсутствующим устойчивым употреблением, не теряют при этом своей «узнаваемости». Как замечает, например, А. Кубо, «так как смысл связан со звучанием, можно употреблять слова в другом значении и даже создавать новые» (Кубо 1995, р. 17).

⁵ Ср.: *бонъяри-то мизру* – *мизру*, *бонъяри-то* (нечётко видно – видно нечётко). *бонъяри-то ситэита* (был рассеян) – (х) *ситэита*, *бонъяри-то* (вариант невозможен).

Оставаясь таким образом вписанными в общую звукосимволическую систему языка, эти единицы, тем не менее, маркируются как «необычные», вызывая определённую реакцию Рецептора текста на ИЯ и формируя стиль произведения. Следовательно, в переводе и нужно передать эту «необычность», окказиональность. Можно предложить употребление в ПЯ в качестве переводных эквивалентов для единиц этой категории заимствований или окказионализмов.

Мы полагаем, что для единиц четвертой группы, не воспринимающихся носителями языка в качестве оноματοпоэтических и, вероятно, содержащих эмоциональный компонент значения в минимальной степени, должны существовать вариантные или контекстуальные (по терминологии Я. Рецкера) соответствия в языке перевода. Что же касается единиц второй и третьей группы, то мы считаем необходимым описать их значения и, следовательно, способы передачи на русском языке, в разделе 2.3, посвящённом семантике ОС.

2.3 Семантические особенности оноματοпоэтических единиц

2.3.1 Оноματοпоэтические слова в устойчивых сочетаниях и значение оноματοпоэтических единиц

Вопрос устойчивости сочетаний с оноματοпоэтическими словами представляется нам крайне важным для определения единицы (а значит, и способа) перевода, поэтому мы воспользуемся предложенными Л. Ельмслевом терминами «детерминация», «комплементарность» и «автономность» (Ельмслев 1971)⁶ так, как их использует Х. Какэхи (Какэхи 1993а, 2001).

Согласно Х. Какэхи, сочетания с оноματοпоэтическими словами делятся на три вида. В «детерминированных» сочетаниях оноματοпоэтическое слово (чаще всего наречие) определяет выбор главного слова (глагола) с

⁶ По Ельмслеву, существуют три вида управления: комплементарность (координация) – двусторонняя и обязательная зависимость, детерминация – односторонняя и обязательная зависимость и автономность (констелляция) – факультативная зависимость (Hjelmslev 1971, p. 157).

нейтральным (стилистически немаркированным и семантически довольно широким) значением. При этом даже если глагол не нейтрален, он «детерминируется» ономатопоэтическим словом, которое включает в себя его значение. К таким сочетаниям относятся, например, *никонико варау* («улыбаться»), *ётиёти аруку* («ковылять»), и т.п.

Подобные сочетания ОС и глагола выступают как наиболее устойчивые. Грамматически они могут быть не лексикализованы (относиться ко 2й категории лексикализации по Х. Какэхи), однако семантическая связь в них очень прочная. Главное слово сочетания задает определённую область значения (например, *аруку* - «передвижение пешком»), которую употребление ономатопоэтической единицы сужает, добавляя конкретные семы (например, *ётиёти (аруку)* - «(передвигаться) неловко, спотыкаясь»).

Отсутствие дополнительного семантического компонента привело бы к изменению значения, поэтому мы считаем, что единицы этой группы не опускаются при переводе и передаются вариантными и контекстуальными соответствиями. Можно предположить, что при существовании в ПЯ единиц с конкретным, узким значением, именно они будут служить эквивалентами для подобных сочетаний.

В комплементарных сочетаниях ономатопоэтическая единица создаёт конкретный образ и ассоциируется с конкретной лексемой, практически совпадая с ней в основном значении. Главное слово в подобных сочетаниях (чаще всего это глагол) может быть заменено вербализатором *суру*, либо вообще отсутствовать. Лаконичность, возникающая в результате опущения главного слова, позволяет, по утверждению Х. Какэхи, использовать ономатопоэтические единицы данной группы в создании рекламных лозунгов и в заголовках газетных статей.

ОС этой группы (например, *никкори (хохоэму)* – «приветливо (улыбаться)», *гуругуру (мавару)* – «совершать вращательное движение, кружить») обычно дублируют значение главного слова (глагола), усиливая его

и добавляя образность. Очевидно, в глаголе можно выделить тот же семантический компонент, что и в ОС. Обычно эти единицы сильно лексикализованы (Зя категория лексикализации по Х. Какэхи).

В этом случае, по нашему мнению, возможны два основных способа перевода сочетания на русский язык: использование наречий степени («очень», «сильно» и т.п.) либо отказ от эквивалента для оноματοпоэтической единицы на основании того, что семантические компоненты, входящие в глагол и ОС, совпадают, а дополнительное усиление в ПЯ не требуется (или выглядит неестественно). Для русского языка такое дублирование нехарактерно, поэтому в большинстве случаев ОС становятся семантически избыточными и могут опускаться.

Автономные же сочетания, строго говоря, не являются устойчивыми. Таковы, например, словосочетания с единицами *юккури* – «медленно, неспешно», *бонъяри* – «рассеянно, задумчиво» и т.п. По сочетаемости они близки к тем наречиям, которые могут определять практически любой глагол, уточняя степень интенсивности входящих в него семантических компонентов. Для таких ОС обычно существуют вариантные и контекстуальные эквиваленты в языке перевода.

Очевидно, что в первых двух случаях можно говорить о переводе на уровне словосочетания, в третьем же случае возможен перевод на уровне отдельных слов, однако сами приёмы перевода могут значительно отличаться друг от друга.

2.3.2 Значение оноματοпоэтических единиц и выбор эквивалентов

Мы считаем, что значение оноματοпоэтических единиц складывается из семантических и прагматических элементов, при этом прагматику мы рассматриваем как «определённое оценочное отношение, которое языковые знаки вызывают у пользующихся языком» (Комиссаров 1982). Для оноματοпоэтических слов это, по нашему мнению, образы, которые

возникают в сознании носителя языка при употреблении ОС, а также эмоции, связанные с такими образами. Кроме этого, мы считаем важным прагматическим элементом стилистическую дифференциацию, возникающую при употреблении оноματοпоэтических единиц в тексте.

«[Эмоциональные, эстетические, стилистические] оттенки выступают не как механические добавления к основному значению слова, но участвуют в формировании его смысловой структуры» (Вертоградская 1969, с. 47). По В. Скаличке, эмоциональный элемент является одним из составляющих значения слова (звуковой семы или основы), а «в звукоподражательных словах играет особенно важную роль» (Скаличка 1967, с. 292).

Если семантический компонент значения (составляющую лексического значения единицы) мы можем выделить на основании словарного определения и употребления единицы в речи, то прагматический компонент часто выявляется только на основе общего анализа текста: его стилистики, словарного состава, а также информации о говорящем и его отношении к предмету разговора, собеседнику и т.п. («прагматика говорящего», по В. Н. Комисарову – Комиссаров 1982, с. 7). Кроме того, существует ещё «прагматика Рецептора» (там же, с. 9), в которую входит восприятие прагматики текста. Переводчик обязан учитывать все эти компоненты, т.к. передача прагматического замысла говорящего входит в цель коммуникации.

К. Огден и А. Ричардс настаивают на чётком разделении символического и эмоционального употребления слов. «Эмоциональное использование слов - ...это использование их для выражения чувств и оценок (*feelings and attitudes*)» (Огден-Ричардс 1985, р. 149). Представляется, что оноματοпоэтические слова японского языка как нельзя лучше подходят под это определение, реализуя тем самым четвертую (по Огдену и Ричардсу) функцию языка – «произведение требуемого эффекта» (там же, р. 227).

Таким образом, нужно подчеркнуть, что основная функция японских оноματοпоэтических единиц, по-видимому, – эмоциональная, т.е. не столько

описание некоторого образа, сколько прямая передача этого образа и сопровождающих его ощущений говорящего (пишущего) рецептору (слушателю или читателю).

Э. Сепир писал, что в литературе существует два разных вида или уровня художественных приёмов (*art*): «общие, нелингвистические приёмы, которые без потерь могут быть переданы в чужой языковой среде и специфически лингвистические приёмы, которые не могут быть переданы» (Сепир 1921, р. 237-239, цит. по Огден-Ричардс 1985, р. 228).

По своим функциям оноματοпоэтические единицы не являются, как мы уже заметили, специфическим явлением, характерным лишь для ограниченного количества языков (за исключением, может быть, окказионализмов, которые, тем не менее, вписываются в общую систему функционирования звуко-символических единиц в речи). Для нас важно уточнить, насколько семантическое и прагматическое значение этих единиц связано со звуками языка, и существует ли возможность (и необходимость) передавать эту связь при переводе.

О возможности передачи эффекта, оказываемого звуками речи, недвусмысленно говорят К. Огден и А. Ричардс: «...Чем больше использование в оригинале непосредственного эффекта, производимого словами посредством ритма, качества звуков и т.п., тем сложнее будет обеспечить сходные эффекты тем же способом в отличной языковой среде» (Огден-Ричардс 1985, р. 230). Однако необходимо обратить внимание на то, что авторы сомневаются не в возможности передачи как таковой, а лишь в сложности передачи сходных эффектов **тем же** способом. Таким образом, мы возвращаемся к утверждению о возможности передачи того, что выражено языком, средствами другого языка.

По нашим наблюдениям, семантика оноματοпоэтических единиц любого уровня может *a priori* быть передана средствами русского языка. Проблема в данном случае заключается лишь в том, как выбрать эквивалент,

соответствующий цели коммуникации. Принимая во внимание эмоциональную функцию языка, мы должны учитывать не только семантику, но и образность выражения, а также стиль повествования. Рассмотрим вероятные сложности при передаче всех функций ОС на русский язык.

Как уже было отмечено, окказиональные образования могут передаваться при переводе заимствованиями или такими же окказионализмами в языке перевода. Однако попытка образовать новую единицу (тем более, если это не звукоподражание, а звукоизобразительное слово) может не дать требуемого прагматического эффекта, а заимствование может не соответствовать стилю текста на языке перевода.

Мы упоминали о возможных приёмах перевода единиц второй и третьей групп лексикализации (по классификации Х. Какэхи) – «чистых ономатопозитиков» (Плетнер-Поливанов 1930, с. XXXI). В данном случае основную проблему может вызвать несоответствие выбранных для передачи образности и эмоциональности эквивалентов общему стилю текста на ПЯ.

При переводе одной лексеме японского языка могут соответствовать несколько лексем русского языка, так называемые стилистические синонимы, из которых и надо будет выбирать единицу, соответствующую данному стилю. Для сохранения в переводе эмоциональности и образности может быть использован приём компенсации, когда образность и эмоциональность передаются другими средствами: лексическими или даже грамматическими единицами (просторечными или образными выражениями, фразеологизмами, порядком слов в предложении и т.п.).

2.3.3 Структура значения ономатопозитических слов и метод компонентного анализа

С. Чиронов выделяет в ономатопозитических словах ядро и «формансы» (Чиронов 2004). В ядре, по его мнению, сосредоточено основное лексическое значение единицы, а формансы добавляют к этому значению дополнительные

семь. Однако ядро также обладает сложной структурой значения.

С. Чиронов обращает внимание также на то, что разные авторы отмечают сочетание в значении одной единицы образов различного происхождения: звуковых, моторных, тактильных и т.п. (Чиронов 2004, с. 153-154). У некоторых единиц эти образы актуализируются в разных сочетаниях, то есть зависят от синтагматических связей, у других могут присутствовать в одних и тех же сочетаниях, в том числе, в виде ассоциаций.

Подобная сложная структура, на наш взгляд, требует в процессе поиска эквивалентов детального анализа структуры значения. Необходимо выделить как можно больше элементов значения (сем) ОС для того, чтобы определить, какие из них актуализированы в данном контексте. Для этого мы предполагаем использовать метод компонентного анализа, как, например, поступает Т. Коршикова (Коршикова 1988).

Выбирая метод компонентного анализа, мы опираемся на тезис А. Вежбицкой о том, что «элементы, которые могут использоваться для определения значения слов... следует принять в качестве *“indefinibilia”*, то есть как семантически элементарные единицы, в терминах которых могут быть последовательно представлены все сложные (неэлементарные) значения» (Вежбицкая 1999, с. 12).

Представляется, что для японских онматопоэтических единиц могут быть выделены, например, такие группы семантически элементарных единиц, как «подражание звучанию», «зрительное восприятие», «описание движения», «ощущение при касании», «вкусовое ощущение», «внутренняя структура предмета» и т.п.

При более подробном анализе звукоподражаний возможно выделение, например, таких сем как «голос человека» - «голос животного» - «звук, издаваемым неживым предметом». Релевантными для анализа могут быть элементарные значения «громкость звука», «качество звука», «продолжительность звука» и т.п.

Для «ощущений при касании» предсказуемо наличие сем «приятности» и «неприятности», «гладкости» и «шероховатости» и т.п. Для описания движений – сем соотнесённости с объектом (движение человека, животного или неживого предмета), сем «скорости», «направленности», «качества движения».

При описании психофизического состояния человека будут рассматриваться элементарные значения «приятности» и «неприятности» ощущений, «причина» испытываемых ощущений (объект, их вызывающий), возможно, «направленность» их на некий объект.

Для описания зрительных восприятий мы предполагаем наличие сем «приятности» и «неприятности», «яркости», «блеска», «чёткости» или «размытости», а для описания вкусовых ощущений – выделение сем «температуры», «приятности» и «неприятности», «конкретного вкуса» (горького, солёного, сладкого и т.п.).

Некоторые из этих элементов значения (дополнительные) выражаются в структуре единицы («скорость», «резкость», «продолжительность», «однократность»), другие связаны со значением собственно ядра. Дополнительные значения часто присущи всем или большинству единиц, имеющих сходную структуру, а по основным значениям можно, как это предлагает С. Чиронов (Чиронов 2004), организовывать ОС в лексико-семантические группы.

Например, С. Чиронов выделяет такие семантические доминанты ядер: «звуки и шумы в результате механического взаимодействия», подразделяя их на «шумы» (гром, грохот, жужжание, журчание, плеск, стрёкот электроприборов, тихое/неразборчивое, шум толпы и др.), «трение и соприкосновение» (гудок, свист, звук флейты, скрип, скрежет, хруст, чикание, чиркание, шорох/шуршание, шелест, шелест листвы, шипение), «удары» (удар, удар по струнам, звон, звяканье, клацанье, лязганье, стук, тиканье, треск, хлещущее, хлопающее на ветру, хлопок, цоканье, шлепок, щелчок);

«динамические процессы» (бурление и кипение, взрыв, вибрация и тряска, всплывающее, выскальзывание, высовываться, выход через узкое, вытягиваться вверх, горение, дутие, жарка, капать, клубящееся, колышущаяся жидкость внутри и так далее);

«движение», подразделяемое на «направление» (вверх-вниз, извивающееся, качение, колебание/шатание, копошение, кружение, падение, парение, подъём и т.п.), «скорость/импульсивность» (бросок, движение воздуха, полёт, прыжок, рывок и т.п.);

«характеристика внутренней структуры предмета» - «ослабленная-напряжённая» (безвольное, изогнутое, напряжённое, пухлое, разваливающееся, размякшее, скомканное), «чистое-смешанное» (без примесей, беспорядок, густое, плотно заполненное, полное водой и т.п.), «качественные характеристики» (волокнисто, вязкое, желе, сыпучие тела), «гибкое-негибкое» (гибкое, затвердевшее, эластичное), «мягкое-твёрдое», «вес»;

«тактильные и визуальные характеристики поверхности» - «гладкое-шершавое», «клейкое-неклейкое», «натяжённое-ненатяжённое», «мокрое-сухое»;

«пространственные характеристики»;

«вкусовая сенсорика»;

«температура»;

«обонятельные характеристики»;

«видимые явления»;

«прочие характеристики» («количество», «изменения», «идентичность», «частота», «качество», «сила признака»);

«звуки живой природы»;

«действия речевых органов»;

«человеческие действия»;

«физиологические состояния»;

«психические состояния и свойства характера» (Чиронов 2004, Приложение 2, с. 2-8).

III. ПОДБОР ЭКВИВАЛЕНТОВ ДЛЯ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ОЦЕНКА АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА

3.1 Способы перевода

3.1.1 Критерии выбора текстов для анализа

Ономатопоэтические слова сужают, уточняют или усиливают значение тех глаголов, к которым относятся, то есть добавляют как семантические, так и эмотивные компоненты значения. Сохранение «эмотивных, стилистических, образных, эстетических» функций языковых единиц играет не менее важную роль при переводе (особенно при переводе ономатопоэтических единиц), чем простое «сохранение «предметно-логического содержания» оригинала» (Комиссаров 1980, с. 152).

Для того чтобы выработать критерии оценки адекватности конкретных случаев передачи японских ономатопоэтических слов на русский язык, мы провели сравнительный анализ текстов на японском языке и их переводов.

Для анализа были выбраны следующие тексты: «Дед Кобутори», «Мышиный рай», «Пепел, лети, лети!», «Комэбукуро и Авабукуро», «Гора Кати-Кати», «Ури-химэ и Аманодзяку» из сборника «Японские народные сказки» в переводе В. Марковой⁷, «Петух, нарисованный на свитке», «Чудесный странник», «Волшебный котелок», «Лазоревый кувшинчик» из сборника «Поле заколдованных хризантем» в переводе А. Садовой, хайку Кобаяси Исса на японском языке и в переводах Т. Соколовой-Делюсиной, В. Марковой и А. Долина и произведения Х. Мураками в переводе В. Смоленского. Кроме того, опираясь на оригинал, мы сравним выполненные А. Зиновым и нами переводы рассказа С. Фудзисава, а также выполненные В. Смоленским, Дм. Ковалениным и А. Замиловым переводы рассказа Х. Мураками.

Народные сказки – фольклорные произведения – выбраны в качестве

⁷ При существовании большого количества вариантов текстов сказок на японском языке, не представляется возможным определить, по какому именно варианту выполнялся перевод. Поэтому при выборе текстов для анализа в переводе В. Марковой мы ограничились примерами на русском языке с очевидными заимствованиями, основываясь на факте принципиального существования оригинальных текстов с соответствующими единицами.

текста, в котором ономапоэтические единицы широко используются в качестве звуко- и образоподражаний. Мы считаем, что использование ОС придаёт произведению особый колорит и формирует в нём некий ритмический рисунок.

По нашему мнению, в поэзии ОС также употребляются для формирования определённого ритма. Традиционная японская поэзия хайку (хайкай) многими исследователями описывается как в значительной степени формализованная, то есть подчиняющаяся довольно строгим канонам в отношении как формы, так и содержания: определённое число слогов, указание на время года (т. н. «сезонное слово») и т.п. При этом строго ограниченный размер произведения и, следовательно, вынужденная лаконичность привели к развитию поэзии намёка, когда краткое описание явлений природы должно ассоциироваться с эмоциями и чувствами автора, не называя их (как указывает, например, А. Андреев – Андреев 2003).

Для усиления эмоциональности в поэзии хайку часто, как утверждает, например, Н. Ямагути (Ямагути 2003), используются ономапоэтические слова, характеризующиеся лаконичностью и ёмкостью описания, непосредственностью в передаче образа. Мы проанализируем переводы японских трёхстиший, обращая внимание на эквиваленты, предлагаемые для ономапоэтических единиц.

Тексты Х. Мураками отражают современное состояние разговорного языка, что позволяет рассматривать словоупотребление ономапоэтических единиц как типичное для данного времени и общества. Кроме того, большое количество публикуемых переводов этого автора позволяет сравнить несколько переводов одного и того же текста, в частности, рассказа «*Асика Мацури*». Для сравнения разных вариантов мы также воспользовались переводами рассказа С. Фудзисава «*Хасириамэ*».

Кроме того, наряду с примерами, взятыми из художественной литературы, мы обращаемся к примерам из составленного нами «Словаря эквивалентов ономапоэтической лексики японского языка» (далее «Словарь»). «Словарь»

представляет собой перевод на русский язык толкового словаря ОС «*Giongo-gitaigo tsukaikata jiten*»⁸ с добавлениями из японско-английского словаря «*Nichiei Gion-Gitaigo Katsuyo: Jiten*»⁹ и из собственной практики. Это нужно для того, чтобы иметь возможность сравнить употребление одних и тех же единиц в разных контекстах и определить влияние этих контекстов на приёмы и способы перевода.

При обработке материала нами сравнивались тексты на ИЯ и ПЯ, определялась единица перевода и переводной эквивалент (часть речи, которой переводилось слово, приём, использованный при этом). Затем анализировалась сочетаемость ономатопоэтической единицы, предлагаемое словарями толкование, функция, которую это слово выполняет в оригинальном тексте, а также степень взаимной зависимости слов в словосочетании, содержащем ОС.

На основе полученных данных мы пытались найти корреляции между сочетаемостью, степенью взаимной зависимости, типом ОС, его функцией, с одной стороны, и приёмами перевода с другой, а также уточнить значения ономатопоэтических слов и оценить адекватность перевода.

Мы рассматриваем данную работу как предварительный эксперимент, который поможет определить объём материала, необходимого для статистического исследования. Имеющийся материал позволяет сделать лишь предварительные выводы о возможных способах перевода ономатопоэтических единиц японского языка.

3.1.2 Заимствования и формальные эквиваленты

Ономатопоэтическую лексику японского языка можно отнести к языковым и культурным реалиям. Один из способов передачи реалий средствами ПЯ – заимствование, то есть передача иностранного слова путем транскрибирования или транслитерации. Этот приём используется, например,

⁸ «Словарь употребления звукоподражательных и звукоизобразительных слов», Атода-Хосино 1995

⁹ «Японско-русский словарь употребления звукоподражательных и звукоизобразительных слов», Оно 1984

при переводе японских сказок:

«Вот с восточной стороны явились тэнгу, с западной тоже пожаловали тэнгу. Слышен шум и топот: доэн, доэн» (ЯНС, «Дед Кобутори», с. 48).

«А той порой с южной стороны донесся шум: доэн-досун-дзудон. Ещё тэнгу идут» (ЯНС, «Дед Кобутори», с. 48).

«Старая мышь очень обрадовалась, и начали они вдвоем грызть огурец: кари-кари, кари-кари» (ЯНС, «Мышиный рай», с. 73).

«И вот поскакали к ним олени с дальних гор: бунгури-бунгури-бунгури, и поспешили к ним олени с ближних гор: бунгури-бунгури-бунгури» (ЯНС, «Пепел, лети, лети», с. 64).

«Стали их [волосы] чесать, зубья у гребня заскрипели: пимпира-пимпира» (ЯНС, «Комэбукуро и Авабукуро», с. 114).

Из примеров видно, что при передаче на русский язык звукоподражаний используются заимствования (единицей перевода является фонема). Мы считаем, что к заимствованию прибегают в тех случаях, когда необходимо не только описать звуки, но и передать их национальный, отличный от языка перевода, колорит (что характерно, например, для фольклора), а также создаваемый при помощи оноματοпоэтических единиц ритмический рисунок оригинала. Мы полагаем также, что заимствования могут использоваться при отсутствии в языке перевода устоявшихся способов передачи описываемых звуков.

Следует отметить, что используемые при переводе приёмы, конечно, индивидуальны: они зависят, в том числе, от квалификации переводчика и от требований к изданию.

Например, по словам доктора филологических наук А. Р. Садовой, в изданиях, рассчитанных на детей младшего возраста, переводчика просят, по возможности, избегать заимствованных слов и не перенасыщать текст реалиями (в том числе заимствованиями).

Так, в сборнике японских народных сказок «Поле заколдованных хризантем» нам встретилось гораздо меньше примеров заимствований для перевода японских ОС. Тем не менее, даже единичные случаи подтверждают наши предположения об использовании заимствований для передачи национального колорита и/или ритмического рисунка произведения, особенно в тех случаях, когда в русском языке нет соответствующего ОС:

*So:shite, sono yoru-ga akeyo:-to suru koro... kokekoko:!
Nanto! Kakejiku-no niwatori-ga, honto:-ni narunda nja.* (MNM, p. 150) – «Только заря заниматься стала, поднял петух на свитке голову, да как закричит: коккэко! коккэко! коккэко!» (ПЗХ, «Петух, нарисованный на свитке», с. 63)

*“**Кya, kya, kya**”, - saru-no fu:fu wa... himei-o agenagara, okuyama-ni nigete ittakiri...* (ОМ, p. 99) – «Закричали обезьяны: кя, кя, кя!» - и в горы убежали» (ПЗХ, «Чудесный странник», с. 81)

*Tsubo-o furu to, **gobo, gobo, gobo**-to oto-ga shimashita.* (ОМ, p. 164) – «Раздался тут в кувшинчике странный звук: гобо, гобо, гобо» (ПЗХ, «Лазоревый кувшинчик», с. 233)¹⁰

В переводах фольклорных произведений встречаются и другие примеры передачи звукоподражаний:

«Глядь-поглядь, заяц рубит дерево: тук-тук» (ЯНС, «Гора Катикати», с. 58).

«Разломилась глиняная лодка пополам и пошла ко дну: буль-буль» (ЯНС, «Гора Катикати», с. 59).

«Говорит [мышь] своей матушке: "Пи-пи-пи, пи-пи-пи! Смотри, один добрый старик подарил нам огурец..."» (ЯНС, «Мышиный рай», с. 73)

¹⁰ Русские тексты сказок, по словам А.Р.Садовой, были адаптированы для детского издания, поэтому в отдельных местах нужно говорить не столько о переводе, сколько о пересказе. Мы выбрали для анализа те примеры, в которых соответствующими способами переданы исследуемые нами единицы, несмотря на другие возможные расхождения с текстом оригинала.

«Полощет она [бабушка] платья и видит: плывут по течению две большущие дыни – плюх-плюх-плюх» (ЯНС, «Ури-Химэ и Аманодзяку», с. 98).

...*Sono toki, "Atsui!" to iu, himei-to tomo ni, totsuzen chagama-kara...*
 «*Uhyaa!*» (MNM, p. 35) – «Уф! Уф! Как жарко! – закричал котелок человеческим голосом» (ПЗХ, «Волшебный котелок», с. 106)

Здесь использованы звукоподражания, существующие в русском языке для обозначения, в частности, мышинного писка, плеска воды, стука топора, смеха, грохота и т.п., которые переводчики сочли нужным использовать для изображения привычных звуков. Перевод осуществлён на уровне слов. Подобные эквиваленты мы назовем «формальными», так как их использование позволяет передать не только значение единиц, но и по возможности, их структурные особенности (для обозначения которых И. А. Стернин использует введённое В. фон Гумбольдтом понятие «внутренняя форма» – Стернин 1979).

Рассмотрим теперь два хайку Кобаяси Исса, одного из самых известных представителей этого жанра, и переводы этих трёхстиший.

*Uzumebi ya sayu to **chinchin** yoru-no ame*

«Тлеют угли.

Вода - тин-тин - в котелке.

Ночной дождь» (пер. Т. Соколовой-Делюсиной)

В этом примере звукоподражание *chinchin* (бульканье кипящей воды) передано с помощью заимствования. На наш взгляд, использование соответствующего звукоподражания «буль-буль», могло бы нарушить общий стиль, так как в русском языке оно встречается преимущественно в детской речи или выражает иронию. Использование глагола «булькать» или существительного «бульканье», как нам кажется, нарушило бы общий ритм.

Кроме того, употребление незнакомого звукоподражания, по нашему мнению, помогает создать «национальный колорит», что усиливает впечатление от прочтения.

Asabare-ni pachipachi sumi-no kigen kana

«Ясное утро –

уголь радуется в очаге,

крак-крак-крак - мурлычет» (пер. А. Долина)

ОС *pachipachi* должно передавать потрескивание ломающихся тонких предметов, горящего угля, а также вызывать в воображении образ разлетающихся искр.

В качестве эквивалента японской ономатопоэтической единицы выбрано звукоподражание, передающее потрескивание (формальный эквивалент), и добавлен звукоподражательный в русском языке глагол «мурлыкать». Представляется, что употребление этого глагола добавляет «мягкости» к изображению треска («крак-крак-крак»), так как ассоциируется с состоянием довольства и спокойствия животного. Это, в свою очередь, даёт ощущение умиротворённости, выраженное в оригинале употреблением наречия *pachipachi* (в отличие, например, от *bachibachi*, передающего более сильный и громкий треск) и словом «кигэн», обозначающим хорошее настроение (что, впрочем, в переводе также выражено при помощи глагола «радоваться»).

Употребив звукоподражательный глагол «трещать» или «потрескивать», вероятно, можно было точнее передать лексическое значение единицы *pachipachi* («звук, издаваемый при горении угля», Атода-Хосино 1995, р. 378), однако это лишило бы нас тех нюансов значения, которые возникают имплицитно при возможности противопоставления вариантов *pachipachi* – *bachibachi*, и эксплицитно благодаря употреблению слова «кигэн».

По-видимому, в меньшей степени национальный колорит и ритмический рисунок требуется отражать при переводе современных прозаических

произведений, хотя малый объём выборки примеров из художественных произведений не позволяет делать окончательных выводов. Однако формальные эквиваленты (звукоподражания), тем не менее, встречаются также в прозаических текстах, хотя и в небольшом количестве.

Рассмотрим примеры эквивалентов ОС, встреченных нами в переводах на русский язык произведений Х. Мураками «Слушай песню ветра» (далее – СПВ) и «Пинбол 1973» (далее – П73) в переводе В. Смоленского.

*Sono oto wa itsumo boku-ni shinigami-no to:rai-o omowaseta. **Doon, doon.*** (П73 - p.59) – «В этом звуке мне чудился приход Бога Смерти. "Бомм, бомм..."» (с.175)

Fu:... nante atsusa dai, mattaku... (СПВ – p. 51) – «Уф-ф-ф-ф... Жарища!.... Ужас!....» (с. 42)

*Hyu:gen shi, dentatsu subeki koto-ga naku natta toki, bunmei wa owaru. **Pachin**.... OFF.* (СПВ, p. 31) – «Когда станет нечего выражать и передавать, цивилизация закончится. Щёлк! - и выключилась». (с. 25)

*...soshite itsumo-no **bosoboso-to** shita hanashigoe-ga kikoeta.* (П73, p. 61) – «...и вслед за ними - обычное "бу-бу-бу"». (с. 177)

*Hidarite-ni ko:ka-o motsu, **patan-to** migite-ni sore-o kasaneru, hidarite-o dokeru, migite-ni ko:ka-ga nokoru, sore dake-no koto da.* (П73, p. 33) – «Держишь монетку в левой руке, потом хлоп! - правую сверху, а левую убрал. Монетка в правой». (стр. 152)

*"Ato ni ju:gomannen-de taiyo: wa bakuhatsu suru yo. **Pachin**... OFF..."* (СПВ, p. 122) – «— Через двести пятьдесят тысяч лет солнце погаснет! - прошептал ему ветер. – Щёлк! - и выключилось...» (стр. 100)

Из вышеприведённых примеров видно, что единицы, изображающие конкретные, свойственные природе или голосам живых существ, звуки, передаются на русский язык при помощи прямого заимствования или замены соответствующими русскими звукоподражаниями, то есть способами,

которые позволяют сохранить эту конкретность, донести описываемые звуки до читателя.

В этом случае звукоподражания русского языка, очевидно, можно рассматривать как приблизительные (ситуационные) эквиваленты: они не передают звуки в точности так, как те воспринимаются носителями японского языка, но воспроизводят эти звуки в привычной для носителя русского языка фонетической системе.

3.1.3 Замена на уровне части речи: употребление звукоподражательных глаголов и существительных

Одним из характерных способов передачи на русский язык *гионго* и *гисэйго* является использование звукоподражательных (ономатопоэтических) глаголов и существительных, обозначающих различные звуки, то есть такой приём перевода, как замена части речи. В японском языке такие единицы описываются как участвующие в системе грамматических связей языка, однако не потерявшие связь со звукоподражаниями (4я категория лексикализации, по классификации Х. Какэхи¹¹). Вероятно, в русском языке соответствующие единицы по своим функциям занимают, по крайней мере, частично, ту нишу, которая в японском языке отведена единицам 3 и 4 категорий лексикализации.

Среди встретившихся нам переводных эквивалентов к этой категории относятся звукоподражательные глаголы, звукоподражательные существительные, а также глаголы движения с такими существительными (т.н. способ «авес»¹²). В некоторых случаях ономатопоэтические единицы в переводе имеют определения, выраженные, например, наречиями, прилагательными.

¹¹ Нам представляется, что для русского языка эта классификация может быть представлена в следующем виде: 1) окказиональные образования, 2) звукоподражания, выделяемые структурно; 2) звукоподражательные глаголы и образованные от них существительные, т.е. единицы, вписанные в грамматическую систему языка, хоть и сохраняющие связь с ономатопеией.

¹² Термин, предложенный К. Такэути (Такэути 1998).

Рассмотрим несколько примеров из повести Х. Мураками «Пинбол-1973» (пер. В. Смоленского), где в переводе употреблены:

а) звукоподражательные глаголы:

Shiromi-o obita shiba-ga bokutachi-no ashimoto-de kasakasa-to oto-o tatetsuzuketa. (р. 173) – «А пока одетый в белое газон хрустит под нашими ногами» (с. 272)

Boku-ga... kabe-ni tsuita suicchi-o osu to, nanbyo:-ka-no jikan-o oite tenjo:-no keiko:to:-ga kachikachi-to matataki, sono shiroi hikari-ga so:ko-no naka-ni moreta. (р. 149) – «Я нашарил на стене выключатель. Лампы дневного света на потолке затрещали, замигали - и через несколько секунд склад переполнился белым светом» (с. 253)

Boku-ni mukatte gomogomo-to mimai rashiki koto-o itte kara jibun-no heya-ni modotte itta. (р. 71) – «Явился напарник, пробормотал какие-то слова из тех, что принято говорить при визите к больному, - и ушел обратно в свою комнату» (с. 186)

Reko:do-ga owari, ju:kubokkusu-ga katan-to oto-o tate, soshite mise-ga shizumarikaeru. (р. 93) – «Пластинка кончилась, музыкальный автомат щёлкнул, и бар снова погрузился в тишину» (с. 205)

...butsubutsu monku-o iinagara katagata-no tsuchi-o te-de sukutte nioi-o kaida. (р. 18) – «Что-то тихо бубнил, тут и там зачёрпывал рукой земли, нюхал...» (с. 139)

б) существительные, обозначающие звук:

Oto-ga osamaru to, ato-ni wa hachi-no mure-no yo:-na bu:n to iu nibui denkioto dake-ga nokotta. (р.153) – «Когда птичий шум затих, остался резкий электрический гул пчелиного роя» (с. 256)

Aisupikku-ga koori-o kudaku oto, on-za-rokku-no gurasu-o mawasu kachikachi to iu oto... (p. 110) – «Треск раскалываемого льда, его постукивание в стаканах...» (с. 220)

Kanojo wa machiaishitsu-no doa-o akete te-o panpan-to narashite so:shi-o damarasete kara boku-o isu-ni suwarase... (с. 171) – «Открыв двери приёмной, она двумя хлопками заставила девчонок умолкнуть, потом предложила мне стул...» (с. 269)

Hoso:do:ro-o ko:soku-de surechigau kuruma-no shu:u to iu oto dake-ga togire mo sezu-ni onaji cho:shi-de tsuzuite ita. (p. 96) – «Только шум несущихся по асфальту шин всю дорогу оставался одинаковым» (с. 208)

Reko:do-ga owari, hari-ga pachipachi-to oto-o tatete mawaritsuzukeru made, boku-tachi wa nanimo iwazu-ni zutto dakiatte ita. (p. 77) – «Молча и долго - до конца записи, когда от музыки оставалось только сухое потрескивание иглы» (с. 191)

Hotondo kikitorenai hodo bosoboso-to shita koe datta. (p. 59) – «До меня доносился лишь невнятный бубнёж». (с. 175-176)

To:morokoshi-no ko-ga do:tai-o hanareru toki-no potsupotsu to iu oto dake-ga seijaku-o midashite ita. (p. 96) – «Наше скорбное молчание нарушалось только чпоканьем кукурузных зёрен» (с. 208)

в) глаголы движения (а также образованные от этих глаголов деепричастия и причастия) с существительными, обозначающими названия звуков:

Soshite nawa-o hiite mado-no buraindo-o patan-to shimeru. (p. 57) – «...дергая за шнурок и со стуком опуская штору». (с. 173)

Futari wa unazuite daidokoro-ni iki, hitori-ga karikari-to tame-o hiki, hitori-ga yu-o wakashite kappu-o atatameta. (p. 52) – «Они кивнули и ушли на кухню. Одна принялась с хрустом молотить зёрна, другая вскипятила воду и нагрела чашки» (с. 168)

Следует отметить, что в этих примерах употребляются просторечия и даже, возможно, авторские окказионализмы, в частности, для передачи дополнительных (стилистических, оценочных) компонентов значения там, где это связано со стилем («бубнить», «бубнёж», «чпоканье»). Для передачи дополнительных оттенков значения и более точного описания звуков иногда употребляются уточняющие определения: «тихо бубнил», «невнятный бубнёж», «сухое потрескивание».

В следующих примерах из этого же произведения мы хотим обратить внимание на передачу в переводе дополнительных семантических компонентов, выраженных структурой ОС:

Soshite tsugi-ni, nanman to iu tori-no mure-ga ha-o hirogeru yo:-na patapatapata to iu oto-ga tsuzuita. (p. 153) – «И тут словно тысячи птичьих стай захлопали крыльями» (с. 256)

Basu-no doa-ga patan-to shimari, so:shi-ga mado-kara te-o futta. (p. 175) – «Двери автобуса захлопнулись, близняшки помахали из окна» (с. 273)

Единицы *patapatapata* и *patan* обозначают сходные звуки («звук удара плоских предметов, частей тела друг о друга» - Атода-Хосино 1995, р. 373-376; в переводе для передачи этого звука употреблены эквиваленты с корнем -хлоп-) и противопоставляются друг другу, в первую очередь, по признаку продолжительности/множественности – однократности/единичности действия (в первом случае для усиления эффекта множественности действия даже употреблено окказиональное образование из трёх ядер). Это противопоставление выражено в переводе категорией вида глагола, а также глагольным суффиксом однократного действия -ну-.

В следующем примере ядро *pata* передано в переводе другим корнем (-стук-). Это пример использования контекстного (вариантного) эквивалента,

он связан с сочетаемостью лексем в русском языке¹³. Отсутствие у субъекта, производящего звук (пальцев), широкой площади поверхности для его воспроизведения не позволяет, на наш взгляд, выбрать лексему «хлопать». Сема продолжительности действия также передана в переводе видом глагола:

Boku wa muishiki-ni yubisaki-de hiza-o patapata-to tatakitsuzuketa. (p. 145)
– «Я бессознательно постукивал пальцами по колену» (с. 249)

Тот же корень (-стук/стуч-) употреблён и для передачи на русский язык единицы *tonton* («звук продолжительного лёгкого касания предметов друг о друга» - Атода-Хосино 1995, p. 336):

Uwagi-no poketto-kara tabako-o toridashi, te:buru-no ue-de saki-o tonton-to tataite kara raita:-de hi-o tsuketa. (p. 125) – «Достал из кармана пиджака сигарету, постучал кончиком по столу, щёлкнул зажигалкой» (с. 232)

Представляется, что подобные случаи можно отнести к типу генерализации: по нашему мнению, в русском языке часто не передаются те оттенки звуков, каждый из которых в японском языке выражен отдельной лексемой, например, постукивание при касании деревянных или металлических предметов, постукивание с резонансом и т.п. Разберём подробно несколько примеров с ядрами на *ka/ga* из словаря *Giongo-gitaigo tsukaikata jiten* (Атода-Хосино 1995), где в переводе нами употреблены лексемы с корнем –стук/стуч-:

Mo:ta:-ga gatagata-to ookiku furueta ka to omou to, pitatto tomatte shimatta.
(p. 36) – «В моторе что-то застучало, он затрясся и совсем остановился».

Hoshita sentakumono-no botan-ga madogarasu-ni kachikachi atatte iru. (p.

¹³ По замечанию Н. Янаэ, «...перевод – это выражения одного языка... Всё определяется качеством этого языка» (Янаэ 2000). Автор говорит о японском языке, тем не менее, сказанное, очевидно, справедливо для любого языка перевода.

40) - «Пуговицы развешенного для просушки белья постукивают об оконное стекло».

*Herumetto ni hanekkaette **kachin**-to oto-ga suru yo:na hyo:-ga futte kita.* (р.

44) - «От шлема с громким стуком отскочила градина».

*Tonde kita ishi-ga watashi-no hoo-o kasumete ushiro-no kabe-ni **kat**¹⁴-to atatta.* (р. 46) – «Камешек царапнул меня по щеке и с коротким стуком ударился о стену позади меня».

*Yoru-no kaerimichi, ushiro-kara ashibaya-ni **kakkat**-to otte kuru haihi:ru-no oto-de tachidomatte mita.* (р. 47) – «Возвращался поздно вечером домой, и услышав за спиной торопливый стук каблучков, остановился».

*...**karakoro**-to shikiishi-no michi-o iku.* (р. 63) – «Идет по брусчатке, постукивая (своими гэта)».

***Karari**-to oto-o tatete shikibo:-ga sute:ji-no shita-ni ochita no mo kamawazu, kare wa te-de shiki-o tsuzuketa.* (р. 64) – «Палочка дирижера с лёгким стуком укатилась под сцену, но он, не обращая на это внимания, продолжал дирижировать рукой».

*Demotai-no nageishi-ga kido:tai-no tate-ni **kankan** ataru ranto:.* (р. 70) – «Слышен гулкий стук камней, которые бросают демонстранты, о щиты наступающих военных во время яростной потасовки».

*Onnagakusei wa kakikoori-o supu:n-de **kashakasha** kakimawashinagara oshaberi.* (р. 33) – «Студентки разговаривают, а их ложечки тихонько постукивают о кусочки льда в стаканах».

*Hako-o furu to naka-de nanika-ga **katakata** oto-o tateru.* (р. 35) – «Если потрясти коробочку, в ней что-то перекачивается с лёгким стуком».

*Yoake-no hodo:-ni **kotsukotsu**-to kutsuoto-ga hibiku.* (р. 160) – «Ночью стучат по асфальту каблучки».

***Konkon**-to doa-o nokku suru oto-ga shita* (р. 174) – «Раздался стук в дверь».

*Byo:-no atama-o kanazuchi-de **kochikochi** tataite umekonde iku.* (р. 153) –

¹⁴ Мы обозначаем геминацию на конце ядра буквой *t*, как это принято в словарях Атода-Хосино 1995 и Оно 1984.

«Он с лёгким постукиванием забивал заклёпки».

В приведённых примерах звук передаётся следующими ядрами японских ОС: *gata, kan, kasha, kata, kotsu, kon, kochi* (в форме редупликатов), *kachi* (в форме редупликата и в форме *kachin*), *kat* (также в форме *kakkat*), сочетанием ядер *kara* и *koro* (а также в форме *karari*). Несмотря на возможность выделения в этих единицах различных компонентов значения, например, «гулкость» (наличие резонанса) в *kon* и *kan*, «смешанность звука» в *karakoro*, «направленность вовнутрь» в *kochi* или «направленность наружу» в *kachi*, «вращение» в *kara*, доминирующим компонентом здесь является «звук, издаваемый предметами при кратком взаимном соприкосновении».

Отдельные компоненты значения, например, интенсивность признака (громкий-тихий), его длительность, наличие резонанса и т.п. могут в переводе быть выражены дополнительно. Для этого в некоторых случаях слово «стук» уточняется определением («лёгкий», «громкий», «краткий», «гулкий»), либо употребляются лексемы, в которых на степень интенсивности признака указывают аффиксы с соответствующим значением (например, «постукивание»).

Для выражения семы «вращательное движение» в единице *karari* в переводе употреблён глагол «укатиться». Кроме того, для выражения продолжительности действия при переводе используется несовершенный вид глагола.

Напротив, одна и та же оноματοпоэтическая единица в русском переводе может передаваться разными эквивалентами (контекстуальными или вариантными, по классификации Я. Рецкера), в зависимости от контекста. Рассмотрим несколько примеров перевода звукоподражательной единицы *kachikachi* – «звук, издаваемый твердыми металлическими предметами при мелком продолжительном касании друг друга» (Атода-Хосино 1995, р. 39):

Okusan-ga hakonde kuru gurasu-no naka-de koori-ga kachikachi-to naru otoga suzushii. – «Хозяйка разносит бокалы, и от позвякивания льдинок друг об

друга становится прохладнее».

*Samui ban de, takushi:-o matte iru uchi-ni sukkari hiete, ha-ga **kachikachi** natta.* – «Пока ждал такси холодным вечером, совершенно замёрз, и зубы выбивали дробь».

*Mayonaka ni wa tokei-no **kachikachi** to iu oto-ga iya-ni mimi-ni tsuku.* – «Среди ночи назойливо лезет в уши тиканье часов».

*Hoshita sentakumono-no botan-ga mado-garasu-ni **kachikachi** atatte iru.* – «Пуговицы развешенного для просушки белья постукивают об оконное стекло»

Переводные эквиваленты подобраны нами в соответствии с сочетаемостью лексем в русском языке. «Льдинки» «звякают» (приглушенность звука, выражаемая в японском языке возможной оппозицией *kachikachi-gachigachi*, в переводе реализуется, на наш взгляд, в возможной оппозиции «звякать» - «звенеть»); «часы» - «тикают».

Отдельного звукоподражания, обозначающего касание пуговиц, не существует, поэтому здесь употреблена лексема, описывающая самый общий звук подобного характера: «постукивание». «Стучать» могут и зубы, но в данном случае употреблено более образное выражение «выбивать дробь» (то есть, производить стук, сходный по частоте с барабанной дробью).

В то же время отметим, что примеры отвечают нашей классификации: при переводе в целом нейтральных фраз, когда отсутствует необходимость в заимствовании либо использовании формальных эквивалентов, для передачи на русский язык звукоподражаний употребляются звукоподражательные глаголы или обозначающие звук существительные, а также глаголы движения с такого рода существительными.

Таким образом, при анализе текстов нам встретились следующие способы перевода звукоподражаний: заимствования; употребление передающих структурные особенности (внутреннюю форму) японских ОС эквивалентных русских звукоподражаний (формальных эквивалентов); а

также употребление оноματοпоэтических (звукоподражательных) единиц, выраженных глаголами или существительными.

Отдельные компоненты значения (например, интенсивность звучания) могут передаваться в переводе уточняющими определениями. Для выражения длительности или повторения звука регулярным соответствием при переводе является употребление несовершенного вида глагола. Кроме того, часто используется приём генерализации, когда отдельные оттенки значения, не имеющие эквивалентов в русском языке, не передаются.

3.1.4 Опускания

Мы исходим из того, что значения оноματοпоэтических единиц могут быть описаны как сумма семантических компонентов. Подобное описание не является задачей настоящей работы, но мы прибегаем к методу компонентного анализа, например, в том случае, когда необходимо определить, какие семы переданы или опущены при переводе.

В некоторых случаях эквивалент для оноματοпоэтической единицы в рассматриваемых нами переводах отсутствует. ОС может быть опущено потому, что переводчик считает его избыточным с точки зрения семантики, так как его значение дублирует все или некоторые компоненты лексического значения других единиц в сочетании (опускание как приём перевода). Но при этом существует, по крайней мере, теоретически, возможность воспроизвести другие, релевантные для коммуникации семантические и прагматические компоненты ОС не лексически, а, например, грамматически.

Кроме того, ОС может опускаться, потому что содержащиеся в нём семантические компоненты не могут быть полностью воспроизведены в переводе, а попытка передать все оттенки значения ОС привела бы к описательному переводу и неоправданному удлинению фразы (как утверждает, например, М. Хаясэ - Хаясэ 1978).

Проанализируем примеры опускания при переводе содержащейся в оноματοпоэтических единицах семантически избыточной, на наш взгляд,

информации (случаи частичного воспроизведения элементов значения ОС отнесены нами к разряду переводческих трансформаций и не могут, строго говоря, считаться опущениями). Примеры из повестей Х. Мураками «Пинбол-1973» и «Слушай песню ветра» в переводе В. Смоленского:

*To:dai wa zunguri-to kuroku, cho:do kane-o **suppori-to** fuseta yo:na katachi-o shite iru.* (П73, р. 55) – «Чёрный силуэт маяка напоминал поставленный на землю колокол» (с. 170)

Zutto mukashi-no pikunikku-no nioi da. (П73, р. 2) – «Запах давнего пикника...» (с. 134)

*...sono wakihara-ni wa byo:nin-no kasabuta-no yo:-ni kaigara-ga **bisshiri-to** kobiritsuite iru.* (СПВ, р. 133) – «Белую краску на борту изъел красной ржавчиной морской ветер, а бока обросли ракушками, как струпьями» (с. 109)

*Te wa itsu-made mo kogizami-ni furue, yubi to yubi-no aida-ni wa hieta ase-ga **jittori-to** nijinde ita.* (СПВ, р. 135) – «Рука мелко дрожала. На ней выступил холодный пот» (с. 110)

*Nezumi-ni totte-no toki-no nagare wa, marude dokoka-de **putsun-to** tachikirarete shimatta yo:-ni mieru.* (П73, р. 40) – «Время в восприятии Крысы было словно перерезанным» (с. 158)

В этих примерах ОС выражает интенсивность признака (быстроту и резкость, большое количество, плотность, крепость, силу и т.п.), то есть содержит экспрессивный компонент лексического значения (Стернин 1979). В некоторых случаях селективный (по Стернину) или скрытый (Гинзбург 1978) семантический компонент оноματοпоэтической единицы, определяя её сочетаемость, дублирует лексическое значение главного слова в сочетании.

Семантический компонент интенсивности в значении оноματοпоэтической единицы усиливает значение главного слова в сочетании: *suppori-to fuseru* – «плотно, устойчиво опустить на землю (вверх

дном)», *zutto mukashi* - «очень давний», *bisshiri-to kobiritsuku* – «сплошь, плотно прикрепиться», *jittori-to nijimu* – «в большом количестве выступить на поверхность», *putsun-to tachikirareru* – «быть внезапно, разом перерезанным, прекращенным».

Можно предположить, что переводчик счёл функцию усиления не релевантной для перевода, и оноματοпоэтическое слово было опущено из соображений структурных или стилистических.

Все приведённые ОС, кроме *zutto* имеют ограниченную или даже единичную сочетаемость. Как замечает Т. Коршикова (Коршикова 1988), «сочетаясь со всё большим числом слов, ОС теряет свою образность, всё меньше ощущается его подражательный характер» (с. 50). Очевидно, верно и обратное: ограниченная сочетаемость ОС должна свидетельствовать о его выразительности.

Мы полагаем, что подобную образность следует выражать эмоциональными и экспрессивными компонентами значения ОС (по Стернину). Тем не менее, сначала выделить, а потом воспроизвести эти компоненты в переводе не всегда представляется возможным.

Нам также встретилось несколько случаев перевода, когда фраза или часть фразы, содержащая оноματοпоэтическую единицу, при переводе перестраивается или опускается полностью.

Sore kara boku-tachi wa nokori-no michi-o yukkuri-to aruita. (СПВ, р. 136) – «Мы уже подходили к её дому» (с. 112) (дословно – «мы не спеша прошли остаток пути»)

Kogata hiko:ki nara suppori-to haitte shimaiso:-na hodo hiroi gare:ji-ni wa... (СПВ, р. 103) – «Огромный - он мог бы служить ангаром для небольшого самолета» (с. 84) (дословно – «такой просторный, что туда целиком поместился бы небольшой самолетик»)

Tabako-ga ippon moetsukiru made-no jikan, boku wa zutto damatte ita. (СПВ, р. 40) – «Я молча докуривал сигарету» (с. 32) (дословно: «всё то время, пока сигарета догорала, я молчал»)

*...sore-made Nezumi-o **suppori-to** torikonde ita shinmitsu-na ku:ki-o chikyu:-no uragawa-ni-made fukitobashite shimatta...* (П73, р. 40) – «...который отбирал у него тёплую воздушную оболочку и уносил на противоположную сторону Земли...» (с. 158) (дословно: «...целиком и полностью обволакивавшую его тёплую воздушную оболочку...»)

*Midoru uesuto-no yasashii inakamusume, ha:to-ni **gutto** kichau no sa.* (СПВ, р. 60) – «И ничем не хуже Средний Запад, где на фермах столько красоты...» (с. 47) (дословно: «деревенские девушки со Среднего Запада поразят тебя в самое сердце»)

*No:su-no kawaii onna-no ko, kimi-o **uttori** atatamete kureru.* (СПВ, р. 60) – «А на Севере девчонки - целоваться мастерицы, с ними не замёрзнешь ты» (с. 47) (дословно – «обогреют тебя так, что ты обо всём забудешь»)

*Boku-tachi wa ryo:ri-o oeru koro, mise wa sukoshizutsu kyaku-de umarihajime, fo:ku ya naifu ya isu-no **kishimu**¹⁵ oto-ga nigiyaka-ni natte itta.* (П73, р. 105) – «Когда мы с ней всё доели, ресторан начинал потихоньку заполняться» (с.215) (дословно – «ресторан стал потихоньку заполняться, и звон ножей и вилок, скрип стульев становился оживлённее»)

В следующем случае переводчик, очевидно, счёл достаточным наличие в переводном эквиваленте звукоподражательных кластеров¹⁶ (-зд-, -зв-) и отказался от передачи звука, выраженного онома topoэтической единицей, только указав на него.

*Genkan-no beru-ga **kankon-to** nari, boku-ga doa-o akeru to, soko-ni ashika-ga tatte ita.* – «Я курил после обеда, когда в коридоре раздался звонок.

¹⁵ Звукоподражательный глагол *kishimu* («скрипеть») можно отнести к 4й группе лексикализации, по классификации Х. Какэхи, и рассматривать наравне с единицами 2й и 3й категории в качестве глагола, обозначающего звук, так как существует ОС *kishikishi* («тихое поскрипывание»).

¹⁶ По терминологии, например, Б. Шислера (Шислер 1997)

Открываю дверь, а там - он!» (Х. Мураками, *Асика мацури* - «Фестиваль морских львов», перевод А. Замилова)

Интересно сравнить разные варианты перевода этой фразы:

«Зазвонил звонок в прихожей, я открыл дверь - и там стоял сивуч» («Праздник сивучей», перевод В. Смоленского)

«"Дин-дон!" - пропел мне звонок в прихожей. Подхожу к двери, открываю, смотрю – тюлень» («День тюленя», перевод Дм. Коваленина)

Сочетание «зазвонил звонок», по нашему мнению, ближе к звукописанию (использован ономатопоэтический глагол, к тому же повторение кластера –зв- усиливает впечатление от звука), но лишь один из трёх переводчиков использует непосредственно звукоподражание "дин-дон", сопровождаемое к тому же глаголом «пропеть» (употреблён формальный эквивалент – существующее в языке звукоподражание).

В некоторых случаях мы предполагаем, что варианты перевода ономатопоэтических единиц существуют, и их употребление не нарушило бы общий стиль произведения, однако по каким-либо причинам переводчики отказывались от передачи ОС в тексте на ПЯ (предлагаемые варианты добавлены нами и выделены).

*Kare wa sore-o fukai sara-ni nanmai ka kasane, naifu-de **kichin-to** yottsuni kiri, sono ue-ni koka-ko:ra-o hitobin sosogikakeru.* (СПВ, р. 96) – «Он накладывал их сразу по несколько в глубокую тарелку, [аккуратно – Н.Р.] разрезал ножом на четыре части и выливал сверху бутылку кока-колы» (с. 78)

*Atsui yu-de hige-o sori, ko:hi:-o nomi, inku-ga **bettari** te-ni tsukiso:-na cho:kan-o sumi-made yonda.* (П73, р. 94) – «Побрился под горячей водой,

выпил кофе, взял свежую газету, пачкающую руки [липкой – Н.Р.] типографской краской, и скрупулезно её изучил» (с. 207)

"*Neko-ga ippiki dake iru yo*", - *to Jei-ga potsun-to itta*. (П73, р. 2) – «Только кошка, - сказал [проронил; бросил – Н.Р.] Джей» (с. 203)

Таким образом, из встретившихся нам в переводах опущений оноματοпоэтических единиц условиям адекватного перевода удовлетворяет только отказ от воспроизведения семантической информации (обычно экспрессивной) из-за её избыточности либо из-за возможного нарушения структуры и/или несоответствия стилю (неоправданного удлинения фразы и т.п.). Конечно, любая оценка адекватности перевода оказывается субъективной, поэтому каждый случай опущения оноματοпоэтической единицы нужно рассматривать отдельно.

3.1.5 Описание и добавления

В некоторых случаях, в частности, при переводе поэзии, имплицитно содержащаяся в оноματοпоэтической единице информацию приходится выражать эксплицитными способами. Для этого приходится использовать добавления или прибегать к описательному переводу. Рассмотрим примеры переводов хайку Кобаяси Исса.

Yuki tokete kurikuri shitaru tsuki yo kana

«Растаял снег.

Смотрится в лужи, тараша глаза,

Шалунья – луна»

(пер. Т. Соколовой-Делюсиной)

Наречие *kurikuri* с основным семантическим компонентом «круглый» имеет также следующие значения: «широко раскрытый» (о глазах), «подвижный (хорошо крутящийся)» (о глазах); «круглый и гладкий» (о

голове) (Атода-Хосино 1995, р. 133-134). Таким образом, мы получаем следующие возможные (имплицитно содержащиеся в строфе хайку) значения: луна круглая и блестящая; смотрит (широко открытыми) круглыми глазами (в лужи от растаявшего снега); таращит глаза (возможно, в шутку).

В русском языке нет возможности выразить эти значения одним словом или выражением, поэтому переводчику приходится пользоваться другими, эксплицитными способами, и ему удаётся очень эффективно, на наш взгляд, использовать описание.

Слова «лужи» в оригинале нет, но можно предположить, что блестит отражение луны в лужах от растаявшего снега. Кроме того, намёк на круглые глаза (не от удивления, а в шутку) тоже передан в русском переводе путем дополнительно вводимой информации (луна «таращит глаза»; и луна-«шалунья»). Возможно, это избыточная информация, но она, на наш взгляд, передаёт атмосферу радости и свежести, содержащуюся в оригинале.

Kirikiri shan-to shite saku kikyō: kana

«Покачиваясь,

Стоят среди трав густых

Колокольчики»

(пер. Т. Соколовой-Делюсиной)

Здесь использовано оноματοпоэтическое сочетание *kirikirishan (to suru)*, составленное, в свою очередь из двух оноματοпоэтических слов: *kirikiri* – «скрипеть, будучи крепко зажатым между чем-то; быть крепко зажатым, почти до скрипа» (Атода-Хосино 1995, р. 102); и *shan (to suru)* – «освежиться, придти в себя» (там же, р. 211); возможно, подразумевается также звукоподражание *shanshan* – «звон множества колокольчиков» (там же, р. 211) и значение «быть крепким, здоровым физически и душевно» (там же, р. 212).

Можно предположить, что содержащиеся в ономатопоэтической единице значения вызывают следующие ассоциации: цветущие колокольчики «бодро» стоят, «крепко зажатые» другими растениями, «позванивают» (видимо, качаясь на ветру).

В переводе эксплицитно выражены некоторые из упомянутых значений ономатопоэтического слова: «стоят среди трав **густых**» (выделено нами – Н.Р.), что даёт, как нам кажется, ощущение «сжатости» другими растениями; «стоят, ... покачиваясь», что ассоциируется с движением ветра. Интересно отметить, что ассоциация со звоном уже содержится в русском названии цветка, и поэтому, вероятно, прямых указаний на звукоподражание нет.

Следующие примеры взяты из произведений Х. Мураками «Пинбол-1973» и «Слушайте песню ветра» в переводе В. Смоленского:

*Boku to kanojo-no aida-ni wa, kono mae-ni atta toki to wa chigatta nani-kashira **chiguhagu**-na ku:ki-ga atta.* (p. 126) – «Между нами что-то было не так. Что-то разладилось с последней встречи» (СПВ, с. 103-104)

ОС *chiguhagu* имеет значение «отсутствие порядка, согласия, гармонии» (Атода-Хосино 1995, p. 273), что можно выразить лексемой «беспорядок», однако отношения между людьми в русском не описываются этой единицей (можно сказать «чувства в беспорядке», но нельзя сказать «отношения в беспорядке»). Переводчик прибегает к описанию: «что-то не так, что-то разладилось», усиливая эмоции повторением и уточнением признака.

В следующем примере та же единица *chiguhagu* передана лексемами «дробный» и «искажённый». Вероятно, этот случай можно было бы также отнести к смысловому развитию понятия (впечатление от произведения «беспорядочное», то есть, не цельное, неправильное):

*Soko-ni wa uchu:-no kannen-ga ketsugo shite ori, sono tame-ni sakuhin wa jitsu-ni **chiguhagu**-na insho:-o watashi-ni ataeru, to.* (p. 119) – «Из-за этого

изъяна впечатление от романа оставалось у Хартфильда дробным и искажённым» (СПВ, с. 98)

Rippana ningen wa jibun-no ie-no gotagota nante tanin-ni hanashitari shinai wa. (р. 77) – «Приличные люди не любят рассказывать другим, что у них дома творится» (СПВ, с. 62) (*gotagota* – «неупорядоченное скопление множества вещей или беспорядок, неразбериха из-за сложных проблем», Атода-Хосино 1995, р. 152)

Значения единицы *gotagota* выражены в переводе придаточным предложением «что дома творится». Этот случай также можно отнести к синтаксическим заменам и даже к генерализации: оба значения японской ономатопоэтической единицы («физический беспорядок от неупорядоченного скопления предметов» и «суета при невозможности решить сложные проблемы») передаются указанным эквивалентом.

Kabe wa... numenume-to shite ita. (р. 153) – «Сама стена была на удивление гладкая, почти скользкая...» (П73, с. 255) (*numenume* – «скользящий, гладкий, блестящий, липкий», Атода-Хосино 1995, р. 349)

В этом примере разные компоненты значения ономатопоэтической единицы могут быть выражены в переводе разными лексемами. Переводчик ограничивается двумя из них: «гладкий» и «скользящий».

Do:ro-no akari-ga kasuka-ni atari-no fu:kei-o bon'yari-to ukabiagarasete iru. (р. 146) – «Только те, что стояли вдоль дороги, добавляли немного света, позволяя что-то различить» (П73, с. 250) (*bon'yari* – «расплывчато, нечётко, неясно», Атода-Хосино 1995, р. 524)

Буквально фразу можно было бы перевести так: «Фонари на дороге еле-еле заставляли окрестный пейзаж нечётко выплывать (из тьмы)». Переводчик пользуется описательным переводом, прибегая к смысловому развитию понятия: фонари заставляли пейзаж выплывать из тьмы, «позволяя что-то различить», поскольку они слегка освещали его; слегка освещённые предметы были видны неясно.

Voku wa yako: basu-no kippu-o kai, machiaisho-no benchi-ni suwatte zutto machi-no to:-o nagamete ita. (p. 147) – «Купив билет, я сел на скамейку и долго, пока не подошел автобус, смотрел на огни города» (СПВ, с. 119) (*zutto* – «всё (это) время», Консайз 1966, p. 358)

В этом примере также можно усмотреть не только добавление, но и смысловое развитие. Наречие *zutto* указывает на непрерывность совершения действия в течение всего указанного промежутка времени. Этот промежуток времени не оговаривается, однако из контекста читателю должно быть ясно, что имеется в виду время до прихода автобуса.

Таким образом, можно сказать, что описательным переводом ОС или добавлениями пользуются в том случае, когда невозможно выразить значение ономатопоэтической единицы одной лексемой из-за отсутствия эквивалентных единиц в русском языке или из-за отличия сочетаемости существующих лексем. Эти примеры, в целом, вписываются в общую концепцию теории перевода.

Однако порой добавление лексических единиц или употребление описательного перевода вызвано, на наш взгляд, наличием в значении ОС множества элементов (оттенков значения), которые тоже должны быть выражены в тексте на ПЯ, что можно отнести к особенностям перевода этого класса лексики.

3.1.6 Компенсация

К компенсации в качестве одной из переводческих универсалий, как указывает, в частности, В. Гривнин, прибегают в тех случаях, «когда лексическая единица в ИЯ не имеет эквивалента в ПЯ, что необходимо компенсировать, поскольку этого требует эмоциональность высказывания» (Гривнин 1999, с. 41). То есть, о компенсации речь идет, в основном, при попытках воспроизвести эмоциональный компонент значения единиц исходного текста.

Мы полагаем, что при переводе оноματοпоэтических единиц необходимость воспользоваться компенсацией может возникнуть при попытке передать средствами языка перевода образных и других компонентов значения. В нашем исследовании мы будем рассматривать компенсацию как своего рода замены элемента подлинника, которые призваны восполнить потерю необходимой информации и способны оказать то же воздействие на Рецептора.

По нашему мнению, к приёму компенсации могут быть отнесены те случаи перевода, когда авторы прибегают к замене части речи. Речь идёт об употреблении просторечных или разговорных лексем (примеры из произведений Х. Мураками в переводе В. Смоленского):

*Sonna tokoro-de **urouro shiteru** to pakurareru ze.* (СПВ, р. 73) – «Будешь тут торчать, полиция заберёт» (с. 59)

*Kanojo wa sono danbo:rubako-o beddo-no ue-ni **dosari-to oki**, potto-ni yu-o wakashita.* (П73, р. 63) – «Взгромоздив коробку на кровать, она вскипятила чайник» (с. 179)

*Otoko wa futomoto-ni tsuita soto-poketto-o **mozomozo** sagutte kara kuroi techo:-o boku-ni miseta.* (П73, р. 45) – «Он порылся в широченном кармане штанов и достал блокнот в чёрной обложке» (с. 163)

*Nannin-ka-no sho:gakusei-ga gomubo:ru-o **ponpon**-to jimen-ni tsukinagara aruite iku.* (П73, р. 75) – «Прошло несколько мальчишек с резиновыми мячиками - они лупили их об землю и ловили» (с. 190)

...*Nezumi wa pattari-to bi:ru-o yame, ba:bon-no rokku-o muchakucha-ni nomi...* (СПВ, р. 107) – «...он ни с того ни с сего забывал о пиве, принимался хлестать виски со льдом...» (с. 87)

Te-no hira-ga mamare:do mitai-ni gushagusha-ni tsuburetteta yo. ((П73, р. 91) – «Вместо лапы - месиво, как мармелад» (с. 204)

К компенсациям мы также отнесём случаи употребления фразеологизмов и других устойчивых выражений для передачи образного компонента значения оноματοпоэтических единиц:

...*boku wa mo: guttari-to tsukarehatete ita.* – «Я... уже походил на выжатый лимон» (Х. Мураками, «Фестиваль морских львов», пер. А. Замилова)

...*taichu:-o zutazuta-ni kirisakare, karadano iriguchi to deguchi-ni purasuchikku-no paipu-o tsumekomareta...* (СПВ, р. 10) – «Его искромсали вдоль и поперек, напихали пластиковых трубок во все входы и выходы...» (с. 7)

Doshakuzure-de shamen-ga zakkuri kezuritorarete iru. (Атода-Хосино 1995, р. 180) – «Обвал словно стёр с лица земли этот склон» («Словарь»)

Нужно заметить, что при передаче образного компонента значения перевод часто осуществляется на уровне сочетания: основное лексическое значение содержится в глаголе, а ОС обычно добавляет семы интенсивности и образности.

Проанализируем ещё несколько примеров из произведений Х. Мураками в переводе В. Смоленского:

Sakabin wa kirei-ni migakareta mama raberu-o omote-ni mukete naraberare, sentan-made pishiri-to orareta atarashii kaminapukin ya tabasuko-so:su ya shio-no bin-ga chiisana torei-ni kichin-to osamatte iru. (П73, р. 163) – «Ряды

начищенных бутылок этикетками вперед, треугольники новых бумажных салфеток, солонка и бутылочка табаско на маленьком подносе» (с. 264)

Наречия *pishiri (-to orareta)* – «быть аккуратно (сложенным)» (Атода-Хосино 1995, р. 405), *kichin (-to osamate iru)* – «быть аккуратно (расставленным)» (там же, р. 83) указывают на крайнюю точность исполнения. Эквиваленты для ономатопоэтических единиц отсутствуют, однако, как нам представляется, образный компонент выражен в переводе употреблением назывных предложений, то есть нелексическим способом.

В следующем примере семантические компоненты ОС в русском языке также переданы при помощи грамматических средств - значение «грубого, приближенного подсчета» ОС *zatto* (Атода-Хосино 1995, р. 181) выражено в переводе изменением порядка слов: «часа три» в отличие от «три часа».

Kanojo-ga mezameru made-ni, sore kara zatto sanjikan bakari kakatta. (СПВ, р. 33) – «Прошло часа три, и она проснулась» (с. 28)

Следующие примеры взяты из переведенного нами «Словаря»:

Shawa:-o zaazaa abite ita node, heya-no monooto wa nani mo kikoemasen deshita. – «Я принимал душ, и из-за шума воды не слышал, что происходило в комнате».

Буквальный перевод фразы выглядел бы следующим образом: «(Я) с шумом (воды) принимал душ, поэтому мне не были слышны звуки в комнате». Однако в русском языке сочетание «принимать душ с шумом» не указывает обязательно на шум воды, в то время как ОС *zaazaa* передаёт именно «звучание льющейся потоком жидкости» (Атода-Хосино 1995, р. 177). Поэтому мы прибегаем к приёму компенсации, описывая звук в другом

месте фразы (этот случай может быть также отнесен к грамматическим трансформациям).

Igai-ni sakkuri ho:cho:-ga haitte, suika wa tapputatsu. – «Нож на удивление легко вошёл внутрь, и арбуз с хрустом развалился на две половинки» (Дословно: «Неожиданно легко вошёл нож, и арбуз – пополам»)

ОС *sakkuri* передаёт как свойство вещества «хорошо, легко разрезаться, раскусываться» (Атода-Хосино 1995, р. 179), так и звук, сопровождающий разрезание, раскусывание. В русском языке трудно найти лексему, описывающую одновременно подобное качество предмета и звук, возникающий при совершении действия, сопровождающего это качество. Поэтому мы компенсируем отсутствие звукоподражания добавлением лексемы, указывающей на сопровождающий действие звук.

3.1.7 Другие способы перевода

Кроме замен на уровне части речи, опущений, компенсаций, добавлений и описаний нам в незначительном количестве встретились также следующие приёмы и способы перевода.

Антонимический перевод:

Boku wa sono aida jitto kuchi-o to:zashi, nani mo kataranakatta. (Х. Мураками, СПВ, р. 8) – «Я же сидел тихо, даже рта не открывал» (с. 5)

Сочетание *jitto kuchi-o to:zashi* можно перевести буквально как «долгое время крепко закрыв рот» (наречие *jitto* описывает «сосредоточенное сохранение одного и того же состояния без движения», Атода-Хосино 1995, р. 193). Добавляя компонент интенсивности при помощи наречия «даже», переводчик выражает то же содержание через антонимическую конструкцию: «долгое время сидеть, закрыв рот» = «не раскрывать рта».

Karada-ga genki nara, okkasan nanto demo suru kedo, zuutto byo:ki da kara nee. – «Была б я здорова, за любую работу бы взялась, так ведь никак не могу вылечиться» (С. Фудзисава, «Дождь» в нашем переводе)

Наречие *zuutto* указывает на продолжительность действия или состояния во времени. «Долгое время болеть» = «никак не мочь вылечиться».

Sono ato wa hiyatoi-o shitari, shigoto-ga nakereba ie-ni gorogoro shite iru yo:na kurashi-ga tsuzuita. – «С тех пор подряжался подёнщиком, а когда работы не было, целые дни носа из дому не высывывал» (С. Фудзисава, «Дождь»)

Выражение *ie-ni gorogoro shite iru* буквально можно перевести как «находиться дома без дела, сидеть дома без движения» ⇒ «не выходить из дома» ⇒ «не высывывать носа из дому».

Смысловое развитие понятий:

Seisekihyo:-ni zurari-to A-o narabeta joshigakusei-ga yoku yaru waraikata datta ga, sore wa kimyo:-ni nagai aida boku-no kokoro-ni nokotta. (П73, р. 10) – «Странно, что эта улыбка — такие часто бывают у примерных и успевающих студенток — запала мне в душу так надолго» (с. 133)

Наречие *zurari* (*naraberu, tsuranaru, tsuzuku*) означает «выстраивать в ряд однородные предметы (тянуться, продолжаться одним рядом)» (Атода-Хосино 1995, р. 244-245). Эта единица сочетается с глаголами, имеющими семантический компонент «длиться», «выстраиваться в ряд» и добавляет к основному значению дополнительное, оценочное: «ровно, красиво, аккуратно».

Таким образом, сочетание, которое буквально означает «студентки, ровненько выстраивающие в таблице свои отличные отметки» (то есть, студентки, у которых много отличных отметок), переведено как «примерные и успевающие студентки».

Nayonayo shita yasashii monoii wa, onnagayaku-o atsukau koto-ga ooi komamonoya toka gofukuya toka-ni iru otoko-o so:zo: saseta. – «Женоподобная манера речи выдавала в нём приказчика галантерейной лавки или мануфактурного магазина, которому приходится много общаться с покупательницами» (С. Фудзисава, «Летний ливень», перевод А. Зинова)

ОС *nayonayo* определяется в словаре как «тонкое и гибкое, послушно изгибающееся согласно приложенному усилию» (Атода-Хосино 1995, р. 340). Подобные качества, вероятно, могут описывать и женщину, поэтому переводчик развивает понятие и предлагает в качестве эквивалента прилагательное «женоподобный».

Boku wa bi:ru to ko:nbi:fu-no sandoicchi-o chu:mon shite kara, hon-o toridashi, yukkuri-to Nezumi-o matsu koto-ni shita. (СПВ, р. 44) – «Я заказал пиво, а к нему сэндвич с мясом и кукурузой. Потом достал книгу, чтобы скоротать время до прихода Крысы» (с. 36)

Наречие *yukkuri* имеет значение «медленно, неспешно»: «решил не спеша подождать Крысу». Контекст подсказывает, что герой решает надолго расположиться в баре, дожидаясь друга: чтобы не было скучно, он заказывает еду и напитки, достает книгу. «Скоротать время до прихода» представляется удачным эквивалентом в данном контексте.

Нам встретились также несколько случаев генерализации понятий:

...*zatsuzen-to baramakareta hitobito-no itonami-o kukkiri-to miorosu koto-ga dekita.* (П73, р. 67) – «...оттуда хорошо было наблюдать разбросанные тут и там объекты человеческой деятельности» (с. 182)

Выражение *kukkiri-to miorosu* буквально означает «отчетливо, выделяя на общем фоне, наблюдать сверху» (Атода-Хосино 1995, р. 124). В переводе употреблена лексема с наиболее общим положительным оценочным значением «хорошо».

"*Nee, Yamahitsuji-san, naze kimi wa ugoki mo shinai tokei-o itsumo burasageteru no?"* (СПВ, р. 28) - "Слушай, козел! И чего ты всё таскаешь эти ломаные часы?.." (с. 23)

Образованный от слияния ОС *burabura* «раскачиваться в разные стороны» (Атода-Хосино 1995, р. 457-458) и глагола *sageru* «опускать вниз» глагол *burasageru* «свешивать» переводится в приведённом примере просторечной лексемой «таскать». Этот случай, на наш взгляд, нельзя отнести к компенсации, так как единица имеет эквивалент в переводе. Однако глагол «таскать» является более общим по значению, чем, например, сочетание «таскать на шее», поэтому мы относим этот случай к генерализации понятий.

При составлении «Словаря» нам встретились следующие примеры, которые, как нам кажется, тоже можно отнести к генерализации:

Mukashi wa kono kawa-de zabuzabu sentaku-o shitari na ya daikon-o arattari shita. (р. 184) – «Раньше по этой реке разносился плеск воды, когда жители стирали белье, мыли зелень и редьку дайкон».

Baketsu-ni mizu-o kumi, jabujabu yurashinagara hakonde kuru. (р. 209) – «Набираю ведро воды и несую, а вода плещется».

Ономатопозэтические единицы *zabuzabu* и *jabujabu* имеют значение «звук, возникающий при колыхании воды; само такое колыхание» (Атода-Хосино 1995, р. 184, р. 208). Однако между ними существует разница, заключающаяся в размахе колебаний жидкости (*zabuzabu* – «широкие движения, ощущение несения потоком», *jabujabu* – «небольшие колебания», там же, с. 184-185). В переводе выразить эту разницу не всегда представляется возможным.

Ещё одна пара единиц, отличающихся оттенками значения: *gayagaya* и *zawazawa*. Основной компонент значения обеих единиц – «шум большого количества голосов». Однако *zawazawa* может описывать не только звук голосов, но также и шум от движений, а *gayagaya* не употребляется при описании шума природных явлений. Кроме того, *zawazawa* описывает восприятие шума в качестве единого целого и означает не столько помеху (дополнительный компонент значения единицы *gayagaya*), сколько беспокойство, вызванное шумом (Atoda-Hoshino, р. 61 и 189-190).

В переводе эти дополнительные оттенки часто нейтрализуются, так как попытка передать их привела бы, вероятно, к неоправданному удлинению фраз (примеры из «Словаря»):

Pa:ti:-kaijo:-no hanashigoe, waraigoe-ga teien-made zawazawa tsutawatte kimasu. (р. 189) – «Разговоры и смех с вечеринки слышны неясным гулом даже в парке».

Kyu:kei-jikan to miete, ho:ru-kara juko:sha-tachi-no hanashigoe-ga gayagaya kikoete kuru. (р. 61) – «Видимо, наступил перерыв – из холла доносятся сливающиеся в общий гул разговоры учащихся».

К приему генерализации приходится прибегать не только при переводе звукоподражаний. В следующих примерах из «Словаря» ОС относятся к звукоизобразительным единицам:

*Doromichi-de hitoashi fumishimeyo: to suru to **nurutto** suberu.* (p. 351) – «Я ступил на грязную дорогу, но нога соскользнула».

*Hadashi-ni natte nagare-o watatte iku no da ga, kawazoko-no ishi-ga koke-de **nuranura** subette ashi-o torareru.* (p. 350) – «Я переходил реку, разувшись, но нога подвернулась на скользком от мха камне на дне».

Netoneto shita tororo-o, mugimeshi-ni kakete tabesaseru no ga koko-no meibutsu. (p. 353) – «Этот ресторан знаменит блюдом из вареного риса с ячменем, которое подают с клейким тертым картофелем».

*Kono mushi-no hatte itta ato-ni wa **nebaneba** to shiroi suji-ga tsuku.* (p. 354) – «Там, где прополз этот жучок, тянется белый клейкий след».

*Dango-o gochiso:-ni natta no wa ii ga, **nechinechi** ha-ni kuttsuite tabenikukute komatta.* (p. 352) – «Приятно, что меня угостили рисовыми колбками, но они были ужасно липкими и застревали в зубах, есть их было невозможно».

Sakki-made niwashigoto-o shite ita kara, te-ga yani-de nebaba da. (p. 354) – «Я работал в саду, и у меня руки липкие от смолы».

Ядро *nura* описывает масляный блеск и ощущение клейкости, в значении ядра *nuru* акцент делается на ощущении скользкости. ОС *nechinechi* описывает твердый клейкий предмет, *netoneto* чаще употребляется для описания вязкой клейкой жидкости. Единица *nebaneba* описывает само приклеивание, в то время как *netoneto* описывает такую степень клейкости, при которой предметы сцепляются друг с другом (Atoda-Hoshino, pp. 350-353). Однако при переводе эти оттенки значения могут нейтрализоваться.

3.1.8 Компонентный анализ и описание значения ОС

Мы исходим из того, что при описании значения ОС целесообразно применить метод компонентного анализа. Представим этот процесс на

примере двух словарных статей из составленного нами «Словаря эквивалентов оноματοпоэтической лексики японского языка» (далее – «Словарь»).

«*Suusuu*» - в заголовке словарной статьи оноματοпоэтическая единица приводится как лексема в виде основы. Заголовок словарной статьи, а также примеры сочетаемости и употребления в словаре приводятся в записи иероглифами и азбукой кана, однако в настоящей работе мы пользуемся транскрипцией.

Словарные статьи в нашем «Словаре» имеют следующую структуру: заглавное слово, его транскрипция с указанием интонационного рисунка; значение слова, его тип (звукоподражание, наречие состояния или степени), сочетаемость. Мы рассматриваем конкретные примеры словоупотребления, в конце статьи приводятся структурные варианты лексемы (с геминацией, с удлинением гласного звука, с морфемой *-ри* и т.п.), а также синонимы. В некоторых случаях оттенки значений структурных вариантов и синонимов объясняются дополнительно (описательно и с помощью примеров).

«1. Звук при продолжительном выходе воздуха наружу через тонкое отверстие; тж. выход воздуха наружу через такое отверстие (*звукоподр.*)»

Здесь мы пользуемся описанием единиц, приводимым в словаре Атода-Хосино 1995, и выделяем максимальное количество элементов значения.

ОС в данном значении отнесёно авторами словаря к звукоподражаниям и наречиям образа действия/состояния. Для этого значения единицы можно выделить такие семы, как «подражание звучанию», «звук, издаваемый неживым предметом», «продолжительность звучания», «качество звука», «громкость звука», а также семы «образ движения», «субъект движения», «продолжительность движения», «количество движения».

Авторы словаря объединяют в значениях одной лексемы подражание

звуку и описание образа движения, видимо, желая показать невозможность разделить эти значения в некоторых случаях употребления.

Мы полагаем, что при невозможности найти в русском языке вокабулу, сочетающую в себе две лексемы, при переводе нужно будет либо отказаться от выражения одного из элементов значения, либо передать его описательно.

«<ku:ki, gasu> ga ... (to) nukeru, deru, hairu»

Сочетаемость ономатопоэтической единицы крайне важна для определения единицы перевода и тех элементов значения, которые необходимо и возможно передать в переводе. В данном примере ОС сочетается с глаголами, имеющими значение «направленного движения»: «проходить насквозь», «выходить», «входить». Для описания звука допустимо употребление, например, конструкции “avec” («выходить со свистом», «вырваться с тонким свистом» и т.п.), а при описании образа действия, вероятно, необходимо будет каким-то образом (возможно, эксплицитно) указать на наличие небольшого отверстия, сопротивления движению воздуха и т.п.

Рассмотрим переводы примеров из этой словарной статьи:

«Yoru nete iru aida-ni, ku:kimakura-no sen-kara *suusuu* ku:ki-ga nukete itte, asa-ni wa pechanko-ni natte ita. (p. 225) – Пока я спал, из надувной подушки потихоньку выходил воздух, и утром, когда я проснулся, она была абсолютно плоской.

Kodomotachi wa suusuu neiki-o tatete yasuraka-ni nemutte iru. (p. 225) - Ребятишки сладко посапывают во сне.

Mokuzo:-no furui ie na node, doko-kara to mo naku kaze-ga suusuu to haitte kuru. (p. 225) – Это старый деревянный дом, и изо всех щелей в нем свистит ветер.

В первом примере описывается образ движения воздуха, и в переводе актуализирована сема «количество движения»: при движении воздуха через небольшое отверстие это можно соотнести с совершением движения в малых объёмах или с небольшой скоростью. Если учитывать ассоциацию образа движения с описанием звука, то здесь допустимо также употребление звукоподражания (например, «с тихим свистом выходил»), однако нам кажется, что в данном контексте уместнее сделать акцент на незаметность совершения действия.

Звукоподражательный глагол «посапывать», употреблённый в переводе второго примера, описывает тихий звук, реализуя тем самым сему «громкости звучания». В третьем примере на первый план также выходит сема «описания звучания неживого предмета», а также «качество» и «продолжительность звучания».

«2. Ощущение холода при движении воздуха внутрь и наружу (сост.)».

Во втором значении присутствуют сема «образ движения», «направленность движения», сема «ощущение при касании» и сема «температура». В этом значении ОС описывает тактильные ощущения (то есть, сема «ощущения» и «температуры», вероятно, будут доминировать при поиске эквивалента).

«<*hada, kuchinaka*> ga ... suru»

В этом значении ОС употребляется с вербализатором “*suru*”.

«*Nan da ka samuke-ga shite, sesuji-ga suusuu suru. Kaze-o hiita ka na.* (р. 225) – Меня бьет озноб, и по спине – словно холодный ветерок. Заболел, что ли?

Itsu mo ji:pan-de iru node, tama-ni doresu-o kiru to suka:to-no suso-ga

suusuu suru. (р. 225) – Я всегда хожу в джинсах, и когда изредка надеваю платье, то чувствую, как ветер обдувает ноги.

Minto-no gamu-o kanda ato wa, kuchi-no naka-ga iki-o suru tabi-ni suusuu suru. (р. 225-226) – Я пожевал мятную жвачку, и теперь чувствую холодок во рту каждый раз, когда вдыхаю воздух.

В двух первых примерах в переводе реализована сема «описание движения» и «субъект движения». Чтобы продемонстрировать движение воздуха, нам понадобилось употребить отсутствующую в оригинале лексему «ветер». Семы «ощущение» и «температура» выражены в переводе первого и третьего примеров («холодный ветерок» и «чувствую холодок»). Мы считаем, что во втором примере эта сема содержится имплицитно, так как движение ветра должно ассоциироваться у читателя прежде всего с ощущением прохлады.

«3. Безостановочное и беспрепятственное продвижение вперёд (*cost.*)»

В этом значении актуализируются семы «образ движения», «направление движения», «качество движения». Значения «безостановочно» и «беспрепятственно», возможно, ассоциативно связаны с семами «продолжительность движения» (которая также выражено повторением ядра ОС) и «скорость движения».

«<*kuruma, hito*> *ga ... (to) susumu, toorisugiru*

<*monogoto*> *ga ... (to) katazuku*»

Единица сочетается с глаголами, описывающими продвижение вперёд («двигаться вперёд», «проходить/проезжать мимо»), а также с глаголом «быть убранным, быть приведённым в порядок».

«*Takushi:-o tomeyo: to shita no da ga, minna suusuu toorisugite itte tomatte kurenai.* (p. 226) – Я хотел остановить такси, но все машины пролетали мимо меня, и ни одна не остановилась.

Bokin-o yobikakete mo michi iku hitotachi wa suusuu toorisugite shiran kao. (p. 226) – Когда просишь пожертвования, люди с равнодушными лицами быстро проходят мимо.

Nagaresagyō:-de shigoto wa suusuu-to katazuite iku. (p. 226) – При конвейерной системе работа делается очень быстро и легко.

Сема «скорости движения» реализуется во всех трёх переводах: как при помощи отдельных лексем («быстро», «очень быстро»), так и при помощи дополнительных слов, в которых содержится этот элемент значения («пролетать» - «быстро проехать, пройти, миновать», Ожегов 2003, с. 614). «Качество движения» («беспрепятственно») в третьем примере дополнительно выражено лексемой «легко».

Интересно отметить, что в качестве эквивалента в первом примере можно выбрать лексему «просвистывать» («пролетать со свистящим звуком», Ожегов 2003, с. 619), в которой реализовалась бы сема «скорость и качество движения», так и сема, передающая ассоциацию со звуком.

Далее в словарной статье приводятся единицы, синонимичные отдельным лексемам данной вокабулы (указывается номер лексемы), для некоторых из них описываются дифференцирующие семы, например:

«*suisui* – содержит сему «отсутствие препятствий для лёгкого осуществления действий»; *suusuu* – сему «движение вперёд по прямой линии безотносительно к окружающему»; *sutsut* (3)».

«*suut* [suut] 1. Звук при выходе воздуха через узкое отверстие; тж. движение воздуха через такое отверстие (*звукондр., сост.*). <*ku:ki, gasu*> *ga ... (to) nukeru, deru, hairu*»

Основные семы этой единицы совпадают с семами предыдущей. Лексическая сочетаемость двух единиц также идентична. Однако в нередуцированной форме, в сравнении с редуцированной, отсутствует сема «повторяемость действия», а гемината на конце (*suut*) добавляет такие семы, как «быстрота» и «резкость» совершения действия. Рассмотрим примеры:

«*Dokoka-ni ana de mo aita no ka, gomufu:sen wa kyu:-ni suutto shibonde shimatta.* (р. 226) - Наверное, где-то дырочка: воздушный шарик внезапно сдулся.

Suutto doko-kara ka sukimakaze-ga ichiza-no ue-ni nagarekonde kita. (р. 226) - Вдруг откуда-то прилетел сквознячок.

Shinkokyu:-o suru to ko:gen-no sawayakana ku:ki-ga suutto mune ippai-ni nagarekomu. (р. 226) - Вдохнешь поглубже – и грудь переполняет свежий степной воздух».

В первых двух примерах в качестве эквивалентов выбраны лексемы «внезапно», «вдруг». Кроме того, в этих примерах однократность действия выражена совершенным видом глагола. В третьем примере ОС опущено, так как сема «движение воздуха» реализована другими лексемами, а передавать в переводе такие элементы значения ОС, как «движение воздуха через узкое отверстие», «звук при движении воздуха» представляется избыточным.

«2. Беспрепятственное совершение движения разом (*cost.*)»

В этом значении ОС содержит общие с предыдущей единицей (*suusuu*) семы «описание движения», «качество движения», «скорость движения» и не содержит семы «продолжительность действия». Эти же семы совпадают у первой и второй лексем вокабулы *suut*, однако значение «движение воздуха»

во второй лексеме меняется на более общее «субъект движения». Сочетаясь с вербализатором “*suru*” (<*mono, karada*> *ga ... to suru*), единица описывает движения одушевленных или неодушевленных предметов.

«*Fude-ni sumi-o fukumase, mazu tatesen-o suutto hiita.* (p. 226) - Я обмакнул кисть в тушь, и одним взмахом провёл для начала вертикальную линию.

Tenjo:-kara kumo-ga suutto ito-o hiite sagatte kita. (p. 226) - С потолка вдруг спустился на ниточке паучок.

Sho:nen-no hoo-ni suutto namida-ga tsutawarimashita. (p. 226) - По щеке мальчика сбежала слезинка.

Nageta koishi wa suutto ko-o egaite mizuumi-ni suikomareta. (p. 226) - Камешек описал дугу и пропал в глубине озера.

Erebe:ta: wa suutto oto mo naku gojukkai-no saiyo:kai-ni tsuku. (p. 226) - Лифт бесшумной стрелой взлетел на самый верхний, 50-й этаж.

Suikomi-no kuchi-o suu to, tsumetai mizu-ga suutto kuchinaka-ni afureta. (p. 226-227) - Я втянул в себя воздух, и в рот из крана полилась прохладная вода.

Omote-o hashiru kuruma-no heddoraito-no hikari-ga, kurai heya-no mado-o suutto yogiru. (p. 227) - Огни проезжающих мимо дома машин проносятся по окну темной комнаты».

В первом примере в переводе реализуется сема «разом» («одним взмахом»). Однократность действия выражена в примерах (кроме последнего) совершенным видом глагола, при этом лексемой «вдруг» подчеркивается его неожиданность. Сема «скорость движения» входит в качестве компонента в значения глаголов «взлетел» и «проносятся», и при переводе дополнительно выражается лексемой «стрелой» («стрелой взлетел»). В третьем, четвёртом и шестом примерах дополнительные семы никак не выражены в переводе.

«3. Исчезновение неприятного состояния, достижение свежести (*cost.*).

<*mune, kibun*> *ga ... to hareru, to naru, to suru*».

Третья лексема данной вокабулы имеет с предыдущими двумя только дополнительные общие семы «однократности», «скорости совершения действия», определяющиеся структурой ОС (то есть, отсутствием редупликации и конечной геминацией).

«*Sakuban gussuri nemutta node, omokatta atama-ga **suutto** sawayaka-ni natta.* (р. 227) - Я отлично выспался, и вчерашняя головная боль исчезла, стало легко.

*Higoro tamatte ita fuman-o zenbu hakidashite itte yatta node, **suutto** shita.* (р. 227) - Я разом высказал все, чем был недоволен, и сразу стало легче».

В первом случае при переводе добавлена лексема «исчезла» (*atama-ga **suutto** natta*), во втором примере в переводе отдельной лексемой выражен компонент значения «скорость совершения действия», связанный с внутренней формой единицы.

«4. Ощущение проникновения чего-то холодного (*cosm.*) <*tabemono, mizu, ku:ki*> *ga <ha, haguki> ni ... to shimiru*».

В это значение входят те же семы, что и в значение единицы *suusuu*, а именно «ощущение холодного» и «описание движения». С глаголом *shimiru* («проникать внутрь»), единица имеет общую сему «движение внутрь».

«*Iki-o suikomu to ha-no aida-ni **suutto** shimiru no wa mushiba na no ka na.* (р. 227) - Когда вдыхаю, между зубами чувствуется холодок: наверное, душло».

В переводе реализована сема «ощущение холода», а семы, передающие движение, опущены.

В завершении статьи приводятся синонимы с указанием номера сходного значения и примерами словоупотребления:

«*sut* (2, 3), *suusuu* (1, 4)

*Naifu-no saki-de **sutto** kizu-o tsukeru to, usuku harikitta kawa wa kururi-to mukeru.* (2) (p. 227) – Если сделать небольшой надрез ножом, то шкурка легко снимается.

*Shiroi te-ga **sutto** nobite, kabin-no hana-o ichiwa tsumami ageta.* (2) (p. 277) – Она быстро протянула свою белую руку и вытащила из вазы букетик цветов.

*Jishaku-o chikazukeru to pin wa **sutto** suiyoserareru.* (2) (p. 227) - Когда магнит приближаешь к булавкам, они моментально притягиваются.

*Shiranai otoko-ga **sutto** soba-ni yotte kita* (2) (p. 227) – Ко мне подскочил какой-то мужчина. (2)

*Kusuri-o nonde nisanpun mo suru to, mune-no mukatsuki-ga **sutto** osamatta.* (3) (p. 227) – Я выпила лекарство, и через несколько минут ощущение тошноты полностью исчезло.

*Man'indensha-o orite, ekimae-no gairoju-no shita-o iku to kibun-ga **sutto** shimasu yo.* (3) (p. 227) – Когда выберешься из переполненного вагона и пройдешься по аллее перед станцией, становится намного легче. (3)

*Sora-ni mukatte omoikiri “bakayaro:” to donattara mune-ga **sutto** shita.* (3) (p. 227) – Я поднял лицо к небу и заорал: «Идиот!!!» И сразу стало легче. (3)»

В примерах 2-4, где лексема имеет значение «беспрепятственное совершение движения разом» актуализируется дифференцирующая сема «краткость действия» (связанная с формой слова – отсутствием удлинения гласного звука). В двух случаях мы передаём эту сему отдельными лексемами («быстро», «моментально»), в одном случае сема входит в значение глагола «подскочить».

В первом примере, на наш взгляд, релевантным для перевода становится

сема «разом», что, в сочетании с дополнительным значением, обусловленным формой слова (отсутствием редупликации и удлинения гласного звука, а также наличием конечной геминии), может иметь значение «небольшое количество совершаемого действия». Отсюда предлагаемый нами эквивалент «небольшой» (надрез).

Три следующих примера могут быть связанные с передачей семы «исчезновение неприятного состояния, ощущение свежести». Передавая это значение в двух случаях лексемой «легче», мы, тем не менее, считаем необходимым выразить также семы «скорости» и «интенсивности» действия, используя лексемы «полностью», «намного», «сразу».

3.1.9 Роль контекста при переводе

При переводе «Словаря» мы имели возможность проанализировать употребление одних и тех же единиц в разных контекстах. Даже в узком контексте, ограниченном уровнем предложения, наблюдаются случаи актуализации разных компонентов значения одной и той же единицы. Рассмотрим несколько примеров из «Словаря» в нашем переводе:

1. *Ano keiji, hito-no ie-ni zui-to fumikonde kuru nante, marude hannin-atsukai janai.* – «Вы только подумайте: этот следователь нагло входит к нам, как к себе домой. Можно подумать, мы преступники».

2. *Kare wa zui-to hiza-o susumete aite-no sakazuki-ni sake-o tsuida.* – «Он ужом скользнул поближе и подлил собеседнику сакэ».

3. *Otoko wa zui-to kubi-o age, oyakata-o niramitsuketa.* – «Мужчина дерзко вскинул голову и с ненавистью взглянул на босса».

Основное значение единицы *zui* – «действовать без стеснений и колебаний» (Атода-Хосино 1995, р. 224). В первом случае неформленность субъекта, наличие разговорной частицы *nante* и разговорной формы связки *janai* указывает на непринуждённый или даже фамильярный регистр

общения (Гривнин 1999). Это позволяет нам воспользоваться лексемой соответствующего регистра «нагло» для воспроизведения основного лексического значения ОС (при существовании, например, более нейтральных вариантов «бесцеремонно», «нахально» и т.п.).

Второй пример не содержит маркеров регистра кроме собственно оноματοпоэтической единицы, поэтому мы постарались сохранить, в первую очередь, образный компонент значения и воспользовались устойчивым сочетанием «скользнуть ужом», содержащим в себе также переносное значение «действовать подхалимски, лестью».

Буквальный перевод этого примера («он быстро продвинул вперед колени и налил в чашечку собеседника сакэ») потребовал бы подробного объяснения ситуации: действие происходит в комнате (ресторана) в японском стиле; присутствующие сидят на татами и передвигаются, не вставая на ноги. Младший по рангу должен обслуживать старшего, однако для этого не обязательно покидать своё место. Подчёркнутая быстрота перемещения вместе с самим фактом такого перемещения, на наш взгляд, может быть связана с желанием угодить, и это позволяет нам выбрать в качестве эквивалента упомянутое выражение.

В третьем примере нам показалось существенным также выделить дополнительный компонент значения «быстрота исполнения», выражаемое, на наш взгляд, самой структурой оноματοпоэтической единицы (односложное ядро, содержащее дифтонг). Поэтому наряду с выражением основного лексического значения ОС отдельной лексемой «дерзко» мы сочли необходимым употребить глагол «вскинуть» - «поднять быстрым движением» (Ожегов 2003, с. 104).

Рассмотрим ещё несколько примеров:

1. “*Sore wa o-kotae dekimasen*” – *to kare wa kit-to kuchi-o musunda.* - «"Я не могу Вам этого сказать", - и он плотно сжал губы».

2. *Hahaoya-o ijime-ni kita to omotta no daro:, kodomo wa watashi-o kit-to niramitsukete me-o hanasanai.* – «Ребенок, верно, решил, что я хочу обидеть его мать, впился в меня взглядом, глаз не отводит».

3. “*Da to shitara do: nan da*” – *to otto wa kit-to natta.* - «"Ну, и что с того?" - набычился муж».

4. *Sho:nen wa kit-to shite, “Kanaerazu yarimasu” – to kotaeta.* – «Мальчик весь подобрался и ответил: "Обязательно сделаю!"»

Значение ОС *kit* описывается в словаре как «мгновенное напряжение в выражении лица, в движениях при гнев, решимости» (Атода-Хосино 1995, р. 85). В двух первых примерах выбор эквивалента обусловлен, в основном, лексической сочетаемостью. Губы «сжимаются», но взглядом, глазами «впиваются».

Выбор эквивалента в двух следующих примерах определяется, в первую очередь, регистром: фамильярная речь в первом случае и нейтрально-вежливая во втором позволяют нам выбрать просторечную и нейтральную единицу соответственно. В то же время, на уровне описываемых ситуаций мы предполагаем разницу в коннотациях: «напрячься, намереваясь отстаивать свою точку зрения» и «собратся, будучи полным решимости что-либо сделать».

Мы уже отмечали случаи генерализации при переводе ОС: иногда описываемые звуки или ощущения не дифференцируются в русском языке и требуют общего наименования, либо описательного перевода.

С другой стороны, бывает так, что японская оноματοпоэтическая единица имеет сему с широким значением, которое требует конкретизации, например, *sappari* – «ощущение свежести от исчезновения лишнего, неприятного» (с. 182):

1. *Shawa:-o abite sappari shite kara bi:ru-o nomo:.* – «Приму душ, освежусь, а потом пива выпью».

2. *Zeitaku-na mono wa tsukete inai ga, sappari shita fukuso:-de seiketsu-na kanji-no musume-san da.* – «Она не носит роскошных вещей, но в своей простой одежде всегда выглядит чистенько».

3. *Nagakatta kami-o sappari to kitte, kibun mo isshin.* – «Обрезал длинные волосы, стало так легко и хорошо, будто заново родился!»

Сходным образом нами подбирались переводные эквиваленты для единицы *assari* – «лёгкий, тонкий вкус или неяркий, неброский цвет» (Атода-Хосино 1995, р. 3):

1. *Atsui to, tokaku assari shita mono bakari taberu kara, yokei sutamina-ga naku naru.* – «Из-за того, что в жару всё время ешь только лёгкую пищу, наоборот, теряешь силы».

2. *Kono gaka-no e wa pasuterukara:-de assari to irozukesareteiru no ga tokucho: da.* – «Характерная черта картин этого художника в том, что они написаны нежными пастельными тонами».

3. *Suisaiga wa aburae to chigatte iro-ga assari shite iru kara kimochi-ga yasumaru* – «Акварели, в отличие от картин маслом, написаны неброскими красками, поэтому создают спокойное, умиротворённое настроение».

4. *Kyo:to-ryo:ri-no inochi wa assari shita ajitsuke-ni aru to yoku iwarete iru.* – «Говорят, что сущность киотосской кухни - в тонком вкусе её блюд».¹⁷

Выбор эквивалента в каждом конкретном случае определяется контекстом и сочетаемостью единиц языка перевода.

3.2 Определение единицы перевода для оноματοпоэтических слов

Мы проанализировали случаи перевода звукоподражаний (*гионго* и *гисэйго*) путём замены части речи. Однако этот способ является довольно распространённым: при переводе образоподражаний (*гитайго*) нам

¹⁷ Пример приводится по Оно 1984, р. 1.

встретились эквиваленты для ОС, выраженные глаголами, существительными, прилагательными (или причастиями), местоимениями, частицами и др. Рассмотрим несколько примеров:

Isha wa so: iu to jibun-no orenji ju:su-o nomi, nikoniko shinagara boku-o mita. (СПВ, р. 28) – «Доктор отпил апельсинового сока и улыбнулся мне» (с. 24)

Chiisana nami ga agatta bakari-no taiyo:-o kirakira-to hansha sase.. (СПВ, р. 31) – «Ещё низкое солнце поблёскивало в игравших волнах...» (с. 26)

Umi-ga yogorehajime, engan-kara sakana-ga sukkari sugata-o kesu made wa nansen-ka-no ensen-ga kono to:dai-o riyo:shita. (П73, р. 54) – «Им раньше пользовались несколько рыбацких лодок - пока море не загадили настолько, что вся рыба ушла от берегов». (с. 170)

Apa:to-no zentei-ni uerareta kanna wa fumitsukerare de mo shita yo:-ni guttari-to shite iru. (П73, р. 57) – «Канна, растущая в скверике перед домом, была чахлой и вялой, словно её кто-то топтал ногами». (с. 173)

Onna-no heya wa nikai-ni ari, kaze-no tsuyoi hi-ni wa komakai suna-ga barabara-to madogarasu-ni atatta. (П73, р. 57) – «Женщина жила на втором этаже; в ветреные дни россыпи мелкого песка стучались в оконное стекло». (с. 173)

...totto-to useyagare-to hara-no naka-de donatta toki... – «...он заорал про себя: "Ну-ка, убирайся!"» (С. Фудзисава, «Дождь» в нашем переводе)

Обращает на себя внимание то, что в некоторых случаях невозможно выделить эквивалент для собственно оноματοпоэтического слова. Например, в приведённых примерах эквиваленты для выражений *nikkori suru* – «улыбаться», *kirakira hansha suru (saseru)* – «поблёскивать», *guttari to shite iru* – «(быть) чахлой и вялой» подобраны на уровне сочетания. Таким образом, перед нами встает вопрос определения единицы перевода.

При анализе собранного материала нам удалось выделить следующие возможные случаи:

1) Лексическое значение ОС добавляет основной компонент значения к значению главного слова сочетания, конкретизируя его. Это совпадает с определением «детерминированных сочетаний», предлагаемым Х. Какэхи (1993а, 2001).

Как показывает проведённый нами анализ, такие единицы часто переводятся на уровне сочетания путём замены части речи (например, глагольными лексемами с конкретным значением) по формуле $A+a=B(+\alpha)$, где A – значение главного слова в сочетании, a – значение оноματοпоэтической единицы, B – новое значение, полученное в результате сложения элементов, α – дополнительные значения ОС, которые могут передаваться или не передаваться при переводе.

Внутрилингвистические значения продолжительности/краткости, однократности/многократности действия и т.п., присущие оноματοпоэтической единице, в данном случае несут дополнительную информацию и могут выражаться в переводе, например, видом глагола, употреблением аффиксов и т.п.

В приведённых выше примерах к таким случаям относится, например, *nikkori suru* – «улыбаться». Наречие *nikkori* описывает «беззвучный мягкий смех от радости, приятных ощущений» (Атода-Хосино 1995, р. 341) и может употребляться либо с глаголом *warau* – «смеяться», сужая его значение, либо (в том же значении «улыбаться») с вербализатором *suru*. Рассмотрим ещё примеры:

Jei wa kaunta:-no naka-ni mochikonda sutsu:ru-ni dokkari-to koshi-o oroshi... (П73, р. 42) – «...Джей плюхался на табурет, перетащенный через стойку...» (с. 160)

Gyosen-no kieta ato, to:dai-o riyo:suru fune to ieba engan-o urouro suru yotto ka... (П73, р. 54) – «Оставшись без рыбаков, маяк стал обслуживать яхты, курсирующие вдоль берега...» (с. 170)

*Futari wa damatte shatsu-o nugi, sore-o ko:kan shite atama-kara **suppori kabutta.*** (п73, р. 36) – «Они молча стащили свои футболки и, поменявшись, натянули снова» (с. 155)

*Otoko wa futomomo-ni tsuita soto-poketto-o **mozomozo** sagutte kara kuroi techo:-o boku-ni miseta.* (П73, р. 45) – «Он порылся в широченном кармане штанов и достал блокнот в чёрной обложке» (с. 163)

Для перевода сочетания *dokkari-to koshi-o orosu* («усесться, прочно, недвижимо заняв свое место (о тяжелом предмете)» - Atoda-Hoshino, р. 322) переводчик использовал лексему «плюхаться», воспроизводя тем самым значения «занять место», «тяжело», «прочно».

Сочетание *urouro suru* («бесцельно бродить вокруг» - Atoda-Hoshino, р. 15) передано единицей «курсирующие», то есть «совершающие регулярные поездки по определённом направлении» (Ожегов 2003, с. 316), а компонент «отсутствие цели» не выражен. Однако одно из значений слова «яхта» - «небольшое судно для прогулок» (Ожегов 2003, с. 919), которое, возможно, ассоциируется с «бесцельным передвижением».

Значение *suppori kaburu* можно буквально передать как «надеть через голову, плотно окутав телом и спрятав его» (Atoda-Hoshino, р. 237). Лексема «натянуть» в достаточной мере передаёт, на наш взгляд, «плотное прилегание одежды к телу».

Единица *mozomozo* добавляет к значению глагола *saguru* «искать» компоненты значения «с шумом совершать множественные движения» (Оно 1984, р. 378). На уровне лексической сочетаемости эквивалент «порыться» (в кармане) представляется адекватным.

Таким образом, при поиске эквивалентов для подобных единиц необходимо, как нам кажется, в первую очередь передать то дополнительное

лексическое значение, которое ОС добавляет к значению главного слова в сочетании.

Однако существуют и другие формулы, выражающие соотношения значений в подобных сочетаниях. Например, может происходить перераспределение значений, когда какой-то компонент значения оказывается выраженным в переводе отдельной лексемой:

Futari wa marude mushi-ga hau yo:ni, noronoro-to aruite iru. – «Две фигурки еле ползли, словно черепахи» (С. Фудзисава «Дождь» в нашем переводе)

Ономатопозитическое слово *noronoro* описывает «крайне медленное, неторопливое продвижение вперед» (Atoda-Hoshino 1995, p. 359). Сочетание этой единицы с глаголом *aruku* «передвигаться пешком» может быть переведено как «ползти». Однако мы сочли нужным выразить экспрессивный компонент дополнительно, добавив наречие «еле».

...*butsubutsu monku-o iinagara katagata-no tsuchi-o te-de sukutte nioi-o kaida.* (П73, p. 18) – «Что-то тихо бубнил, тут и там зачерпывал рукой земли, нюхал...» (с. 139)

Ономатопозитическая единица *butsubutsu* употреблена здесь в значении «невнятное бормотание; употребляется для описания тайного высказывания жалоб, недовольства из-за невозможности отчётливо их услышать» (Atoda-Hoshino 1995, p. 454). Лексема «бубнить» передаёт значение сочетания *butsubutsu (monku-o) iu*, но переводчик усиливает значение компонента «невнятность, невозможность отчётливо услышать» посредством наречия «ТИХО».

Kanojo wa machiaishitsu-no doa-o akete te-o panpan-to narashite so:shi-o damarasete kara boku-o isu-ni suwarase... (П73, p. 171) – «Открыв двери приемной, она двумя хлопками заставила девчонок умолкнуть, потом предложила мне стул...» (с. 269)

Значение ОС *panpan* описывается в словаре Atoda-Hoshino 1995 как «звук повторяющихся ударов плоских предметов» (p. 396). Сочетание *te-o panpan narashite* (букв. «издав руками хлопки») передано лексемой «хлопок», при этом добавляется числительное «два», передающее компонент значения «повтор».

Ufufu-to waraigoe-wo tatete nagadenwa-wo shite ita ga, yohodo ii hanashi data rashii yo. (Atoda-Hoshino 1995, p. 14) – «Она очень долго разговаривала по телефону, время от времени хихикая - видно, ей рассказывали что-то очень хорошее» («Словарь»)

ОС *ufufu* в сочетании с глаголом *warau* («смеяться») имеет значение «невольное тихое хихиканье от радости, смущения, удивления», что в переводе передается лексемой «хихикая». Кроме того, структура единицы предполагает также наличие дополнительных компонентов значения «повторение», «продолжительность» (в отличие, например, от формы *ufut*, соотносимой со значениями «краткость», «однократность», «внезапность» и т.п.). Эти компоненты значения в приведенном примере передаются дополнительными лексемами «время от времени». Таким образом, значение единицы перераспределяется по разным лексемам ПЯ.

2) Лексическое значение ОС полностью или частично дублирует значение главного слова (совпадает с ним), придавая высказыванию образность и добавляя сему интенсивности и/или семы продолжительности/краткости, однократности/многократности действия-

состояния и т.п. (совпадает с определением «комплементарных сочетаний» по Какэхи).

В этих случаях перевод может осуществляться на уровне сочетания, однако, в отличие от детерминированных сочетаний, эквивалент подбирается, в первую очередь, для главного слова, а дополнительные оттенки значения могут воспроизводиться отдельными лексемами и/или нелексическими способами, либо опускаться. На наш взгляд, эту схему можно выразить формулой $A+a=A(+\alpha)$, где A – значение главного слова, a – значение ОС, а α – дополнительные значения ОС.

В приведённых выше примерах к этому случаю относится *kirakira hansha suru* – «поблёскивать». Наречие *kirakira* сочетается с глаголами, имеющими компонент значения «излучать (или отражать) свет», и добавляет к их значению такие компоненты, как «продолжительность», «прерывистость», «небольшой размер светящегося тела». Эти компоненты в приведённом примере выражены несовершенным видом глагола (сема «продолжительности»), морфемами (сема «небольшого размера, незначительности»). Рассмотрим ещё несколько примеров:

Boku wa unazuite, poketto-ni te-o tsukkonda mama mise-no naka-o gururi-to mimawashita. (СПВ, р. 62) – «Я кивнул и, не вынимая рук из карманов, оглядел магазин» (с. 49)

Наречие *gururi-to (mimawasu)* описывает «однократное движение по кругу либо вращение вокруг собственной оси» (образ такого движения) и сочетается с глаголами, содержащими компонент значения «движение по кругу, вращение», совпадая с ними в этом значении и добавляя значение «однократность, отсутствие быстроты» (Атода-Хосино 1995, р. 138-139). Глагол *mimawasu* имеет значение «оглядывать», «обводить взглядом». По нашему мнению, сема однократности выражена совершенным видом глагола «оглядел», поэтому не требует дополнительной реализации в переводе.

Hanaso: to kokoromiru tabi-ni nodo-ga karakara-ni kawaki, sore-de bi:ru-ononda. (П73, р. 132) – «Только пробуешь начать, горло пересыхает, и остается лишь пить пиво» (с. 239)

Наречие результата *karakara (ni)* описывает «состояние полного высыхания, отсутствия влаги» (Атода-Хосино 1995, р. 62) и добавляет к глаголу *kawaku* «высохнуть» сему интенсивности. Это дополнительное значение реализуется в переводе при помощи глагольной приставки «пере-» (Ожегов 2003, с. 499).

Представляется, что для единиц этого типа в некотором роде доминантным может стать образный компонент значения. Тогда он должен быть по возможности передан в переводе наряду с дополнительными значениями интенсивности, скорости, однократности и т.п.

Omake-ni kazoku wa kutakuta-ni natte ku:chu:bunkai. (СПВ, р. 78) – «Вдобавок вымотались до того, что семья развалилась» (с. 62)

Kowane-kara, zotto-suru hodo enki-na hibiki-o kikitsuketa no de aru. – «Просто звучала в этом голосе такая угрюмость, что мороз пробирал по коже» (С. Фудзисава, «Дождь» в нашем переводе)

В этих примерах для выражения *kutakuta-ni naru* («полностью лишиться сил из-за усталости», Атода-Хосино 1995, р. 118) в качестве эквивалента предлагается просторечный глагол, а для сочетания *zotto-suru* («ощутить внезапный холодок от страха или при низкой температуре», Атода-Хосино 1995, р. 255) – фразеологизм.

3) Лексическое значение ОС практически не зависит от значения главного слова, сочетаемость определяется самыми общими параметрами («автономные сочетания» по Какэхи). В этом случае ономастопозитические

единицы обычно переводятся на уровне слова отдельными лексемами с соответствующим значением по формуле $A+a=A+a$.

В приведённых выше примерах сюда можно отнести перевод лексемы *sukkari* – «быть полностью, без исключений в описываемом состоянии» (Атода-Хосино 1995, р. 233): *sakana-ga sukkari sugata-o kesu* можно перевести дословно как «рыба **полностью, абсолютно** стёрла свой облик (то есть, исчезла из виду)». Значение «полностью» передано в переводе определяющим существительное местоимением «вся», то есть происходит замена части речи и изменение порядка слов.

Однако возможен перевод и на уровне сочетания, когда значение ОС (чаще всего сема интенсивности или «полноты») входит в качестве компонента значения в переводной эквивалент для основной единицы сочетания:

Kanojo wa sore-ni wa kotaezu, marude hinben-ni uchiagerareta ningyo-no yo:-ni shikkari-to taoru-ni kurumatta mama tenjo:-o nirandeita. (СПВ, р. 34) – «Она не ответила. Глядела в потолок, закутавшись в одеяло - как русалка, выброшенная на берег» (с. 29)

В этом примере ОС *shikkari* («прочность, крепость соединения, слияния», Atoda-Hoshino, с. 196) передано в переводе лексической единицей, содержащей в своём значении компонент интенсивности (закутать, кутать – «плотно завёртывать во что-н.», Ожегов 2003, с. 317).

Voku-ga YWCA-ni tsuita toki-ni wa ame wa mo: sukkari agatte ita ga... (СПВ, р. 124) – «Когда я добрался до места, ливень прекратился...» (с. 102)

В этом примере значение полного прекращения, полного отсутствия также передаётся соответствующей лексической единицей («прекратился» в отличие от «кончился»).

Boku wa sofa:-ni mo: ichido nekoronde rajio-no toppu fo:ti:-o kikinagara jippun bakari bon'yari-to tenjo:-o nagame... (СПВ, р. 84) – «Я повалился на диван и минут десять глядел в потолок, слушая по радио хит-парад...» (с. 67)

Наречие *bon'yari-to* («рассеянно, без сосредоточенности» - Atoda-Hoshino, р. 524) часто переводится контекстуальными или вариативными соответствиями («рассеянно», «задумчиво» и т.п.). Однако использованное в данном случае сочетание «глядеть в потолок», по нашему мнению, ассоциируется в русском языке с отсутствием цели (ср., например, сочетания «взять с потолка», «плевать в потолок», «зевать на потолок» и т.п.) и может компенсировать опущение эквивалента для ОС.

Таким образом, можно сказать, что несмотря на существование определённых тенденций, однозначной зависимости между типом связи в сочетании с оноματοпоэтической единицей и способом перевода не обнаруживается. Можно говорить лишь о способах, характерных для разных типов сочетаний. Возможно, анализ большего количества материала позволит получить более точные данные.

3.3 Оценка адекватности перевода

Для анализа адекватности предлагаемых переводчиками соответствий и осуществляемых переводческих трансформаций мы воспользуемся сравнением нескольких переводов, существующих для одних и тех же текстов¹⁸.

Shiawase-na mono-ni taisuru ichizu-na urami-ga, waraigoe-ni hikidasarete dotto mune-ni afureta.

¹⁸ В этом разделе переводы обозначены следующим образом: рассказ С. Фудзисава *Хасириамэ*: ФЗ – «Внезапный ливень» (пер. А. Зинова), ФР – «Дождь» (в нашем переводе); рассказ Х. Мураками *Асика мацури*: МК – «День тюленя» (пер. Дм. Коваленина), МС – «Праздник сивучей» (пер. В. Смоленского), МЗ – «Фестиваль морских львов» (пер. А. Замилова)

«Чужой смех породил в Какити горькую обиду на всех счастливых людей, которая без остатка завладела его сердцем». (ФЗ)

«Его душу вдруг переполнила вызванная этим смехом слепая ненависть к счастливым». (ФР)

Согласно толкованию, данному в словаре Атода-Хосино 1995, одно из значений единицы *dotto* - «одновременное совершение действия в большом количестве, резкое изменение ситуации» (р. 321-322). Переводчики выбрали для передачи разные семантические компоненты: «большое количество совершаемого действия» («обида *без остатка* завладела сердцем») и «резкое изменение ситуации» («душу *вдруг* переполнила ненависть»).

Остальные семантические компоненты переданы другими средствами. Приставка «за-» в глаголе «завладела» указывает на резкость, быстроту смены событий в первом переводе, а «большое количество совершаемого действия» во втором случае выражено приставкой «пере-» глагола «переполнила».

Таким образом, семантические компоненты выражены в обоих переводах достаточно полно. Что же касается образности, и тот, и другой переводчик используют персонификацию: «обида завладела», «ненависть переполнила», что, на наш взгляд, адекватно передаёт прагматический элемент, содержащийся в оноματοпоэтической единице.

*Sono koro Kakichi wa kaji-no shokunin de, **baribari** hataraita ita.*

«В то далекое время Какити не покладая рук работал в кузнечной мастерской». (ФЗ)

«Он тогда работал в кузне, трудился с утра до ночи». (ФР)

Значение оноματοпоэтической единицы *baribari* – «энергично работать» (Атода-Хосино 1995, р. 392) в одном случае передано с помощью описания

интенсивности процесса («не покладая рук» = «без отдыха»), а в другом – его длительности («с утра до ночи» = «целый день»). Оба переводчика употребили устойчивые сочетания, тем самым в достаточной степени, на наш взгляд, передав образность ОС.

Futari-no hanashigoe-ga, futto shinda Oharu to kodomo-ga hanashite iru yo:-ni kikoeta no de aru.

«Ему казалось, что это покойная Охару разговаривает с их ребенком». (ФЗ)

«Ему вдруг почудилось, что это разговаривают умершая О-Хару и их ребенок». (ФР)

В первом переводе значение оноματοпоэтического слова - «вспоминать что-либо или осуществлять какое-либо действие внезапно, без особой на то причины» (Атода-Хосино 1995, р. 448) - никак не передано. Представляется, что это значение, даже не употребляя наречий «внезапно» или «вдруг», можно было передать совершенным видом глагола.

Totsuzen tobidashita Kakichi-o, hahaoya wa gyotto shita yo:-ni kodomo-o mune-ni dakikominagara miageta.

«В ужасе прижав к груди ребенка, мать с земли взидала на внезапно появившегося человека». (ФЗ)

«Это было так неожиданно, что женщина, вздрагнув, прижала девочку к себе». (ФР)

В этом примере переводчики также выбирают для передачи на русском языке разные семы. Единица *gyot-* описывается в словаре как «мгновенное напряжение при ощущении удивления или страха от внезапной встречи с неожиданным или пугающим» (Атода-Хосино 1995, р. 98). В первом

переводе передана сема «ощущение страха», во втором – «мгновенное напряжение», показавшаяся нам более значимой в данном контексте.

Рассмотрим ещё несколько примеров из переводов рассказа Х. Мураками "Ashika matsuri", выполненных А. Замиловым, В. Смоленским и Дм. Ковалениным.

Ashika-wa wakeshiri kao-ni funfun to unazuite kara heya-o gururi to mimawashita.

1. «Мой собеседник с умным видом кивнул головой и обвёл взглядом комнату». (МЗ)
2. «Он важно, всепонимающе покивал. Оглядел комнату». (МС)
3. «Тюлень со знанием дела покивал головой - и окинул взглядом мое жилище». (МК)

В тексте на ИЯ использованы наречия образа действия *funfun (to unazuku)* – «выражать понимание, согласие» (Атода-Хосино 1995, р. 465) и *gururi (to mimawasu)*, описывающее «(медленный) поворот» (Оно 1984, р. 100-101).

ОС *gururi* употребляется в комплементарных сочетаниях с глаголами, содержащими компонент значения «совершать вращательное движение» (Атода-Хосино 1995, р. 138). Ономатопоэтическая единица дублирует значение главного слова, выражая в то же время такие дополнительные компоненты как «однократность» и «медленность» (которые реализуются в противопоставлении, например, таким единицам как *guruguru* с дополнительным компонентом значения «повторяемость» и *gurut* с дополнительным компонентом значения «однократность»). Представляется, что все три варианта перевода можно признать адекватными, так как они выражают все компоненты значения ОС.

Перевод сочетания *funfun to unazuita* в данном случае определяется сочетаемостью лексем русского языка, а также контекстом. Мы считаем, что

предшествующий обмен ничего не значащими репликами – о погоде, бейсболе и т.п. делает более целесообразным вариант «покивал с умным видом».

"*Ho:ho:, gofufu-de betsubetsu-ni kyu:ka to, sore wa nakanaka yoroshii desu naa*". *Ashika wa so: itte kukkutt to tanoshiso:-ni waratta.*

1. «- Ого! Супруги отдыхают порознь? Забавно! - сказал он и весело хихикнул». (МЗ)

2. «- О-о-о... Раздельный отпуск - это славно! - И сивуч ухмыльнулся». (МС)

3. «- О-о! Муж с женой отдыхают врозь... Ловко вы это придумали! - И он радостно захихикал». (МК)

Звукоподражание *kukkutt to warau* означает «подавляемый горловой смешок, повторяющийся несколько раз» (Атода-Хосино 1995, р. 125). Японский глагол *warau* с общим значением («смеяться, улыбаться») очень часто уточняется каким-либо оноματοпоэтическим словом в детерминированных сочетаниях, поэтому во всех вариантах в качестве эквивалента предлагается отдельная лексема (перевод осуществляется на уровне сочетания).

Наиболее точно дополнительные (внутрилингвистические) компоненты значения японской оноματοпоэтической единицы передаёт глагол несовершенного вида «захихикал» (отсутствие компонента «однократное действие» в значении японского слова *kuttkutt* в отличие от возможного *kutt*). Однако употребление эмоционально окрашенной единицы «ухмыляться», возможно, точнее передаёт отношение рассказчика к своему собеседнику.

"*Mo:shi okuremashita*" *to itte ashika wa kaban-no naka kara gosogoso to meishi-o toridashi, boku-ni sashidashita.*

1. «- Да! Забыл представиться! - морской лев с шелестом вынул из сумки и протянул мне визитку». (МЗ)

2. «- Ах простите, я ведь не представился... - сивуч порылся в портфеле, достал оттуда свою визитку и сунул мне». (МС)

3. «Он полез в саквояж, извлёк оттуда собственную визитку и протянул мне». (МК)

Звукоподражание *gosogoso* описывает шелест, шуршание, производимые «твёрдыми, но лёгкими предметами при соприкосновении» (Оно 1984, р. 110). Первый вариант («с шелестом вынул»), хотя он и сохраняет характер звукоподражания, кажется нам не совсем удачным с точки зрения лексической сочетаемости слов в русском языке.

Во втором и третьем вариантах звукоподражание в переводе не передано. Однако в обоих случаях добавлена лексическая единица: «порылся» (в портфеле), «полез» (в саквояж).

Нам представляется возможным, например, такой вариант перевода: "Морской лев зашуршал визитками, доставая их из портфеля, и вручил одну мне". В этом случае максимально сохраняется конструкция исходного предложения (глагол с уточняющим его словом), не теряется звукоподражание. При этом, переводя ОС на уровне слова, мы прибегаем к замене части речи.

Ashika wa soko-de ko:kateki-ni kotoba-o kitte haizara-no naka-de kusubutte iru hairaito-o kyutt-to momikeshita.

1. «...эффектно оборвал он фразу и с силой затушил в пепельнице тлеющую сигарету». (МЗ)

2. «...здесь он эффектно прервался, чтобы смачно раздавить окурок, чадивший в пепельнице». (МС)

3. «Мой гость выдержал очень вескую паузу и с силой ввинтил в стеклянную пепельницу окурок "Хайлайта"». (МК)

Единица *kyutt (to)* описывается в словаре как «сильное сжатие, нажатие; звук, которым сопровождается это действие» (Оно 1984, р. 75), сочетаясь при этом с глаголами, обозначающими сжатие, надавливание (Атода-Хосино 1995, р. 96). Все три перевода осуществлены с максимальным сохранением структуры оригинала, где глагол уточняется обстоятельством.

Рассматриваемые варианты, как нам кажется, можно расположить по увеличению интенсивности: «с силой затушил» (усилие выражено лишь в уточняющем слове), «смачно раздавил» (глагол и уточняющее слово содержат семантический компонент усилия), «с силой ввинтил» (семантический компонент усилия присутствует в обеих частях, но выражен в большей степени, чем в предыдущем варианте).

С точки зрения стилистики и контекста наиболее удачным нам кажется третий вариант – сама ситуация создания напряжения (эффектная пауза, резкое действие) подсказывает использование варианта с «наибольшим приложенным усилием», но стилистически нейтрального.

Kekkyoku ashika-ga shaberiwatta no wa nijihan-o sukoshi sugita koro-de, boku wa mo: guttari to tsukarehatete ita.

1. «В конечном итоге морской лев утомился чуть позже полтретьего. Я к тому времени уже походил на выжатый лимон». (МЗ)

2. «Когда сивуч наконец закончил, была половина третьего, даже больше. Меня уже покидали последние силы». (МС)

3. «Когда тюлень закончил болтать, на часах перевалило аж за полвторого, и я чувствовал себя как выжатый лимон». (МК)

Во всех трёх случаях перевод ОС *guttari* («лишиться сил и энергии из-за физической или психологической усталости» - Атода-Хосино 1995, р. 127) осуществляется на уровне словосочетания, при этом в двух примерах использован русский фразеологизм «быть как (походить на, чувствовать себя

как) выжатый лимон». Учитывая образность японской ономапии, использование фразеологизма вполне оправдано, хотя второй вариант (с добавлением лексических единиц) нам тоже кажется адекватным.

Для оценки адекватности, очевидно, необходимо задать иерархию воспроизводимых при переводе элементов, как это предлагает, например, Л. Латышев (Латышев 1981). Представляется, что для разных типов ОЕ эта иерархия будет различной. Для ОС детерминирующего и автономного типа доминантным может быть, в первую очередь, собственно лексическое значение, выраженное ономапоэтической единицей.

Для единиц комплементарных сочетаний доминантными могут стать дополнительные элементы значения, такие как «интенсивность признака», «скорость совершения действия», «количественное выражение действия или состояния» и т.п., а также образность, являющаяся одним из элементов значения этих единиц.

Передаваться в переводе могут в разных сочетаниях один или несколько компонентов. Однако доминантные и дополнительные компоненты значения приходится определять в каждом конкретном случае, отказываясь от передачи некоторых (или всех) из них по соображениям стилистики, лексической сочетаемости, объёма текста и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опираясь на результаты исследований отечественных и зарубежных лингвистов, мы проанализировали русские переводные эквиваленты, предлагаемые разными переводчиками для японских оноματοпоэтических единиц, и пришли к следующим выводам.

1. Японские оноματοпоэтические единицы, как правило, могут быть переданы в переводе различными способами. Приёмы перевода, используемые при этом, в целом, совпадают с описанными в теории перевода: нам встретились заимствования, различного рода замены, добавления, компенсации, опущения.

Заимствования, на наш взгляд, воспроизводят в переводе национальный колорит текста на ИЯ, а также помогают сохранить ритмическую структуру текста.

Добавления (и описания) необходимы в том случае, когда все оттенки значения ОС не могут быть выражены в переводе одной лексемой.

Компенсации призваны сохранить образные и другие компоненты значения, релевантные при воспроизведении функций оноματοпоэтических единиц, в том случае, когда эти компоненты не могут быть выражены другими способами.

Оноματοпоэтические единицы могут при переводе опускаться. Это происходит в следующих случаях: когда все основные компоненты значения выражены в других единицах текста на ПЯ; когда передача всех компонентов значения ОС приводит к неоправданному удлинению перевода и/или когда употребление соответствующего эквивалента может привести к нарушению стилистической целостности текста.

2. При наличии универсальных способов существуют и некоторые особенности перевода именно оноματοпоэтических единиц.

Так, опираясь на идеи, высказанные К. Такэути и Ё. Утида, мы считаем необходимым выделить такие способы передачи на русский язык японских звукоподражаний, как употребление так называемых звукоподражательных

глаголов, а также сочетаний, представленных глаголами движения с существительными, обозначающими звук (способ «авес»).

В качестве одного из приёмов перевода мы предлагаем также использовать эквиваленты (обычно звукоподражания), имеющие то же морфологическое строение, что и японские ОС. Мы предлагаем называть такие эквиваленты формальными, так как они максимально передают не только содержание, но и особенности структуры японских онматопоэтических единиц.

В-третьих, нам представляется важным отметить случаи генерализации, когда разным онматопоэтическим единицам в переводе соответствуют одинаковые русские лексемы. Это происходит из-за того, что в переводе часто невозможно отразить все оттенки значения, выражаемые японскими ОС.

3. Нам не удалось обнаружить однозначной зависимости между типами онматопоэтических единиц и приёмами перевода. Однако можно говорить о наличии определенных тенденций. Единицы, участвующие в образовании детерминированных сочетаний, часто переводятся на русский язык отдельными лексемами с конкретным значением; оттенки значений могут также воспроизводиться при переводе как отдельные, уточняющие лексемы.

Ономатопоэтические единицы комплементарных сочетаний чаще опускаются при переводе, так как основное значение данных единиц оказывается выражено другими лексемами. Однако в таких случаях в переводе можно передать образный компонент значения, или дополнительные компоненты, выражаемые собственно структурой ОС. Образность в переводе передаётся при помощи фразеологических или устойчивых сочетаний, просторечных лексем и т.п. Дополнительные компоненты чаще выражаются не лексическими, а грамматическими способами.

Автономные ОС обычно имеют более или менее устоявшиеся соответствия, передающие их собственное лексическое значение.

4. Единицей перевода для оноματοпоэтических слов чаще всего служит сочетание. Однако в случае заимствования единицей перевода становится фонема, а при компенсации такой единицей может стать и предложение. В некоторых случаях ОС переводятся на уровне отдельных лексем (единица перевода – слово), однако чаще встречается такое явление, как перераспределение значений, когда отдельные элементы значения оноματοпоэтических единиц воспроизводятся в разных лексемах ПЯ.

5. Для оценки адекватности перевода необходимо задать иерархию функций, которыми обладают в тексте на ИЯ оноματοпоэтические единицы, и иерархию значений этих единиц. Для одних единиц доминантным может быть лексическое значение (собственное или в сочетании с лексическим значением главного слова), для других – образный компонент или дополнительные значения однократности или многократности, скорости совершения действия.

Мы показали, что оноματοпоэтические единицы в большинстве случаев при переводе нельзя просто отбросить, так как это может привести к искажению смысла или обеднению стиля исходного текста.

Мы считаем, что стремясь к равновеликости текстов на ИЯ и на ПЯ и максимальному сходству их формы, необходимо стараться воспроизвести в переводе функции любой единицы текста и элементы значения этих единиц в соответствии с их иерархией. Таким образом, мы можем уточнить критерии оценки адекватности перевода.

6. Наше исследование позволяет сделать первые шаги в определении универсальных способов перевода ОС. Даже на ограниченном по объёму материале мы можем отметить наличие сходных приёмов перевода ОС, которые исследователи обнаруживают в разных языках (русском, шведском, английском, французском, тайском, индонезийском).

Например, наличие в языке ПЯ сходных по структуре звукоподражательных (или звукоизобразительных) единиц предполагает перевод при помощи формальных эквивалентов. Напротив, отсутствие в ПЯ

достаточного количества сходных по структуре ОЕ, очевидно, приведёт к увеличению числа заимствований (для передачи национального колорита или ритмической структуры произведения) или к замене части речи.

При невозможности выразить все оттенки значения, содержащиеся в ОС, одной лексемой, в ПЯ, вероятно, необходимо будет прибегнуть к добавлениям или описательному переводу. Если это приведёт к неоправданному удлинению фразы на ПЯ и/или нарушению стиля текста, эквивалент для японского ОС, возможно, будет опущен.

Создание типологии переводов японских ОС позволит переводчикам пользоваться уже описанными методами, что должно в некоторой степени облегчить задачу выполнения адекватного перевода.

ИСТОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЁННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ:

1. Долин А. А. *Одинокий сверчок* М., 1987
2. Кобаяси Исса *Ливень пятой луны* (пер. А. А. Долина, В. Н. Марковой, Т. Л. Соколовой-Делюсиной, Н. И. Фельдман) М., 1999
3. Кобаяси Исса *Стихи и проза* (Перевод с японского, предисловие и комментарии Т. Л. Соколовой-Делюсиной) СПб, 1996
4. Haruki Murakami *1973-nen-no pinbo:ru* Kodansha, Tokyo, 1992
5. Haruki Murakami «*Kazu-no uta-o kike*» Kodansha, Tokyo, 1992
6. П73 - Харуки Мураками *Пинбол-1973* Пер. В. Смоленского М., 2004
7. СПВ - Харуки Мураками *Слушай песню ветра* пер. В. Смоленского М., 2004
8. Haruki Murakami *Ashika Matsuri*
http://vladivostok.com/Speaking_In_Tongues/haruki.htm/HM-rebuttal.htm
9. МС - Харуки Мураками *Праздник сивучей* Пер. В. Смоленского.
http://vladivostok.com/Speaking_In_Tongues/haruki.htm/HM-Y.htm
10. МК - Харуки Мураками *День тюленя* Пер. Д. Коваленина
http://vladivostok.com/Speaking_In_Tongues/haruki.htm/HM-Z.htm
11. МЗ - Харуки Мураками *Фестиваль морских львов* Пер. А. Замилова
http://vladivostok.com/Speaking_In_Tongues/haruki.htm/HM-X.htm
12. Fujisawa Shuhei *Hashiriame* в сб. *Переводы призеров 5-го Международного конкурса переводов 2003-2004, Сидзуока, Япония* Комитет народного образования префектуры Сидзуока, 2005
13. ФЗ - Фудзисава Сюхэй *Внезапный ливень* пер. А. Зинова в сб. *Переводы призеров 5-го Международного конкурса переводов 2003-2004, Сидзуока, Япония* Комитет народного образования префектуры Сидзуока, 2005
14. ФР - Фудзисава Сюхэй *Дождь* пер. Н. Румак в сб. *Переводы призеров 5-го Международного конкурса переводов 2003-2004, Сидзуока, Япония* Комитет народного образования префектуры Сидзуока, 2005
15. ЯНС - *Японские народные сказки* Пер. В. Марковой М., 1991
16. *Дед Кобутори* в *Японские народные сказки* Пер. В. Марковой М., 1991
17. *Мышинный рай* в *Японские народные сказки* Пер. В. Марковой М., 1991
18. *Пепел, лети, лети!* в *Японские народные сказки* Пер. В. Марковой М., 1991
19. *Комэбукуро и Авабукуро* в *Японские народные сказки* Пер. В. Марковой М., 1991
20. *Гора Кати-Кати* в *Японские народные сказки* Пер. В. Марковой М., 1991
21. *Ури-химэ и Аманодзяку* в *Японские народные сказки* Пер. В. Марковой М., 1991
22. MNM - *Manga Nihon mukashibanashi hyakuwa* S.Kawauchi ed., Kodansha, Tokyo, 1984
23. OM - *Okinawa-no minwa. Nihon-no minwa II* I. Iba ed., Miraisha, Tokyo, 1974
24. ПЗХ - *Поле заколдованных хризантем. Японские народные сказки* М., 1994
25. *Петух, нарисованный на свитке* в *Поле заколдованных хризантем. Японские народные сказки* М., 1994
26. *Чудесный странник* в *Поле заколдованных хризантем. Японские народные сказки* М., 1994
27. *Волшебный котелок* в *Поле заколдованных хризантем. Японские народные сказки* М., 1994
28. *Смельчак Гон и старая лиса* в *Поле заколдованных хризантем. Японские народные сказки* М., 1994
29. *Лазоревый кувшинчик* в *Поле заколдованных хризантем. Японские народные сказки* М., 1994

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Толковые словари на японском и двуязычные словари на японском и английском языках:

1. Аманума 1974 Y. Amanuma *Giongo-Gitaigo Jiten* (Словарь звукоподражательных и звукоизобразительных слов), Tokyudo, Tokyo, 1974
2. Асано 1978 Ts. Asano *Giongo-gitaigo Jiten* (Словарь звукоподражательных и звукоизобразительных слов), Kadokawa-shoten, Tokyo, 1978
3. Атода-Хосино 1995 T. Atoda, K. Hoshino *Giongo-gitaigo tsukaikata jiten* (Словарь употребления звукоподражательных и звукоизобразительных слов), Sotakusha, Tokyo, 1995, 2nd ed.
4. Какэхи-Тамори 1996 H. Kakehi, I. Tamori, L. Schourup *Dictionary of Iconic Expressions in Japanese*, Mouton de Gruyter, Berlin – New York, 1996
5. Мито-Какэхи 1984 Y. Mito, H. Kakehi *Nichiei Taisho: Giseigo (onomatope) Jiten* (Словарь сопоставлений японских и английских звукоподражательных слов (ономатопеи)) Shukan Gakusho:bo:, Tokyo, 1984.
6. Нихон 1976 *Nihon Kokugo Daijiten* (Большой толковый словарь японского языка) Nihon Daijiten Kanko:kai, Sho:gakukan, Tokyo, 1975, 2nd ed.
7. Оно 1984 H. Ono *Nichiei Gion-Gitaigo Katsuyo: Jiten* (Японско-английский словарь употребления звукоподражательных и звукоизобразительных слов) Hokuseido-shoten, Tokyo, 1984.
8. Гоми 1989 T. Gomi *Eigojin to nihongojin-no tame-no nihongo gitaigo jiten (An illustrated dictionary of Japanese onomatopoeic expressions)* Japan taimuzu, Tokyo, 1989
9. Фудзита-Акихо 1984 S. Fujita, S. Akiho, ed. *Waei giongo-gitaigo hon'yaku jiten* (Японско-английский словарь примеров перевода звукоподражательных и звукоизобразительных слов), Kinseido, Tokyo, 1984
10. Хида-Асада 2002 H. Asada, Y. Hida *Gendai Giongo-gitaigo Yo:ho: Jiten* (Словарь современного употребления звукоподражательных и звукоизобразительных слов), Tokyudo, Tokyo, 2002
11. Чен 1990 A. C. Chang *Waei gitaigo-giongo Bunrui Yo:ho: Jiten* (Японско-английский словарь употребления звукоизобразительных и звукоподражательных слов по категориям) Taishu:kan-shoten, Tokyo, 1990
12. Ямагути 2003 N. Yamaguchi *Kurashi-no kotoba gion-gitaigo jiten* (Словарь повседневного употребления звукоподражательных и звукоизобразительных слов) Kodansha, Tokyo, 2003

Толковые и энциклопедические словари, учебные пособия на русском, а также двуязычные словари на русском и японском языках:

1. Головнин 2003 *Учебник японского языка* под ред. И. В. Головнина, М., 2003, 3-е издание
2. Консайз 1966 *Concise Sansaido Японско-русский словарь* Сансэйдо, Токио, 1966
3. Ожегов 2003 С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова *Толковый словарь русского языка* М., 2003, 4е изд.
4. Языкознание 1998 *Большой энциклопедический словарь «Языкознание»* под ред. В. Н. Ярцева, М., 1998

Литература на японском языке:

1. Аоки 2003 Т. Aoki *Nichieigo Hyo:gen Hikaku – Miyazawa Kenji-no Sakuhin-ni Mirareru Onomatope-no Eigobun-ni Motozuite* (Сравнение японских и английских выражений – по английским переводам ономотопеи из произведений Миядзавы Кэндзи) // *Ningen Bunka, Aichi Gakuin Daigaku Ningen Bunka Kenkyu:jo* Kiyo: 18, 2003 № 9, pp. 1-55
2. Идзуми 1976 К. Izumi *Giseigo-gitaigo-no tokucho:* (Особенности звукоподражательной и звукоизобразительной лексики) // *Nihongo-no goi to hyo:gen, Nihongo Ko:za* vol. 4, T. Suzuki ed., Tokyo, 1976
3. Джордан 1982 Е. Н. Jordan *Gisei-gitaigo to eigo* (Звукоподражательная и звукоизобразительная лексика японского языка и английский язык) // *Nihongo hikaku ko:za, vol 4, Hasso: to Hyo:gen, T. Kunihiro ed., Taishukan-shoten, Tokyo, 1982*
4. Кадоока 1993 К. Kadooka *Nihongo-no “Giji onomatope” – Nihongo to chu:gokugo-no setten* («Квазиономатопея» в японском языке: точки соприкосновения японского и китайского языков) // *Onomatopia: Gion-gitaigo-no rakuen, H. Kakehi, I. Tamori ed., Keiso:-shoten, Tokyo, 1993, pp. 145-218*
5. Какэхи 1993а Н. Kakehi *Ippan Goi to natta Onomatope* (Ономатопозитические слова как единицы общей лексики) // *Gengo, 1993, № 6, vol. 22, pp. 38-45*
6. Какэхи 1993б Н. Kakehi *Bungakuhin-ni mirareru onomatope hyo:gen-no nichiei taisho:* (Сравнительный анализ ономотопозитических единиц в произведениях английской и японской литературы) // *Onomatopia: Gion-gitaigo-no rakuen* (Ономатопея: райские сады звукоподражательных и звукоизобразительных слов), Н. Kakehi, I. Tamori ed., Keiso:-shoten, Tokyo, 1993, pp.127-144
7. Какэхи-Тамори 1993 Н. Kakehi, I. Tamori ed. *Onomatopia: Gion-gitaigo-no rakuen* (Ономатопея: райские сады звукоподражательных и звукоизобразительных слов) Keiso:-shoten, Tokyo, 1993
8. Какэхи 2001 Н. Kakehi *“Henshin” suru Onomatope* (Преображающиеся ономотопозитические единицы) // *Gengo, 2001-8, vol. 30, № 9*
9. Касиваги 1993 Н. Kashiwagi *Onomatopeteki naru mono-o umidasu sho:hi bunka* (Ономатопозитические явления, порождаемые культурой массового потребления) // *Gengo, 1993, № 6, vol. 22, pp. 78-85*
10. Киндайти 1978 Н. Kindaichi *Giongo-gitaigo gaisetsu* (Основные черты звукоподражательных и звукоизобразительных слов японского языка; вступ. статья) // *Giongo-gitaigo Jiten, Ts. Asano, Kadokawa-shoten, Tokyo, 1978*
11. Кодзима 1965 Н. Kojima *Shijin to onomatope* (Поэты и ономотопея) // *Gengo-seikatsu, 1965, № 12, pp. 50-57*
12. Кодзима 1972 К. Kojima *Gendai bungaku to onomatope* (Ономатопея в современной литературе) Ofusha, Tokyo, 1972
13. Кобаяси 1933 Н. Kobayashi *Kokugo sho:cho:on-no kenkyu:* (Исследования звукового символизма в японском языке) Tokyo, 1933
14. Кубо 1995 А. Kubo *Miyazawa Kenji-no onomatope-no sekai* (Мир ономотопеи Миядзавы Кэндзи) // *Kobe kaisei joshi gakuin daigaku tankidaigaku kenkyu:kiyo:, 1995, № 34, pp. 17-30*
15. Мацумото-Като 1993 Н. Matsumoto, Н. Kato *“Bauwau” ka “Wanwan” ka* (Лай собаки: «баувау» или «ванван») // *Gengo, 1993, № 6, vol. 22, pp. 60-67*

16. Мацусита 1993 S. Matsushita *Nishi-afurika-no onomatope* (Ономатопея в языках Западной Африки) // *Gengo*, 1993, № 6, vol. 22, pp. 34-37
17. Миядзи 1978 Yu. Miyaji *Giongo-gitaigo-no keitairon sho:ko:* (Размышления о морфологии звукоподражательных и звукоизобразительных слов японского языка) // *Kokugogaku*, 1978, № 115, pp. 33-39
18. Мория 1987 S. Moriya *Onomatope (Giongo-Giseigo-Gitaigo) – Seio:go to Nihongo (sono I)* (Ономатопея в западно-европейских языках и в японском языке) // *Wakayama Daigaku Kyuo:ikugakubu Kiyu: Jinbunkagaku* 1978, № 36, pp. 106-114
19. Мурата 1993 T. Murata *Nichieigo-no AB-gata Onomatope Ju:fukuken. To:i Ko:zo: hyo:gen-no kankei* (Сравнение структуры и позиций ономатопоэтических единиц сложных моделей в японском и английском языках) // *Onomatopia: Gion-gitaigo-no rakuen* Keiso:shoten, H. Kakehi, I. Tamori ed., Tokyo, 1993, pp. 101-125
20. Нисио 1983 T. Nishio *Onsho:cho:go-ni okeru imi, yo:ho:-no tenka-no ichiruikei* (Некоторые итоги изменений значений и употребления звукоимпульсивных единиц) // *Fukuyo:go-no kenkyu:*, M. Watanabe ed., 1983, pp. 159-176
21. Осака 1999 N. Osaka ed. *Kansei-no kotoba-o kenkyu:suru : giongo-gitaigo-ni yomu kokoro-no arikata* (Изучение сенсорно-изобразительных слов: эмоциональный подтекст в звукоподражательных и звукоизобразительных словах) Shinyosha, Tokyo, 1999
22. Ооцубо 1989 H. Ootsubo *Giseigo-no kenkyu:* (Исследование звукоподражаний японского языка) Meiji-shoten, Tokyo, 1989
23. Саванобори-Браннен 1988 H. Sawanobori, N. S. Brannen *Kino:teki hon'yaku-no susume: komyunike:shon toshite-no hon'yaku* (Рекомендации по функциональному переводу: перевод как коммуникация) Baberu puresu, Tokyo, 1988
24. Сайденстиккер 1962 E.G. Seidensticker, K. Nasu *Nihongo-rashii hyo:gen-kara eigo-rashii hyo:gen-e* (От правильного японского к правильному английскому) Baifukan, Tokyo, 1962
25. Сайто 1993 H. Saito *Onomatope-o eiyaku-suru* (Как перевести ономатопоэтические слова на английский язык) // *Gengo*, 1993, № 6, vol. 22, № 6 pp. 46-47
26. Сасаги 1986 F. Sasagi *Gitaigorui-no gobi-ni tsuite* (Об окончаниях звукоизобразительных слов) // *Matsumura Akira kyō:ju koki kinen ronbunshu:*, 1986, pp. 723-736
27. Судзуки 1977 R. Suzuki *Iwayuru fukushi gobi-no “ni” ni tsuite – kakujoshi-no kaibunrui-ni oyobu* (О так называемом окончании наречий «ни») // *Matsumura Akira kyō:ju kanreki kinen*, Kokugogaku to kokugoshi, 1977
28. Судзуки 1980 Y. Suzuki *Jo:tai fukushi-no seishitsu-ni tsuite-no sho:ken* (Размышления о свойствах наречий образа действия) // *Yamagata daigaku kiyu: (jinbunkagaku)*, 1980, 9-3
29. Такэути 1993 K. Takeuchi *Sho:cho:go-no honyaku-o meguru futatsu-no mondai – nihongo, furansugo-no “yo:tai hyo:gen” (sono I)* (Две проблемы перевода звукоимпульсивных слов: выражения, описывающие состояние, в японском и французском языках) // *Musashino daigaku jinbungakkai zasshi*, 1998, № 24-4, pp. 47-77
30. Тамори 1989 I. Tamori *Onomatope-o megutte* (К вопросу об ономатопее) // *Gengo*, 1989, № 11, vol. 18, pp. 32-36

31. Тамори 1991 I. Tamori *Nihongo onomatope-no kenkyu* (Исследование японской ономотопеи) Kobe, 1991
32. Тамори 1993 I. Tamori *Nihongo onomatope-no on'in-keitaiteki tokucho:* (Фонетические и морфологические особенности японских ономотопов) // *Gengo*, 1993, № 6, vol. 22 pp. 70-78
33. Тамори–Шойруп 1999 I. Tamori, L. Schourup *Onomatope: keitai to imi* (Ономатопея – форма и значение) Kuroshio, Tokyo, 1999
34. Тамори 2002 I. Tamori *Onomatope, gion-gitaigo-o tanoshimu* (Занимательная ономотопея – звукоподражательные и звукоизобразительные слова) Iwanami-shoten, Tokyo, 2002
35. Тамори 2004 I. Tamori *Miyazawa Kenji-no onomatope* (Ономатопея Миядзавы Кэндзи) // *Nihongo-no bunseki to gengoruikei: Shibatani Masayoshi kyō:ju kanreki kinen ronbunshu:* Т. Kageyama, Н. Kishimoto ed., Kuroshio, Tokyo, 2004
36. Утида 1996 Y. Uchida *Gion-Gitaigo-no Fu-yaku-ni tsuite* (О переводе на французский язык звукоподражательных и звукоизобразительных слов японского языка) // *Kanazawa Daigaku Bungakubu Ronshu: Bungakuka-hen*, 1996, №16, pp. 65-80
37. Хандаяни 2002 D. S. Handayani *Nihongo-indoneshiago-no onomatope-no hon'yaku jittai – “Madogiwa-no Totto-chan”-o sono tansho to shite* (Переводы японских ономотопоэтических слов на индонезийский язык – на примере произведения «Тотто у окна») // *Nagoya daigaku nihongogaku kenkyu:shitsu – Kako, genzai, mirai*, 2002, № 4, pp. 177-183
38. Хаясэ 1978 M. Hayase *Eigoyaku-o tooshite mita nihongo-no giseigo-no tokucho:* (Особенности звукоподражательных слов японского языка с точки зрения их перевода на английский язык) // *Kansai gaikokugo daigaku kenkyu: ronshu.*, 1978-9, № 28, pp. 117-127
39. Хории 1986 R. Horii *Giongo-gitaigo-no gengogaku* (Звукоподражательные и звукоизобразительные слова в лингвистике) // *Nihongogaku*, 1986, vol 5, № 7, pp. 4-12
40. Шойруп 1993а L. Schourup *Nichi-ei onomatope-no taisho: kenkyu:* (Сравнительный анализ ономотопоэтических явлений в японском и английском языках) // *Gengo*, 1993, № 6, vol. 22, pp. 48-55
41. Шойруп 1993б L. Schourup *Nihongo-no kakikotoba, hanashikotoba-ni okeru onomatope-no bunpu-ni tsuite* (О распределении ономотопоэтических единиц в японской письменной и устной речи) // *Onomatopia: Gion-gitaigo-no rakuen* (Ономатопея) Н. Kakehi, I. Tamori ed., Keiso:-shoten, Tokyo, 1993
42. Ямагути 1976 K. Yamaguchi *Taigen* (Тайгэн) // *Iwanami Ko:za nihongo* 6, Iwanami shoten shoshu., Tokyo, 1976
43. Ямамото 1991 Т. Yamamoto *Nihongo Onomatope-no Taigo Honyaku-no Kano:sei to Genkai (1) – “Madogiwa-no Totto-chan”-o megutte* (Возможности и ограничения при переводе японских ономотопоэтических единиц на тайский язык: по произведению «Тотто у окна») // *So:ka Daigaku Bekka Kiyō.*, 1991, №5, pp. 1-14
44. Янасэ 2000 N. Yanase *Hon'yaku wa ika-ni subeki ka* (Каким должен быть перевод) Iwanami-shoten, Tokyo, 2000

На английском и французском языках:

1. Абелин 1999 Â. Abelin *Studies in sound symbolism* Diss. - Göteborg Univ., 1999, <http://www.ling.gu.se/~abelin/phonest.html>
2. Ельмслев 1971 L. Hjelmslev *Essais linguistiques* Les Editions de Minuit, Arguments, 1971
3. Ларсон 1984 M. L. Larson *Meaning-Based Translation; A Guide to Cross-Language Equivalence* University Press of America, Lanham, USA, 1984
4. Миллингтон 1993 S. Millington *Nihongo pera-pera* Tokyo, 1993
5. Мунэн 1963 G. Mounin *Les problèmes théoriques de la traduction* Paris, Gallimard, 1963
6. Мурата 1990 T. Murata *AB Type Onomatopes and Reduplicatives in English and Japanese* // Linguistic Fiesta: Festschrift for Professor Hisao Kakehi's Sixtieth Birthday, Kuroshio, Tokyo, 1990, pp. 277-272
7. Найда-Ваард 1986 E. Nide, J. de Waard *From one language to another* Nelson, 1986
8. Огден-Ричардс C. K. Ogden, I. A. Richards *The meaning of meaning* Ark Edition, London, Boston and Henley, 1985 (1st ed. 1923)
9. Сайденстиккер E. Seidensticker, *On Trying to Translate Japanese: The Craft of Translation*, ed. John Biguenet and Rainer Schulte, Chicago: The University of Chicago Press, 1989
10. Сепир 1921 E. Sapir *Language* 1921
11. Фликсе 2002 M. Flyxe *Translation of Japanese Onomatopoeia into Swedish (with focus on lexicalization)* // Africa & Asia, Dept of Oriental and African Languages, Göteborg University, 2002, № 2, pp. 54-73
12. Фукуда 1993 H. Fukuda *Flip, slither & bang: Japanese sound and Action words* Kodansha international, Tokyo-London, 1993
13. Фукуда 2003 H. Fukuda *Jazz up your Japanese with onomatopoeia: for all levels* Kodansha international, Tokyo, 2003
14. Хамано 1998 S. Hamano *The Sound-Symbolic System of Japanese (Revision of the author's thesis (PhD))* CSLI Publications, California & Kuroshio Shuppan, Tokyo, 1998
15. Шислер 1997 B. K. Shisler *The Influence of Phonesthesia on the English Language* <http://www.geocities.com/SoHo/Studios/9783/phond1.html>

На русском языке:

1. Алпатов 1979 В. М. Алпатов *Структура грамматических единиц в современном японском языке* М., 1979
2. Андреев 2003 Андреев А. *Что такое хайку?* <http://www.haiku.ru/frog/def.htm>
3. Ахманова 1969 Ахманова О.С. и др. *Основы компонентного анализа* под ред. Э.М. Медниковой, М., 1969
4. Бархударов 1975 Бархударов Л. С. *Язык и перевод* М., 1975
5. Быкова 1985 Быкова С. А. *Устойчивые сочетания в современном японском языке* М., 1985.
6. Вежбицкая 1999 А. Вежбицкая *Семантические универсалии и описание языков* М., 1999
7. Вертоградская Вертоградская Э. А. *Раскрытие семантики иноязычных грамматических форм через обращение к стилистике (опыт стилистического эксперимента)* // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком ред. А. Л. Леонтьева и Т. В. Рябовой, М., 1969
8. Воронин 1982 Воронин С. В. *Основы фоносемантики* Л., 1982

9. Гак 1966 Гак В. Г. *Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова // Вопросы языкознания*, 1966, № 2, с. 97-105
10. Гарбовский 1998 Гарбовский Н.К. *О некоторых проблемах современной науки о переводе // Вестник МГУ сер. 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1988, № 3, с. 125-134
11. Гинзбург 1978 Гинзбург Р. С. *Значение слова и методика компонентного анализа // Иностранные языки в школе* М., 1978, № 5, с. 21-26
12. Гривнин 1999 Гривнин В. С. *Основы перевода. Курс лекций* М., 1999.
13. Конрад 1937 Конрад Н. И. *Синтаксис японского языка* М. 1937
14. Комиссаров 1973 Комиссаров В. Н. *Слово о переводе* М., 1973
15. Комиссаров 1980 Комиссаров В. Н. *Лингвистика перевода* М., 1980
16. Комиссаров 1982 Комиссаров В. Н. *Прагматические аспекты перевода // Прагматика языка и перевод* М., 1982
17. Коршикова 1987 Коршикова Т.Л. *Звуковой состав японских ономастов // Вопросы японской филологии* М., 1987
18. Коршикова 1988 Коршикова Т.Л. *Описание лексического значения ономастопозэтического слова // Вестник Московского Университета сер. 13, Востоковедение*, 1988, № 4, с. 48-53
19. Латышев 1981 Латышев Л. К. *Курс перевода (эквивалентность перевода и способы её достижения)* М., 1981
20. Левый 1974 И. Левый *Искусство перевода* М., 1974
21. Медникова 1974 Медникова Э. М. *Значение слова и методы его описания* М., 1974
22. Миньяр-Белоручев 1976 Миньяр-Белоручев Р. К. *Учебное пособие по теории перевода* М., 1976
23. Миньяр-Белоручев 1980 Миньяр-Белоручев Р.К. *Общая теория перевода и устный перевод* М., 1980
24. Найда 1970 Ю. А. Найда *Наука перевода // Вопросы языкознания* 1970, № 4, с. 3-14
25. Плетнер-Поливанов 1930 Плетнер О. В., Поливанов Е. Д. *Грамматика японского разговорного языка (Труды Московского института востоковедения XIV)* М., 1930
26. Подшибякина 2003 Подшибякина А. А. *Ономастопозэтическая лексика в японском языке (учебное пособие)* М., 2003
27. Поливанов 1968 Поливанов Е. Д. *По поводу звуковых жестов японского языка // Статьи по общему языкознанию* М., 1968
28. Потебня 1993 Потебня А. А. *Мысль и язык* М., 1993 (1-е изд. 1862)
29. Рецкер 1974 Рецкер Я. И. *Теория перевода и переводческая практика* М., 1974
30. Скаличка 1967 В. Скаличка *Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок* М., 1967, с. 277-316
31. Соссюр 1998 Ф. де Соссюр *Курс общей лингвистики* М., 1998 (перевод со 2-го французского издания)
32. Стернин 1979 Стернин И. А. *Проблемы анализа структуры значения слова* Воронеж, 1979
33. Фёдоров 1958 Фёдоров А. В. *Введение в теорию перевода* М., 1958 г.
34. Фёдоров 1968 Фёдоров А. В. *Основы общей теории перевода* М., 1968
35. Фролова 1988 Фролова О. А. *Ономастопозэтические слова японского языка в функции экспрессивной характеристики человека и их системные связи // Системные отношения на разных уровнях языка* Новосибирск, 1988, с. 65-70, <http://www.philology.ru/linguistics4/frolova-88.htm>

36. Черевко 1964 Черевко К. Е. *Наречие в современном японском языке* автореф... дисс. к.ф.н. М., 1964
37. Черевко 1971 Черевко К. Е. *Наречия в системе частей речи современного японского языка // Вопросы японского языка* под ред. И. Ф. Вардуля М., 1971, с. 79-112
38. Чиронов 2004 Чиронов С. В. *Ономатопоэтические слова в современном японском языке (проблемы функционирования)* дисс. к.ф.н., М., 2004
39. Швейцер 1973 Швейцер А. Д. *Перевод и лингвистика* М., 1973
40. Швейцер 1988 Швейцер А. Д. *Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты* М., 1988
41. Шмелёв 1973 Шмелёв Д. Н. *Проблемы семантического анализа лексики* М., 1973

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении мы приводим выдержки из составленного нами «Словаря эквивалентов ономатопоэтической лексики японского языка», представляющего собой практический результат диссертации.

Лексикографическое описание ономатопоэтических единиц составлено на основе описания единиц в толковом словаре *Giongo-gitaigo tsukaikata jiten* (Атода-Хосино 1995). Мы стремились выделить как можно больше компонентов значения ОС (как доминантных, так и дополнительных сем). В словаре приводится, как правило, описательное значение каждой единицы, так как мы считаем, что большая часть ОС имеет контекстуальные соответствия, и значение единиц равно их словоупотреблению.

Для каждой единицы указывается ее тип (звукоподражание, описание образа действия или степень), приводятся единицы, с которыми сочетается ОС.

Далее даются конкретные примеры словоупотребления, в основном, по названному словарю *Giongo-gitaigo tsukaikata jiten* (Атода-Хосино 1995) и японско-английскому словарю *Nichiei Gion-Gitaigo Katsuyo: Jiten* (Оно 1984).

В конце некоторых словарных статей приводятся структурные и фонетические варианты описываемых ядер. Также объясняются различия в значениях некоторых ОС в тех случаях, если их нельзя объяснить только структурными или фонетическими особенностями этих единиц.

あたふた

[atafuta]

Совершение действия второпях, поспешно, суетливо; тж. растрёпанные чувства, смущение (*сост.*)

<人>が・・・ (と) うろたえる、<する>

する

1. 万引きだと責められ、**あたふた**したよ。Я **растерялся**, когда меня обвинили в краже товаров в магазине.

2. 彼女は昼休みに映画の前売り券を買いに**あたふた**と出て行った。В перерыв она **помчалась** покупать билеты в кино по предварительной продаже.

3. 団地のガス漏れ事故現場へ**あたふた**駆けつけた。Я **сломя голову бросился** в тот микрорайон, где произошла утечка газа.

4. 6時のフェリーで横浜港に上陸して、**あたふた**と横浜のネオン街を探した。Я приехал в Иокогаму на 6-часовом пароме и стал **рыскать туда-сюда** в поисках залитых неоновым светом улиц.

5. 友達が成田国際空国に着いたという電話で、彼は**あたふた**と会社を飛び出して行った。Когда его друг позвонил ему и сообщил, что прибыл в международный аэропорт Нарита, он бросил всё и **стремглав** вылетел из офиса.

6. 財布をすられたという男が駅長室に**あたふた**駆け込んできた。В кабинет начальника станции **запыхавшись, вбежал** мужчина, у которого, по его словам, вытащили кошелёк.

7. 大荷物をしょったおばさんが発車ベルの鳴っている電車に**あたふた**と乗り込んできた。В поезд, уже давший сигнал к отправлению, **впопыхах** влетела тётка с огромными сумками.

8. 災害時に**あたふた**うろたえぬよう、日ごろから準備してある。Чтобы **сохранять спокойствие** в случае стихийных бедствий, я готовлюсь к этому заранее.

9. お客様の顔を見てから部屋の片づけに**あたふた**するなんて不用意ですよ。Что это за прием, когда при виде гостей начинают **впопыхах** прибираться в комнате.

10. 人事異動の発表があるというので、社内は**あたふた**して落ち着かない。Все на работе **суетятся**, так как ждут объявления результатов перестановки кадров.

あつ

[a]

1. Непроизвольный вскрик, звук, который вырывается при удивлении, от неожиданности (*звукподр., междометие*)

<人>が・・・と叫ぶ、言う

1. あまりの美しさに思わずあっと声をあげた。 Было так красиво, что я **невольно** ахнул.

2. あっと叫んだときにはもうおそい。花瓶は床に落ちて割れてしまった。 Я **вскрикнул**, но было уже поздно. Ваза, упав на пол, разлетелась на куски.

3. あっという間もなく、かばんをひったかれてしまったのです。 Не успел я **моргнуть глазом**, как у меня отняли портфель.

2. Сильное удивление, неожиданность. (*сост.*)

<人>が・・・と驚く、気づく

1. だれもがあっと驚くような変身ぶりで、きれいになっていたよ。 И она стала такой красавицей, что все **только диву дались**.

2. 別れたあとで、渡すものがあつたことをあつと思い出した。 Мы уже распрощались, когда я **спохватился**, что должен был кое-что передать.

あっさり

[assari]

1. Лёгкий, тонкий вкус или неяркий, неброский цвет. (*стен.*)

<食品>が・・・ (と) 味つけされる

する

<絵>が・・・と彩られる

1. 暑いと、とかくあっさりしたものばかり食べるから、よけいスタミナがなくなる。 Из-за того, что в жару всё время ешь только **лёгкую** пищу, наоборот, теряешь силы.

2. この画家の絵はパステルカラーであっさりと色づけされているのが特色だ。 Характерная черта картин этого художника в том, что они написаны **нежными** пастельными тонами.

3. 水彩画は油絵と違って色があっさりしているから気持ちが休まる。 Акварели, в отличие от картин маслом, написаны **неброскими** красками, поэтому создают спокойное, умиротворенное настроение.

4. 京都料理の命はあっさりした味つけにあるとよくいわれている。 Говорят, что сущность киотоской кухни - в **тонком** вкусе её блюд.

2. Простота, отсутствие вычурности.(*сост.*)

<デザイン、柄>が・・・する

1. 今年のファッションは昨年とはうって変わってデザインの**あっさり**したものが主流のようだ。Мода в этом году кардинально изменилась по сравнению с прошлым годом, похоже, что теперь носят вещи **простого** дизайна.

2. 彼は今年流行の**あっさり**した柄シャツをたくみに着こなしている。На нём очень изящно сидит модная в этом году рубашка с **простым** узором.

3. Спокойное отношение к проблеме; решительность, отсутствие колебаний (*сост.*)

<人、組織>が・・・（と）承諾する、許可する、認める、譲る

<決意、態度>が・・・（と）変わる、失われる

1. 工場買収となればあれこれ条件をつけてくると思ったのに、こっちの言い値で**あっさり**承諾した。Я боялся, что когда дело дойдет до продажи завода, нам начнут выдвигать разные условия, но они **легко** согласились на предлагаемую нами цену.

2. 彼は**あっさり**その新規事業を引き受けた。Он согласился на новый проект **легко, без колебаний**.

3. 一億円を、**あっさり**と社会福祉に寄付した。Он **не раздумывая** пожертвовал 100 млн. иен на социальные нужды.

4. 首相は**あっさり**彼との独占いたビューに同意した。Премьер-министр **легко** согласился дать ему эксклюзивное интервью.

5. 彼は**あっさり**自分の誤りを認め、その姿勢を変えた。Он **легко** признал свою ошибку и изменил свои позиции.

6. 彼女は芸域が広い。どんな難しい役柄でも、**あっさり**やりこなす。Её творческий диапазон очень широк. Какая бы ни была сложная роль, она **легко** справляется с ней.

7. 兄は家業も遺産も**あっさり**私に譲り、外国へ行ってしまった。Брат **легко** уступил мне наследство и семейный бизнес и уехал за границу.

4. Быстрая, лёгкая смена событий. (*сост.*)

<態勢、悶着>が・・・（と）変わる、終わる

1. 互角の勝負を期待していたのに、いきなりアッパーカットでダウンして一回戦で**あっさり**幕切れ。Все ожидали равной борьбы, но схватка **неожиданно быстро** закончилась нокдауном после апперкота в первом же раунде.

2. あの人の鶴のひと声で労使紛争は**あっさり**と決意した。Вопрос об использовании рабочей силы был **моментаально** решен благодаря его веским словам.

あっふあっふ

[арриарру] (A) [арриарру] (B)

1. Ощущение нехватки воздуха из-за попавшей в рот жидкости (*сост.*)

<人>が・・・<水中>で・・・もがく、苦しむ (A)

する (A)

1. 少年は小川であっふあっふもがいている子犬を助けて家へ連れ帰った。

Мальчик спас щенка, **барахтавшегося** в ручье, и принёс его домой.

2. 泳いでいて、足がつってあっふあっふしたことがある。Как-то раз, когда я купался, мне свело ногу судорогой, и я начал **захлёбываться**.

3. 水槽の魚が水面にあがってきてあっふあっふ苦しそうにしているよ。
Смотри, рыбка в бочке всплыла на поверхность и **хватает воздух ртом**, как будто ей трудно дышать.

2. (*Перен.*) **загруженность** проблемами, попытки решить большое количество проблем (часто связанных с денежными вопросами) (*сост.*)

<人>が・・・ (と) 働く、暮らす (A)

する (A)

・・・の<生活、事業、状態> (B)

1. 彼は借金であっふあっふしている。Он **по уши** в долгах. / Он в долгах, как в шелках. / Он задыхается под грузом долгов.

2. 借金も返せないし、商売もよくなって、このところあっふあっふだ。У меня **по горло** проблем - ни с долгами рассчитаться не могу, ни дела наладить.

3. 会社は倒産するし、妻には逃げられるし、彼はあっふあっふだ。У него **сплошные** проблемы - компания его обанкротилась, жена сбежала...

4. 最近は子供の勉強が難しくなって、宿題を質問されたりすると父親もあっふあっふだ。Учёба у детей в последнее время всё сложнее, и отцы **не знают, что и делать**, когда их просят помочь с домашним заданием.

5. 何が高度経済成長だ。肝心の国民は以前あっふあっふの生活を強いられているじゃないか。Какой экономический рост! Людям-то всё равно приходится ежедневно **бороться за выживание!**

いそいそ

[isoiso]

Бодрые и радостные действия, ощущения в предчувствии каких-либо радостных событий, исполнения желаний (*сост.*).

<人>が・・・(と) <する>

する

1. 長男の入学式。妻も晴れ着でいそいそ出かけていった。У старшего сына церемония посвящения в студенты. Моя жена, тоже нарядная, **поспешила** туда.

2. 久しぶりの家族旅行。妻も子供もいそいそとしたくをしている。Впервые за долгое время мы всей семьей отправляемся в путешествие. И жена и дети **радостно хлопочут**, собираясь в дорогу.

3. ボーナス日となれば出勤するにも、いつになくいそいそする。В день выплаты премии даже на работу собираешься **быстрее**, чем обычно.

4. 初めてのヨーロッパ旅行で、彼はいそいそと成田国際空港に向かった。Он в **радостном волнении** ехал в международный аэропорт Нарита, так как это была его первая поездка в Европу.

5. 幼稚園を待ち望んで、その子は入園式の朝制服を着ていそいそしていた。Малыш очень хотел в детский сад, и утром перед церемонией посвящения **живо** надел форму и **радостно суетился**.

6. カラオケ付きのスナックで飲んで歌おうと誘うと、妻はいそいそとしたくにかかった。Жена **радостно бросилась** собираться, когда я пригласил её в бар с караоке чего-нибудь выпить и попеть песни.

うー

[uu]

Низкий стон (*звукоподр.*).

<人>が・・・とうなる

1. 猫はとられると思うのか、うーとのどでうなりながら魚をむさぼっている。Кошка, утробно урча, жадно поедала рыбу, словно боялась, что отнимут.

2. 返答につまり、彼はうーとうなったきりだ。Не зная, что ответить, он только мычал.

うじうじ

[ujiuji]

Состояние нерешительности (*сост.*)

<人>が・・・ (と) ためらう、迷う

する

1. うじうじと悩んでいないではっきり課長にかけあったらどうだ。А может, ты перестанешь **мяться** и поговоришь с начальником отдела напрямую?

2. いつまでもうじうじ未練をひきずっていないであきらめたらどうだ。Лучше бы тебе перестать таскаться за ней с **печальными глазами**, а просто забыть её.

3. 君がうじうじして断らないから、むこうはいい気になって無理を押しつけてくるんだよ。Из-за того, что ты **не можешь решительно сказать** “нет”, он продолжает на тебя давить.

4. かたわになり、彼は心理的にうじうじしてしまっている。Став калекой, он **потерял всю свою решительность**.

5. 彼みたいнауじうじした男と話していると、かんしゃくを起こしてしまうよ。Меня раздражает общение с такими **мямлями** как он.

6. 彼女はともうじうじしていて、イヤリング一つ買うのに何時間もかかる。Она ужасно **нерешительная**, может потратить несколько часов на то, чтобы купить одну-единственную сережку.

7. 優柔不断でうじうじしているから、女房に逃げられてしまったのではないか。Вот и жена, наверное, сбежала от него потому, что он такой **нерешительный мямля**.

いじいじ- отсутствие активности, энергичности как результат боязни; うじうじ - нерешительность, проявление колебаний

うじゃうじゃ

[ɯjaɯja]

Копошение, мельтешение (*негат., сост.*)

<小生物、人>が・・・ (と) いる、集まる、群がる、動く

する

1. 卵からかえったばかりの毛虫がうじゃうじゃツバキの葉にたかっていた。Только что вылупившиеся из яичек гусеницы **облепили** листья камелии.

2. 巣箱にはハチがうじゃうじゃと群がっていて手が出せない。Пчёлы **облаком** роятся вокруг улья так, что не подойти.

3. 切符を手に入れようという徹夜組が道路にうじゃうじゃしていて交通防害だ。Желающие купить билеты с ночи **толпятся** на улице и мешают движению.

4. 戦火に追われるインドシナ難民が、虫のようにうじゃうじゃひとかたまりになってタイへ流れこんでいる。Беженцы из Индокитая, словно **мигрирующие** муравьи большими группами **пробираются** в Таиланд, спасаясь от войны.

5. 成田のデモには、農民、過激派グループだけではなく、野次馬どもまでがうじゃうじゃ集まった。На демонстрации в Нарита, кроме крестьян и членов радикальной группировки, **толпились** зеваки.

6. 不景気でいろんな人が、うじゃうじゃいつもパチンコ屋やマージャン屋にたむろしている。Из-за неблагоприятной экономической ситуации в залах игровых автоматов и маджонга постоянно **толпятся** самые разные люди.

うようよ- основное внимание обращено на постоянное движение мелких живых организмов; уじゃうじゃ- собрание в одном месте множества мелких неприятных живых существ.

うようよ

[уоуоуо]

Множество мелких живых существ, копошащихся вместе (*негат.*). О людях - с отвращением, презрением (*сост.*)

<人、虫>が・・・（と）うごめく、群がる
する

1. 石をどけたら下にミミズがうようよ集まっていてぞっとした。Я отодвинул камень и содрогнулся от отвращения - под ним **копошились** черви.

2. 難民キャンプの子供たちは、ハエがうようよとたかっている皿を囲んで食事をしていた。Детишки в лагере беженцев ели, собравшись вокруг миски, над которой **вились** мухи.

3. 人をだましてちょっとでも得をしようという人間が都会にはうようよしているのだから気をつけろよ。В большом городе **полно людишек**, которые стремятся обманом нагреть руки на других, так что будь осторожен.

4. この台所は汚い。ごきぶりがうようよしている。В этой кухне очень грязно. Тараканы **так и кишат**.

5. 川に釣りに行ったら、魚がうようよしていた。Я пошёл на рыбалку, а в реке рыба - **кишмя кишит**.

6. 最近の新宿には、身元のはっきりしない青年がうようよしている。В последнее время в районе Синдзюку **постоянно толпятся** непонятные молодые люди.

7. この子供たちはうようよとはい回っている甲虫の幼虫をナイフで切り刻んだ。Детишки крошили ножом **копошащихся** в куче личинок жуков.

8. 20メートル下の透明な海に、熱帯魚がうようよ泳いでいる。В прозрачной морской воде на 20 метров видно, как **кишмя кишат** тропические рыбы.

うじゃうじゃ - акцент на присутствии в одном месте множества неприятных животных,

うようよ - внимание обращено на движение этих животных.

うわーん

[uwan]

Громкий плач, тж. эхо множества людских голосов (*звукоподр.*).

<人>が・・・と泣く

<声>が・・・と響く

1. いたずらっ子の叫び声がうわーんとかだまして洞くつの中から返ってきた。

Голос проказника **эхом отразился** от стен пещеры.

2. 母親が隣家に出かけたただけなのに、あの泣き虫はうわーんと泣き出した。

Мать всего лишь вышла к соседям, а этот плакса уже ревёт **во весь голос**.

えっさえっさ

[essaessa]

Процесс переноски с усилением тяжёлых вещей (*сост.*).

<人>が・・・ (と) 持ち歩く、運ぶ

1. 何億という札束をえっさえっさ持ち歩くわけではないから、どこかに隠したにちがいない。Не мог же он **таскать за собой** несколько сотен миллионов иен в пачках, так что наверняка спрятал где-то.

2. スキー板なんかえっさえっさ自分で運ばなくても宅急便に頼めばいい。Необязательно **пыхтеть от натуги**, таская самому свой сноуборд, можно воспользоваться службой доставки.

3. 人気歌手の楽屋入り。あとから衣装やら何やらを抱えて付き人がえっさえっさ。Вот входит в гримёрную известная певица. А за ней **пыхтят** под грузом одежды и других вещей сопровождающие.

おいおい

[oioi]

Не прекращающийся в течение долгого времени громкий плач (*звукоподр.*).

<人>が・・・(と) 泣く

1. 臨終のまくら元で**おいおい**泣いた連中が、遺産分配ではつかみ合いのけんかとはね。У смертного одра семейка рыдала **в голос**, а как дошло до дележа наследства, готовы глотки друг другу перегрызть.

2. 卒業。先生と別れを惜しんで男子生徒も**おいおい**と泣く。Вот и выпускной. Даже у мальчишек **текут слезы** – они тоже не хотят расставаться с учителем.

3. その少女は愛犬が死んだとき、**おいおい**声をあげて泣いたそう。Говорят, та девочка ревела **в голос**, когда умер её любимый песик.

4. なんですか、この弱虫は。ささいなけんかで**おいおい**泣いて帰るなんて。Это что ещё за плакса! Подумаешь – поссорились, а ты уже бежишь домой **с рёвом**.

5. ふぐ中毒で夫が急死したとき、熱愛していた妻は**おいおい**泣いた。Когда муж внезапно умер, отравившись рыбой фугу, жена, которая сильно его любила, плакала **не скрывая слез**.

6. あの女性歌手はある週刊誌の中傷記事に**おいおい**泣いた。Эта певица **горько** рыдала над обидной статьёй в одном из еженедельников.

7. 父親の葬式で子供たちが**おいおい**声を上げて泣いているのを見て、胸が詰まった。У меня сжималось сердце, когда я видел детишек, **громко** плакавших на похоронах своего отца.

Примечание: Часто употребляется при описании взрослых, в том числе мужчин, когда те плачут, не скрываясь от окружающих.

Ср. おんおん – более громкий звук плача.

おずおず

[ozuozu]

Состояние нерешительности от страха или неуверенности в себе (*сост.*).

<人>が・・・(と) <する>

・・・する

1. ドアをノックすると、やせた病人らしい年寄りがドアを半開きにして**おずおず**顔をのぞかせた。Я постучал, и приоткрыв дверь, **робко** выглянул худенький старичок, судя по всему, местный пациент.

2. 「100 円貸してくれませんか」ときたない身なりの男が切符売り場で**おずおず**と声をかけてきた。「Не одолжите 100 иен?», - **нерешительно** обратился ко мне у билетной кассы неопрятного вида мужчина.

3. 「ご異存のある方が？」と高飛車に聞かれて、一同**おずおず**するばかり。Он осведомился тоном, не терпящим возражений: «Кто-нибудь против?» Все присутствующие **замялись**.

4. **おずおず**差し出す彼女の細い腕に、医者は注射をした。Она **робко** протянула свою тонкую руку, и врач сделал ей укол.

5. 社長にさんざん脂をしぼられ、秘書は**おずおず**言い訳を並べ立てた。Президент компании сделал своему секретарю строгий выговор, и тот **стал мямлить** какие-то объяснения.

6. 「なにぶんずぶの素人でございまして。どうぞお手柔らかに」と初心者はおずおずして、テニスの相手に言った。「Вы знаете, я совсем новичок. Если можно, пожалуйста, не очень сильно», - **нерешительно сказал** начинающий теннисист своему партнёру.

がーがー

[gaaga]

1. Кряканье утки; уточка (детск.) (звукоподр.).

<あひる>が・・・鳴く

1. 桜の木でおおわれている近所の公園の池で、あひるが**がーがー**鳴きながら水浴びをしている。В соседнем парке, на пруду, окружённом деревьями сакуры, с **кряканьем** плавают утки.

2. Непрекращающийся шум, дребезжание (например из динамиков) (звукоподр.).

<スピーカー、ラジオ、テレビ>が・・・(と)音を立てる、なる

・・・する

1. 産地値売りのスイカ売りの拡声器が**がーがー**とがなりたてて客集めをしている。Громкоговоритель продавца арбузов **хрипит и завывает**, созывая покупателей.

2. どうしたんだろう。ラジオを急に**がーがー**いいだして音楽が聞こえなくなった。Интересно, что случилось? Из радиоприемника внезапно **раздались** какие-то **хрипы** и заглушили музыку.

3. 選挙演説をやっているのだが、マイクががーがーして何を言っているのかわからない。Идёт предвыборное выступление, но микрофон **хрипит**, и ничего не слышно.

3. Крики людей (как одного, так и множества). Тж. употребляется при уподоблении высказываемых жалоб и претензий шуму (*звукоподр.*)

<人>が・・・ (と) わめく、騒ぐ

1. 女房に頼まれたことをやらないでいたら、やるまでがーがーわめかれるからね。Так ведь пока не сделаешь то, что жена просит, так и будет **шуметь**.

2. 期限までにはきっと返済すると言っているのに、毎日電話でがーがー言ってくる。Сказал же ему, что верну деньги в срок, а он всё равно каждый день звонит и **ноет** в трубку.

3. 反対攻勢で野党にがーがーと騒がれるのも覚悟のうえだ。Ничего удивительного, что они **поднимают шум**, нападая на правящую партию.

4. 議長が割れ鐘のような声でがーがーどなりたてているが、聴衆の怒号、ばり雑言、突きあげで何を言っているのかさっぱりわからない。Председатель что-то кричит **дребезжащим**, как надтреснутый колокол, **голосом**, но я не понимаю ни слова из того, что он говорит, потому что все вокруг кричат, ругаются и чего-то требуют.

Ср. тж. がーっ

かーん

[kaan]

1. Звон от удара по металлическому предмету (*звукоподр.*).

<鐘、硬球>が・・・と鳴る、響く

1. 朝もやの中から教会の鐘の音がかーん、かーんと聞こえてくる、おとぎの国のような牧場だ。Утром из тумана доносится **звон** церковных колоколов/**Бом-бом**, - **звонят** церковные колокола, словно находишься на пастбище в волшебной стране.

2. のど自慢会場。気取って歌いだしたとたん、鐘がかーん。Конкурс певцов. Только я с самодовольным видом затянул свою песню, как – **бом-м!** – ударил гонг.

3. 始業ベルがかーん、かーんと鳴った。**Зазвенел** звонок на урок.

2. Высокий, напряжённый, ясный, звенящий голос (*звукоподр.*).

<声>が・・・と澄む、聞こえる

1. かーんとすんだボーイソプラノは、まるで天使の歌声だ。Звнящее мальчишеское сопрано было подобно пению ангела.

2. 座禅に無我夢中になっていると、色白の童顔の修業僧のかーんと澄んだつやのある呼び声でわれにかえった。Я полностью погрузился в медитацию Дзэн, но очнулся, когда меня звонким голоском позвал бледный монах с детским лицом.

3. 親の水田仕事を手伝う男の子の声は、かーんと澄んで響いた。Голос мальчика, который помогает своим родителям работать на залидном рисовом поле, звенит в воздухе.

3. Стужа, холод, мороз; тж. ясный морозный воздух или небо (сост.)

<空気>が・・・と澄む、さえる

1. 冬山の朝、空気がかーんと凍てついて、雪がまぶしい。Утро в горах. Морозный воздух аж звенит, и снег ослепительно ярко сверкает на солнце.

2. かーんと凍てついた朝、屋根の雪おろしにはまいてしまう。Никакого желания сбрасывать снег с крыши дома стылým холодным утром.

3. かーんと澄んだ空のもと、岩頭に立って太平洋を見渡した。Я стоял на вершине скалы под ясным холодным небом и смотрел на Тихий океан.

4. かーんと凍てついた寒さの朝、彼女は父親と2人で駅で列車を待っていた。吐く息が白かった。Холодным морозным утром она стояла вдвоём с отцом на станции, ожидая поезда. Изю рта у них вырывался белый пар.

Ср. тж. *かん* (1) : かさの先がかんとガードレールに当たっただけなのに、バス停の人がいっせいに振り向くんだもの。Подумаешь – звякнула зонтиком о железное ограждение, так все на остановке обернулись в мою сторону.

かつ

[ka]

1. Короткий резкий звук при сильном ударе твёрдого предмета о твёрдый предмет, при этом соприкасающиеся части предметов малы (звукондр.)

<物>が・・・(と)音をたてる

<物>と<物>が・・・(と)ぶつかる

<物>が<物>に・・・(と)ぶつかる

・・・という<音>

1. 敷石に滑ってハイヒールがかつと音をたてて折れた。Я поскользнулась на брусчатке, и каблук сломался с коротким треском.

2. 飛んできた石が私のほおをかすめて後ろの壁に**かっ**と当たった。Камешек царапнул меня по щеке и **с коротким стуком** ударился о стену позади меня.

3. 彫像製作。大理石に最初のの**みをかっ**と打ち込む緊張感。Создание скульптуры... Чувство напряжения, с которым наносится первый **лёгкий удар** зубилом по мрамору.

4. 古式にのっとり、火打ち石を**かっ**と打ち合わせて火を出して灯明にともす。Следуя древней церемонии, он **с лёгким треском** ударил кремнём по кресалу, высек огонь и зажёл лампаду.

2. Состояние, при котором интенсивно ощущаются солнечный свет или жар. Тж. резкое ощущение сильного жара внутри тела (*сост.*)

〈日光〉が・・・と照り付ける

〈炎・熱気〉が・・・とふきつける

〈頭、口中〉が・・・と暑くなる、のぼせる、ほてる

・・・となる

・・・とする

1. 梅雨明け宣言と同時に夏の太陽が容赦なく**かっ**と照るつけてくる。Одновременно с объявлением окончания сезона дождей **беспощадно вспыхивает** летнее солнце.

2. 「火事だ！」とドアをあけたとたん、炎と熱風が**かっ**と襲ってきた。Он распахнул дверь с криком: «Пожар!» - и в то же мгновение **ударила волна** огня и жара.

3. 恥ずかしさで頭が**かっ**と暑くなった。От стыда в голову **ударила волна** жара.

3. Состояние внезапного гнева (*сост.*)

〈人〉が・・・と怒る

・・・となる

・・・とする

・・・とくる

1. 教師が何とかと私をばかにするので、つい**かっ**となつて殴ってしまった。Учитель как будто идиота из меня делает, поэтому я **взорвался** и ударил его.

2. **かっ**としたら何をするかわからない人だから怒らせないように話してくださいよ。Он **в гневе** сам себя не помнит, поэтому постарайтесь поговорить с ним так, чтобы не рассердить его.

3. 女房に粗大ごみと言われ、あのおとなしい男も**かつ**ときたらしい。Когда жена назвала его никчёмным приобретением, даже этот тихоня, говорят, **вышел из себя**.

4. Широко открытые при угрозе или гневе глаза и рот. Тж. используется для описания пугающе широко открытых рта и глаз, даже не сопровождающихся описанными эмоциями (*сост.*)

〈人、像〉が・・・と口をあける、目を見開く

1. 舞台の弁慶は、**かつ**と目を見張ってみえをきる。Бэнкэй на сцене застыл, **выпучив** глаза.

2. **かつ**と口をあけてほえるようすはさすがに百獣の王。Вон как он рычит, угрожающе **разинув** пасть – одно слово: царь зверей!

3. 大門には仁王が**かつ**と口をあけて参詣者を見下ろしている。У больших храмовых ворот паломников встречают, **грозно** раскрыв рты, стражники буддийского рая Нио.

См. тж. **がっ**、**かつ**、**かつっ**、**かつん** (1)

かーっ、**かつか** (2, 3)

かつかつ (1, 2, 3)

照明**かーっ**と集中攻撃され、まぶしさと暑さでせりふを忘れてしまった。

Вспыхнули огни, и под натиском света и жара он позабыл все слова. (2)

辱められ、**かーっ**として前後を忘れて打ち殺したと言う話だ。Рассказывают, что когда его так унизили, он **вышел из себя** и перебил всех вокруг. (3)

掘りごたつの炭火が**かつか**とおこって脚が痛いくらい熱くなってきた。Угли в утопленной в полу жаровне **вдруг вспыхнули**, и ногам стало даже больно от жара. (2)

高熱で額が**かつか**とほてる。У него высокая температура, и лоб просто **пышет жаром**. (2)

夜の帰り道、後ろから足早に**かつかつ**と追ってくるハイヒールの音で立ちどまってみた。Возвращался поздно вечером домой, и услышав за спиной торопливый **стук** каблучков, остановился. (1)

社長、どなっているうちに**かつかつ**となって卒倒したんだって。Говорят, пока директор шумел, он так **завёлся**, что упал в обморок. (3)

がみがみ

[gamigami]

Надоедливые бурные жалобы (*сост.*)

<人>が・・・（と）言う、しかる

1. お前が四六時中**がみがみ**小言を言うから店のものがいつかないんだぞ。

Ты целыми днями **шпыняешь** всех, у тебя в магазине никто из сотрудников не станет долго задерживаться.

2. **がみがみ**としかる前に子供の言い分もひととおりに聞いてやったらどうなんです。Перед тем как **набрасываться** на ребенка, может быть, стоит и его выслушать?

3. 朝から晩まで**がみがみ**と文句ばかり。Он с утра до вечера **зудит и ноет**.

がやがや

[gayagaya]

Шум от большого количества людских голосов, собранных в одном месте. Тж. образ шума большого количества людей (*звукондр.*)

<複数の人声>が・・・（と）聞こえる、騒がしい

する

<人>が・・・（と）騒ぐ

する

1. 休憩時間とみえて、ホールから受講者たちの話し声**がやがや**聞こえてくる。Видимо, наступил перерыв – из холла доносятся **сливающиеся в общий гул** разговоры учащихся.

2. あの教室はいつも**がやがや**しているが教師は何をしているのだ。В той аудитории постоянно **галдят**. Чем там преподаватель занимается?

3. みんな**がやがや**騒いでいてもらちがあかない。代表を出して趣旨をはっきり言いなさい。Хватит **галдеть**, так ничего не решишь. Пусть кто-нибудь один объяснит, в чём дело.

4. いよいよ人気俳優の退院。病院の玄関前に**がやがや**と集まっていた取材陣が色めきたった。Популярный актёр наконец-то выписывается из больницы. **Галдящие** в холле репортёры оживились.

Ср. тж.: **ざわざわ** - шум воспринимается не как досадная помеха, а как звук беспокойства, где к голосам примешиваются также звуки от движения.

ぎくぎく

[gikugiku]

1. Повторяющийся звук или состояние при помехах, остановках, отсутствии ровности в движении. Тж. неровные движения человека (*звукподр.*)

〈物〉が・・・と音を立てる、動く

〈人の動作〉が・・・する

1. 主人の日曜大工。のこぎりがぎくぎくつけて、まだ板一枚切れていない。 Муж в воскресенье плотничает. **Визг** пилы **все время словно спотыкается**, ни одной доски ещё не распилил.

2. やっと自転車に乗れたはいいが、ちょっと油断するときくぎくとハンドルが曲がって倒れてしまう。Только-только научился ездить на велосипеде, но стоит зазеваться, руль **сбивается**, выворачивается, и я падаю.

3. 老人ホームの朝の体操。音楽は軽快だがみんなの足腰はぎくぎくしてくれがち。Зарядка в доме престарелых. Играет весёлая музыка, но старики **двигаются с трудом**, и за музыкой не поспевают.

4. 動作はぎくぎくしているがなかなか精巧なロボットだ。Движения у этого робота **резкие, дёрганые**, но в целом разработан он отлично.

2. Состояние крайней неровности, изогнутости (*сост.*)

〈形状〉が・・・(と)曲がる、角ばる

する

1. やたらにぎくぎくカーブした道を登って頂上に出た。Быстро поднявшись по **извилистой** тропинке, мы вышли к вершине.

2. 手紙のぎくぎく角ばった字の特徴は彼のものだ。Буквы в письме угловатые, **неровные** – это его почерк.

Ср. тж. **ぎくしゃく** (1) – описывает более сложные движения.

ぎくしゃく

[gikushaku]

Неровная, с запинкой речь человека или неровные движения предметов (*сост.*)

〈機械〉が・・・(と)動く

する

〈人〉が・・・(と)動く、話す

する

1. カリヨン広場。時間が来ると動物のオーケストラがぎくしゃく演奏するしかけが愛くるしく人気がある。Оркестр в часах на площади, где зверушки **дёрганymi движениями** исполняют каждый час мелодию, пользуется большой популярностью.

2. あの2人お見合だよ。なんとなくぎくしゃくしたようすで食事をしているもの。Смотри, у тех двоих точно первое свидание. Как-то **нервно** они себя ведут за столом.

3. 茶道で、お手前がぎくしゃくしないようになるには三年はかかりますよ。В чайной церемонии года три уходит на то, чтобы научиться подавать чай **ровно, без резких движений**.

4. 社長の前に立った工員はすっかりあがってぎくしゃく答えるばかりで要領を得ない。Стоящий перед директором рабочий совсем растерялся, **стал заикаться** и никак не мог толком ответить на вопрос.

См. тж. **ぎくぎく** – более простое движение.

ぎすぎす

[gisugisu] (A) [gisugisu] (B)

1. Состояние худобы, костистости, отсутствия выпуклостей (*сост.*)

<人、体>が・・・ (と) (A) やせる

(に) (B) やせる

する (A)

・・・の (B) <体>

・・・した (A) <体>

1. あの年寄り、**ぎすぎす**やせて骨と皮ばかりだ。Старик **совсем высох**, кожа да кости.

2. 過食から一転、拒食症になって娘は**ぎすぎす**にやせてしまった。Дочь, которая всегда ела слишком много, внезапно стала отказываться от еды и исхудала так, что **остались кожа да кости**.

3. 目ばかり大きくて、やせて**ぎすぎす**した子だったがきれいになったじゃないか。Смотри-ка, была таким худющим ребенком, **кожа да кости**, одни глаза, а теперь какая красавица выросла.

2. Отсутствие теплоты, нежности в действиях, словах, отношении (*сост.*)

<人>が・・・ (と) ものを言う、<する> (A)

する (A)

1. 踊りの素質がないんじゃないかな。手振り身振りにはちゃんとおぼえるんだが、なんともぎすぎすしていて風情がない。По-моему, ему не дано танцевать. Он отлично запоминает все движения, но двигается как-то **без души**.

2. 客に文句を言われてぎすぎすと言い返すようではまだ修業が足りない。Ей ещё нужно поучиться: **огрызается** в ответ на замечания клиента.

3. おんならしさや親しみが全然ない、ぎすぎすした物言いをする奥さんだ。Его хозяйка какая-то совсем не женственная, не ласковая, говорит, **будто лает**.

3. Отсутствие хорошего отношения к людям (*сост.*)

〈世間、人間関係〉が・・・する (A)

1. そばで困っている人があっても、無関心でいるか、見て見ぬふり。まったく世の中ぎすぎすしているよ。Случись что с человеком рядом – никто не заметит, или сделает вид, что не заметил. Мир стал **жесток**.

2. 父が亡くなって相続問題が起こってから、どうも兄弟の仲がぎすぎすしてきて、昔のようにすなおに付き合えなくなった。После смерти отца братья **перегрызлись** из-за наследства, уже не дружат как раньше.

きっかり

[kikkari]

Строгое соответствие определённому количеству, отсутствие излишков (*стен.*)

〈数量、時間〉が・・・(と)合う、そろう

〈数量・時間〉が〈物事〉と/に・・・(と)合う、そろう

だ

〈数量・時間・時刻〉・・・に〈する〉

で〈する〉

・・・〈数量・時間・時刻〉で/に〈する〉

〈数量・時間・時刻〉が・・・〈数値〉だ

〈数量・時間・時刻〉・・・の〈物事〉

1. ラインダンスのため身長がきっかりそろっている少女を数十人集めたんだそう。Говорят, они подобрали несколько десятков девочек **абсолютно** одинакового роста, чтобы танцевать линейные танцы.

2. 現金が売上傳票と珍しくきっかり合った。Наличные **полностью** соответствуют продажным чекам, что бывает редко.

3. 30分きっかりで話を打ち切るのは無理だ。Даже не надейтесь договориться обо всем за 30 минут.

4. きっかり 6時に出航だから遅れないように来てくださいよ。Судно отходит **точно** в 6, так что не опаздывайте.

5. 一人五分きっかりの面接でその人物がわかるもんかね。Разве можно понять характер человека, если на каждое собеседование отводится **не больше** пяти минут?!

きっちり – достаточность, きっかり – отсутствие излишков.

かっきり – слоги か и き меняются местами, значение то же.

ちよっきり – с точки зрения отсутствия излишков. きっかり чёткие границы.

ぐいぐい

[guigui]

1. С силой, энергично осуществляемое продолжительное действие (*сост.*)

<人>が… (と) する

1. やぶに猫でもひそんでいるのか、犬は引き綱をぐいぐい引っ張ってにおいをかぎ回る。То ли кошка притаилась в кустах, то ли ещё что-то, только пёс рвётся с поводка, тянет в ту сторону, **старательно** нюхая воздух.

2. 少年たちは自転車のペダルを小気味よくぐいぐいと踏んで急坂を登っていた。 Мальчики весело, **старательно** жмут на педали велосипедов, взбираясь на крутой холм.

3. 相手ののどもとをぐいぐいとしめて、反撃のすいきを与えない。 Он **продолжал усиливать захват** вокруг шеи соперника, чтобы не дать тому возможность провести контратаку.

4. ラッシュ時には乗り込む人にぐいぐい押されて電車からおりられないことがある。 В часы пик бывает, в вагоне придавят **так сильно**, что не выйдешь.

2. Активное продвижение дел, развитие ситуации. Тж. описывает действия людей по активному продолжению дел (*сост.*)

<人>が<事業・計画・攻撃・訓練>を… (と) 進める、行う

<人>が… (と) 攻撃する、抜きんでる、進歩する

1. うちの社長はいったん計画するとぐいぐい押し進める人だからね。Наш директор такой человек – если уж план составили, будет **упорно** его претворять в жизнь.

2. 選手たちが泣こうがわめこうが特訓メニューをぐいぐいと押しつけて、今日の優勝をつかんだのだ。Как мои спортсмены ни плакали, ни стонали, я **постоянно** проводил всё **более и более сложные** тренировки, и сегодняшняя победа – результат этой работы.

3. 相手の弱点をぐいぐいと突いて論破した。Я **последовательно набрасывался** на слабые места противника, и мне удалось опровергнуть его точку зрения.

4. 最後のターンをするや先行の2人をぐいぐい抜き、トップに躍り出た。За последним поворотом я **быстро** обошёл двух лидеров и вырвался на первое место.

5. ぱっとしない少年だったが、高校の終わりごろからぐいぐい頭角を現してきた。Мальчик был не очень сообразительный, однако к концу школы он **как-то постепенно** стал выделяться среди других.

3. Процесс энергичного поглощения жидкости (*сост.*)

<人>が・・・ (と) 飲む

1. 酒に強い男で、酌をされるままにぐいぐい飲みほして、全然酔っぱらったふうがない。Он так легко не пьянеет: **залпом** осушает протянутый стакан, а по нему и не видно совсем, что выпил.

2. 何の集まりなのか、青年たちは大ジョッキをぐいぐいとあおって高話、高笑い。Ребята, наверное, что-то празднуют: запрокидывая голову, **не отрываясь** выпивают огромную кружку пива, и слышны крики ободрения и громкий смех.

ぐい、ぐいつ (1, 3)

ぐぐっ (1)

ぐんぐん(2) – акцент на скорости совершения действия; **ぐいぐい** – акцент на энергичности приложения усилий.

ぐさぐさ

[gusagusa] (A) [gusagusa] (B)

1. Ощущения при неоднократном протыкании чем-то острым не очень твёрдого предмета. Тж. употребляется в переносном смысле для описания восприятия чьих-то резких слов, замечаний (*сост.*)

<人>が<とがった物>を/で<物>に・・・ (と) 突き刺す (A)

〈人の言動〉が〈胸〉に・・・（と）突き刺さる、こたえる (A)

1. ダニ駆除剤。針を畳 5, 6 ヲ所にぐさぐさ突き刺して薬液を注入するしかけである。Средство от клопов применяют следующим образом: иголкой **протыкаете** татами в нескольких местах и заливаете туда жидкость.

2. きりで菓子箱にぐさぐさと穴をあけ、野菜を敷いてカブトムシのすみかにしてやる。**Проткну** шилом дырочки в коробке из-под печенья, настелю туда листья – будет домик для жука.

3. 姑のいやみがひと言ひと言胸にぐさぐさ突き刺さってがまんできなくなつた。Свекровь шпыняет меня, и каждое её слово **занозой остаётся** в душе - сил больше нет никаких.

4. 彼の訓戒がぐさぐさと胸にこたえ、顔もあげられなかった。Его увещевания и замечания **попадали точно в цель**, я даже головы не смел поднять.

2. Некрепко завязанный узел, свободно обвязанный свёрток (*сост.*)

〈物〉を・・・に縛る、包む (B)

〈縛り方・包み方〉が・・・だ (B)

・・・の〈縛り方・包み方〉 (B)

1. このお菓子、きつき包むと壊れるからぐさぐさに包んでそっと持って帰ってね。Эти пирожные нельзя плотно заворачивать: развалятся. Я **слегка** их оберну, а ты носи домой аккуратно, хорошо?

2. 新聞を重ねて縛ったひもがぐさぐさで、持ち運ぶうちにはずれてきた。Газеты перевязали **некрепко**, и пока я их нёс, верёвка развязалась.

3. 踊りのお師匠さんの帯、ぐさぐさの締め方なのにちっとも着くずれしないの。やはりこつがあるんでしょうね。Посмотри: пояс у учителя народных танцев завязан **совсем слабо**, а одежда в порядке, не распахивается. Наверняка он какой-то секрет знает.

Примечание: **ぐずぐず** – акцент делается на обвязываемом предмете, узле; **ぐさぐさ** – акцент сделан на небрежно, не крепко обвязанном содержимом.

ぐさっ, ぐさり (1)

太い注射針が腕にぐさっ と刺さり、思わず目を閉じる。 – Когда мне в руку **с силой** воткнули толстую иглу шприца, я невольно зажмурился.

ゴルフのクラブが折れて打者の体にぐさり と刺さるといふ信じられない事故だ。 – Невероятное происшествие: клюшка для гольфа сломалась и **воткнулась** человеку в ногу.

くねくね

[kunekune]

1. Мягкое движение, изгибание, похожее на покачивание волн (*сост.*)

<人、動物の体>が・・・ (と) 動く

する

1. この国の民族舞踊は、腕や体をくねくねねじり、ゆっくりしたテンポで踊る。Народные танцы в этой стране танцуют в медленном темпе, **плавно двигая** руками и **изгибая** тело.

2. 首や腕にくねくねと動くへびを何匹も巻きつけたへび使いが現れた。Вышел укротитель змей, в руках и на шее у которого **извивались** несколько рептилий.

3. 女は体をくねくねさせて私にすりよってきた。Женщина, **извиваясь всем телом**, приблизилась ко мне.

2. Продолжительное плавное изгибание (*сост.*)

<道、回廊、線路>が・・・ (と) 曲がる

する

1. くねくね曲がりくねった廊下をたどり、やっと露天ぶろに出た。Пройдя по **извилистому** коридору, мы, наконец, вышли к горячему источнику под открытым небом.

2. 汽車はくねくねと谷底をぬってゆっくり走る。Поезд, медленно **извиваясь**, проходит по дну ущелья.

3. やっと車が通れるくらいにくねくねした道をたどり、友人の家を探しあてた。В конце концов я добрался до **извилистой** дорожки, по которой едва мог проехать автомобиль, и принялся искать дом друга.

Примечание: うねうね- акцент делается на общем впечатлении от змееподобной формы или движения; くねくね- акцент на большом количестве поворотов, изгибов в движении, продвижении.

けたけた

[ketaketa]

Шумный странный смех (*звукподр.*)

<人>が・・・ (と) 笑う

1. ちょっと失敗しても女子社員の連中けたけた笑うんだ。Чуть-чуть ошибёшься, а девушки в офисе сразу начинают **хохотать как безумные**.

2. テレビを見ていて突然けたけたという笑い声を立てるの、やめてくれないかな。びっくりするよ。Твои внезапные **приступы громкого смеха** перед телевизором меня пугают. Может, хватит?

げたげた、けらけら

げたげた

[getageta]

Глупый, вульгарный смех (*звукоподр.*)

<人>が… (と) 笑う

1. あの男、酒を飲むとげたげた笑ってばかりいる。Он как напьётся, начинает **глупо хохотать** во всё горло.

2. 工員らしい男たちが野卑な冗談をとぼしてはげたげたと下品な笑い声をあげている。Мужчины, по виду – рабочие, отпускают сальные шуточки и **гогочут** над ними.

けたけた

ごくごく

[gokugoku]

Звук при поглощении значительного количества жидкости; тж. образ такого поглощения, при котором горлом издаются звуки (*звукоподр., сост.*)

<のど>が… (と) 鳴る

<人>が… (と) 飲む

1. マラソンの選手たちは路上に用意された飲料をごくごく飲んでまた走り出す。Марафонцы **жадно глотают** приготовленные для них напитки и бегут дальше.

2. 男はごくごくとのどを鳴らしてうまそうに大ジョッキを飲みほした。Мужчина **шумно**, с удовольствием выпил большую кружку пива.

Ср. тж. こくこく, ごくっ, ごくり, ごくん, ごっくん

生卵の黄身を目をつぶってごくくと飲み込む。Зажмурив глаза, он **разом проглотил** сырой желток.

私は思わずごくりと生つばを飲み込んだ。Я невольно **сглотнул** слюну.

こくん

[kokun]

Звук при глотании небольшого количества жидкости; образ такого глотания (*сост.*)

<人>が・・・とのどを鳴らす、飲む

1. テーブルに並べられたごちそうを見て、私は思わずこくんと生つばを飲み込んだ。Увидев расставленное на столе угощение, я невольно **сглотнул** слюну.

2. すかさずひとさじ口の中に流し込まれた水薬を、赤ちゃんはこくんと飲み込みました。Я решительно влила малышу в рот ложечку лекарства, и он **сразу проглотил** его.

2. Состояние внезапного исчезновения сил, энергии, при котором человек никнет головой (*сост.*)

<人>が・・・と頭を下げる、うなづく

1. 眠けがさしてきたらしく、おばあさんの頭はこくんと前に下がった。Бабуля, похоже, совсем сонная: хлоп! – **уронила** голову на грудь.

2. 「お父さんうちにいるかい？」と聞くと、少年はこくんとうなづいた。«Отец-то дома?» - Мальчик **безвольно** кивнул.

こくっ(1, 2)

こくこく, ごくん(1)

こくり, こっくり(2)

少女は清水をひしゃくでくんで、こくこくと飲みほした。Девочка зачерпнула ковшиком чистой воды и выпила ее **мелкими глоточками**.